

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

М. Е. МАССОН

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ НАМОГИЛЬНЫЕ КАЙРАКИ

Разнообразные эпиграфические памятники прошлого, ежегодно открываемые на территории нашей Родины, являются важнейшими первоисточниками для изучения истории народов Советского Союза. Из области среднеазиатской эпиграфики феодального периода особого внимания заслуживает обширная, еще далеко не полностью приведенная в известность и мало разработанная группа объектов в виде многочисленных средневековых намогильных кайраков, распространенных в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии и Южном Казахстане. Хотя отрывочные сведения об этих памятниках начинают встречаться еще с конца XIX столетия и в научной литературе, преимущественно краеведческого порядка, имеются небольшие статьи, посвященные транскрипции и даже переводу некоторого числа эпитафий с отдельных кайраков из разных районов, в целом ими никто не занимался. При своих многочисленных разъездах по всем среднеазиатским республикам с первых лет революции мне удалось ознакомиться с большим количеством этих намогильников, некоторые из них открыть и зафиксировать, другие — впервые прочесть, по иным подвергнуть проверке ранее предложенную расшифровку их текстов. Изложению в самом сжатом виде некоторых наблюдений над кайраками, а также полученных обобщений и посвящена настоящая статья.

Кайрак (قايراق — қайрақ) — собственно гладко окатанная крупная речная галька, пригодная служить в качестве точильного бруска. Этот термин на территории Средней Азии применяется в узком смысле для обозначения намогильных камней (قبر تاش) в виде галек — гольшей из более или менее твердых горных пород, в южных районах чаще всего из кварцеватых слюдистых песчаников серовато-черного цвета. Овальные в сечении, они имеют различные формы: от продолговатых валунов, вытянутых в длину до 90 см, до уплощенных лепешкообразных валунов, иногда с неправильными очертаниями по контуру. Кайраки употреблялись в натуральном виде без дополнительной обработки поверхности и без каких-либо изменений их естественной формы. Менее плотные, сланцеватые иногда попадают теперь в разбитом состоянии, что дало повод считать, будто некогда их ломали со специальной целью.¹ Не-

¹ Изв. Среднеазиатского музея, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 277—278.

основательность этого предположения вытекает и из слишком ровных плоскостей чисто структурного характера сколов и из-за мало вероятного в Средней Азии за последние несколько столетий с чьей-либо стороны организованного „гонения“ против старинных мусульманских надмогильников.

Намогильные кайраки наблюдаются там, где в старых руслах горных рек встречаются подходящие гальки крупных размеров, а именно в нескольких пунктах Джеттысу, Ферганы, по среднему течению Чирчика, в верхнем и среднем течении Зеравшана. Как исключение, отдельные гальки, заполненные эпитафией в ближайшем к их местонахождению городском пункте, оказывались иногда в некотором удалении от него; они были или вывезены еще в пору изготовления или доставлены позднее из „благочестивых“ побуждений для возложения на тот или иной почитаемый мазар.¹ Самым крупным центром изготовления намогильных кайраков являлся Самарканд, где их до сих пор сохранилось особенно много и где они отличаются наибольшим разнообразием, изысканностью и вместе с тем стилиевой строгостью. Мастера местной школы в средние века несли свое искусство резчиков эпитафий и в другие более северные районы. Это подтверждает между прочим один кайрак, встреченный мной в 1927 г. при изучении в археолого-топографическом отношении средневековой ферганской столицы, Узгента, среди намогильных галек у мазара Шамши-каттол-вали; некогда он предназначался для могилы Абу Бекра, сына Исма'иля, сына ал-Қасима, скончавшегося в 4-й день месяца ша'бан 601/27 марта 1205 г., причем в конце эпитафии высечены слова: „работа Махмуда Самаркандского“.²

На самых могилах и среди сгруппированных у мазаров намогильных кайраков часто встречаются гальки без всяких эпитафий. Некоторые из них изредка несут различные изображения. Лет тридцать назад в верховьях Зеравшана, на кладбище с. Иори, М. С. Андреев встретил кайрак, на котором была высечена одна только примитивная фигурка человечка с расставленными ногами и растопыренными руками. В 1920 г. в Самарканде, южнее древнего кладбища Джакер-диза, на могиле, находившейся во дворе одной махалинской мечети, среди кучи прочих галек мной был обнаружен необычный, продолговатый кайрак длиной около 35 см. При полном отсутствии каких-либо надписей он имел в одном конце вырезанные в профиль стилизованные изображения идущей птицы (фазана?) со сложенными крыльями и

¹ К такого рода „передвинутым“ намогильным галькам нужно отнести, в частности, кайрак, обнаруженный в 1939 г. третьим отрядом возглавлявшейся мной экспедиции археологического надзора на строительстве БФК в 17 км к северо-востоку от Коканда, близ с. Бувайды. Кайрак находился в помещении зийрат-ханы при здании мазара XIX в. Бибі 'Убайды и, согласно эпитафии, был изготовлен для могилы имама хатиб ал-ахрота Сулеймана, сына Дауда, скончавшегося в месяце сафар 595/декабре 1198 г.

² Всего на территории древнего Узгента мной было обнаружено и прочитано в 1927 г. в разных пунктах 28 кайраков. См. Изв. Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 267.

рядом еще более вычурной фигуры крупного громоздкого животного, напоминающего слона, покрытого попоной. На другом конце кайрака в такой же технике была вырезана в профиль человеческая голова в рубчатой короне, близкая по типу и манере исполнения к аналогичным изображениям на монетах позднего бухар-худатского чекана и на подражавших им „черных дирхемах“, обращавшихся на рынках Самарканда еще в XII в. К таким же уникальным кайракам с изображением живых существ принадлежит и та крупная галька, которая еще во втором десятилетии нынешнего века стояла подле мазара Абū-л-Мансūra Матуриди на кладбище Джакер-диза; на ней выше текста эпитафии были выгравированы две парные рыбы. По словам шейхов, обслуживавших тогда мазар, этот надгробный памятник был увезен из Самарканда еще в дореволюционное время каким-то приезжим художником.

С точки зрения размещения эпитафий все кайраки односторонни, и лишь в редких случаях дополнительные тексты оказываются высеченными на боках. На узких продолговатых кайраках эпитафии располагаются короткими поперечными строками, начиная с верхнего конца, и обычно заканчиваются, не доходя до низу. Незаполненный текстом нижний конец галек давал возможность, не закрывая последних слов, частично врыть надгробники в землю и устанавливать наподобие стел. Плоские овальные кайраки укладывали с некоторым наклоном на поверхность могильной насыпи в ее северном конце; они покрыты, как правило, горизонтальными же строчками эпитафий во всю ширину камня, причем длинные тексты сплошь и рядом занимают почти целиком всю верхнюю плоскость надгробника. В этом отношении исключение представляет обособленная немногочисленная группа своеобразных кайраков, которые своими плоскими лицевыми поверхностями напоминают жерновые плиты.¹ Типичным образцом их может служить хранящийся в Ферганском музее надгробник середины XIII в. с кладбища близ Чилийского ущелья против с. Янги-Наукат Ошского р-на. Плоская лицевая сторона этой гальки (высотой 50 см, шириной 42 см), своей естественной формой напоминающей как бы сердце, покрыта двумя незамкнутыми кольцами эпитафии, внутри которых в миндалевидном картуше вписано еще слово с обозначением одной из профессий покойного (рис. 1).

Наружное кольцо: هذا قبر امام الاجل البارع فحوالحق والدين ناصر ابن ناصر.
 В картуше: الخطيب. Внутреннее кольцо: بتاريخ سنة ثمان وخمسين وستماية.
 Это могила имама, славнейшего, превосходнейшего (по добродетели или по знанию), славы истины и веры, Нāсира, сына Нāсира проповедника (скончавшегося) в летоисчисление года шестьсот пятьдесят восьмого (= 18 XII 1259—5 XII 1260).

¹ О древнем обычае у некоторых среднеазиатских народов класть на могилы подлинные жернова и об изготовлении — как пережиток — декоративных жерновоподобных надгробников с эпитафиями см.: М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надгробников Южного Туркменистана. Матер. ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 43—44.

У обычных кайраков наиболее парадно оформленные эпитафии размещаются в михрабовидных рамках, иногда с многолопастной арочкой. Среди редко встречающихся дополнительных украшений, чаще всего в виде отдельных элементов растительного орнамента, попадаются небольшие „крестики“, не раз уже вводившие в заблуждение малоопытных лиц, пытавшихся видеть в них отражение христианской символики.¹

Эпитафии на кайраках выполнялись исключительно на арабском языке различными вариантами почерков куфи, насх и, отчасти, дивани, причем в более поздней группе преобладают разновидности второго почерка. Тексты

Рис. 1. Кайрак с именем имама Насира проповедника 658/1259—1260 г.

часто без пунктуации и лишь изредка имеют другие знаки чтения. В каллиграфическом и литературном отношении безупречнее всего исполнены эпитафии самаркандских надгробников, хотя и на них встречаются различные погрешности, в том числе чисто орфографические. Упрощеннее, грубее, лаконичнее всего и с наибольшим числом недочетов кайраки из северных районов (Казахская ССР, Киргизская ССР), среди населения которых в средние века, очевидно, было меньше, чем в Мавераннахре и Фергане, искусных мастеров и вполне грамотных людей.

В текстах эпитафий нет единообразия, хотя явно в каждую эпоху существовало одновременно несколько локальных типов их, служивших исходными шаблонами даже в части наделяния покойников многословной титулатурой. Последнее обстоятельство в случае неполноты исторических данных в тексте того или иного кайрака облегчает выяснение времени изготовления самих надгробников.

Поскольку исполнение эпитафий было сопряжено с недешевой оплатой труда квалифицированных мастеров, покрытые высеченными текстами кайраки связаны в массе с погребениями представителей имущих классов. Подавляющее большинство из дошедших до нас этого рода памятников в свое время было приготовлено для могил лиц мусульманского духовенства различных рангов — имамов, раисов, шейхов, мударрисов и др. В некоторых эпитафиях упоминаются лица, принадлежавшие к суфийской торгово-ремесленной среде.²

¹ Н. Щербина-Крамаренко. По развалинам Средней Азии. Зодчий, 1886, кн. V, стр. 37, где помещен рисунок одного из кайраков с „крестиками“, найденного близ мазара Шах Фазиль в Сафид-Буленде.

² М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. ЭВ, II, 1948, стр. 10—13.

Исключительно редко встречаются кайраки светских правителей, из которых в настоящее время известны три. Первый, ферганский, находившийся на кладбище „асхабов“ близ с. Наукат с именем одного из последних Караханидов, эмира Зия ад-дина Османа, сына Йусуфа, сына Мухаммед-тегина аш-Шайш, скончавшегося „мучеником“ (шахид) на чужбине в шаввале 605/апрель—май 1209 г.¹ Второй, узгендский, кайрак с именем монгольского эмира Сатымыш Малик-шаха, сына Ильчи, титулованного „великим хаханом“ и скончавшегося в 665/1266—1267 г.² Третий — из Джеттысу, ныне хранящийся во Фрунзенском музее, предназначенный для могилы некоего эмира Люли, умершего в 725/1325—1326 г.³

Вопреки мнению В. Л. Вяткина, будто „кайраков с женскими именами вовсе нет“, ⁴ таковые известны из разных мест Средней Азии, причем все датированные из них относятся к XIV в.

При определении положения женщины в эпитафиях указывается только, что покойница является матерью такого-то эмира или дочерью такого-то садра, или дочерью такой-то матери без упоминания отца, очевидно в связи с тем, что последняя при жизни сама пользовалась достаточной известностью в тогдашнем обществе. Очень редко указывается, что покойница была женою такого-то лица, причем в таком случае ее имя не приводится.

Большинство кайраков, предназначенных для женских могил, находится в северных районах Средней Азии и, видимо, принадлежало аристократии, вышедшей из кочевой среды. Изредка встречающиеся в эпитафиях нежные эпитеты, повидимому, относились к покойницам, не вышедшим из отроческого возраста. В одном случае имя женщины приведено в тексте кайрака в связи с тем, что она в качестве „женки“ и „несчастной созидательницы“ озаботилась изготовить этот намогильный памятник своему покойному мужу, упоминавшемуся выше эмиру Люли.

Кайраки, безусловно принадлежащие погребениям маленьких детей, не известны. Допустимо, однако, предполагать, что некоторые мелкие гальки, кроме одного имени не несущие религиозных формул и не сообщающие никаких иных данных о покойниках, предназначены были служить именно детскими намогильниками. Проставленная на одной небольшой гальке из

¹ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ЗВО, т. XV, вып. II—III, СПб., 1914, стр. 276, где неточно говорится об осмотре в Оше на горе Бахти Сулейман „могилы“ этого Караханида. Ср.: В. В. Бартольд. Ош. (Корреспонденция из Оша). Русский Туркестан, 1909, 29 августа, № 189, стр. 3.

² Надписи на древних могильных камнях в селении Узгенте Андижанского уезда. Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 5. — Н. Г. Малицкий. Несколько слов о древностях Узгента. Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 9—10.

³ М. Е. Массон. Время и история сооружения „гумбеза Манаса“. ЭВ, III, 1949, стр. 35—36. — М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 41—42.

⁴ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. Изв. Среднеазиатского музея, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 278.

Джеттысу под именем „Исма'ил“, арабская цифра 7 возможно должна была обозначать трехлетний возраст умершего младенца.¹

Далеко не на всех кайраках имеются даты смерти. Когда они указаны, годы выписаны полностью словами по-арабски. Иногда сообщаются месяцы

и еще реже, преимущественно на надгробных кайраках XIV в., числа и даже дни недели. В этом отношении совершенно исключительным является узгендский кайрак, в эпитафии которого написано, что „шейх Баба-хѳджа скончался 26 шаввала 779 г., в позднее утро, после утренней молитвы, в моельне“, т. е. 25 февраля 1378 г. вскоре после восхода солнца.² Очевидно, все эти подробности запечатлены потому, что самые обстоятельства кончины — в моельне и после свершения намаза — истолкованы были как сугубо знаменательные и особенно „благодетельные“.

В научной литературе самым древним среднеазиатским надгробным кайраком считается, со ссылкой на работу немецкого ученого М. Хартмана, относимая к середине IX в. самаркандская галька с именем шейха Абӯ Закарыйя', сына Йахья из Варасера, смерть которого, по данным эпитафии и по ас-Сам'анӣ,³ последовала в месяце раби' 230/ноябре—декабре 844 г. (рис. 2). Селение Варасер находилось у головы канала Даргом. Кайрак варасерского шейха привлек к себе внимание устроителей основанного в 1874 г. 'первого Самаркандского музейчика, куда он и был помещен вместе с другим кайраком, имевшим дату XII в. Здесь его в 1879 г. подробно изучал И. В. Мушкетов, взявший с гальки сколы для микроскопических исследований, на основании которых им дано было позднее детальное петрографическое описание кайрака варасерского шейха. Казенный переводчик Управления Зеравшанского округа дал тогда же первый перевод эпитафии этого памятника, в общем правильно передал ее содержание и верно прочитал имя. Он был введен в заблуждение привычным начертанием года

Рис. 2. Кайрак с именем Абӯ Закарыйя' ал-Варасерӣ и с датой 230/844 г.

тальное петрографическое описание кайрака варасерского шейха. Казенный переводчик Управления Зеравшанского округа дал тогда же первый перевод эпитафии этого памятника, в общем правильно передал ее содержание и верно прочитал имя. Он был введен в заблуждение привычным начертанием года

¹ Н. Н. Пантусов. Кладбище на р. Кунгей-Аксу, близ сел. Сазановки. ПТКЛА, г. XI, Ташкент, 1906, стр. 17.

² Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 6—7.

³ The Kitāb al-Ansab of 'Abd al-Karīm ibn Muhammad al-Sam'ānī. In: E. J. W. Gibb. Memorial Series, v. XX. Leiden—London, 1912, л. 581б. (В дальнейшем: Ас-Сам'анӣ, ук. соч.).

смерти. Поскольку в конце обычно помещается слово, обозначающее сотня, он допустил описку мастера и нашел возможным определить дату как 300 г. х., вместо 230 г. х.¹ В 1883 г. по распоряжению туркестанского генерал-губернатора М. Г. Черняева был упразднен Самаркандский музейчик, а его археологическая и нумизматическая коллекция целиком увезены В. В. Крестовским для только что устраивавшегося тогда казенного Ташкентского музея.² В нем, благодаря наличию в Ташкенте более компетентных, чем в Самарканде, ориенталистов, в частности Е. Ф. Каля, ошибка в чтении даты на намогильнике Абӯ Закарийя' ал-Варагсерй была выправлена, и этот памятник фигурирует в материалах VII Археологического съезда как имеющий дату 230 г. х.³ В 1906 г. о нем появилось исследование М. Хартмана, снабдившего свой перевод подробным комментарием,⁴ после чего этот объект Ташкентского музея широко вошел в научную литературу как намогильник IX в.,⁵ хотя не все эпиграфисты были согласны с определением даты, считая, что надпись представляет собой относительно позднее возобновление старой эпитафии.⁶

Если признать, что данный якобы самый древний кайрак изготовлен в 884 г., то от прочих многочисленных среднеазиатских намогильников этой категории он будет отделяться промежутком времени свыше двух столетий. Между тем конструкция эпитафии, употребление слова „сын“ в форме ابن, громоздкая титулатура перед именем покойного и особенно набор титулов указывают на сравнительно позднее происхождение самого текста. Такого рода титулатуры у мусульманского духовенства начинают складываться со второй половины XII в. Вместе с тем сочетание титулов والشیخ الامام الزاهد البارع الوارع المتقى, т. е. 'шейх, имам, отшельник, превосходнейший (по добродетели), богобоязненный, воздержанный', которыми характеризуется Абӯ Закарийя' ал-Варагсерй, исключено для среднеазиатских намогильников XIV в. и, наоборот, очень типично для здешних кайраков XIII в., в частности третьей четверти этого столетия. Очевидно, к этому времени, а не к IX в., относится как составление эпитафии рассматриваемого кайрака, так и его изготовление. Такая датировка находится в полном соответствии с данными эпиграфического порядка, а также с типичным для этой эпохи орнаментальным обрамлением текста эпитафии.

¹ И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I. СПб., 1886, стр. 298.

² В литературе отражено совершенно превратное представление, будто М. Г. Черняевым вместе с разгромом основанной по распоряжению К. П. Кауфмана Туркестанской публичной библиотеки был упразднен и Ташкентский музей (см., например: П. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд. Русская мысль, 1891, кн. 11, стр. 9). В действительности, М. Г. Черняев явился создателем Ташкентского музея и разрушителем Самаркандского.

³ Труды VII Археологического съезда, т. II, Прибавление VI, М., 1891, стр. 321.

⁴ M. Hartmann. Archäologisches aus Russisch Turkestan. OLZ, IX, 1906, № 1, стр. 28 и сл.

⁵ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 104. — RChrérar, стр. 244—245 и др.

⁶ В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии. ЭВ, VII, 1953, стр. 68.

Появление в XIII в. новоизготовленного кайрака для могилы варагсерского имама-отшельника около четырех столетий спустя после его смерти, вероятно, связано с возобновлением в ту пору по тем или иным соображениям некоторых утраченных намогильных памятников более или менее популярных раннесредневековых деятелей на поприще ислама. Так, историк ас-Сам'аний еще во второй половине XII в. проявил заботу о находившейся в мервском селении Синдж и полузабытой к тому времени могиле одного местного деятеля, скончавшегося в 860 г., и даже написал на намогильном кирпиче составленную им самим эпитафию.¹ В этом отношении очень интересна терракотовая зеленая глазури намогильная плита, найденная на одном из присырдарьинских кладбищ к северу от Ташкента и хранящаяся в Музее истории народов Узбекистана. Она сделана в виде михрабной нишки; на ней написана черной краской эпитафия, из которой явствует, что ее предназначали для могилы шейха-отшельника 'Абдуллы, сына 'Йсы, скончавшегося в 400/1009—1010 г., причем датой изготовления самой плиты указан мухаррем 707/3 июля—1 августа 1307 г.

Учитывая все сказанное, намогильник варагсерского шейха, как и открытый мной в 1927 г. у узгендского мазара Клыч Бурхан ад-дина кайрак с могилы шейха Абу Зийада, сына Исма'ила, также умершего в 230 г. х. (причем здесь в дате повторяется необычная последовательность слов *وتثنيتين* *ومايه*), нет никакой необходимости признавать за древнейшие среднеазиатские намогильные гальки только на основании проставленных на них годов смерти обоих лиц.

Можно думать, что, подобно здешним средневековым мусульманским намогильным кирпичам, первые намогильные кайраки, с момента появления на них вначале относительно лаконичных эпитафий, употреблялись в течение некоторого времени без проставления дат смерти покойников. Годы кончины стали указывать, повидимому, уже к середине XI столетия, так как наиболее ранний из известных мне датированных кайраков, находящийся на кладбище таджикского селения Обурдон в верховьях Зеравшана, помечен 459 г. х.² По словам В. Л. Вяткина, среди самаркандских намогильных галек „огромное большинство кайраков принадлежит VI веку хиджры, небольшое количество VII и несколько штук VIII“;³ такое соотношение в среднеазиатском масштабе не наблюдается. По этим столетиям кайраки распределяются более или менее равномерно, лишь с некоторым превышением как будто для VIII, XIV в. Кроме того, самые молодые кайраки приходится не на VIII в. х., а на IX в. х. Наиболее поздним из встреченных мной является

¹ Ас-Сам'аний, ук. соч., л. 313а. В переводе соответствующего места текста, помещенном в „Материалах по истории туркмен и Туркмени“ (т. I, М.—Л., 1939, стр. 335), допущены некоторые неточности, в частности неверно указана дата смерти.

² В. Л. Вяткин считал, что наиболее старый самаркандский кайрак относится к самому концу V в. х. т. е. к началу XII в. н. э. Эта галька находилась на кладбище Джакер-диза (см.: Изв. Средазкомстариса, вып. III, стр. 277).

³ Там же.

крупный кайрак, выкопанный в середине 20-х годов в Узгенде неподалеку от Янги-мазара и предназначенный для могилы шейха 'Абдуллы, сына Мухаммеда Бобо-хаджи, скончавшегося в рамадане 838/апреле 1435 г.

Выявление местонахождений кайраков в Средней Азии, эстампирование, фотографирование, сбор самых галек, наконец их изучение на месте — все это начато трудами русских исследователей и успешно продолжается советскими учеными. Первым европейским ориенталистом, столкнувшимся в 1863 г. с одним кайраком, вмazanым в стену у „тронного“ кукташа в Самаркандской цитадели, был А. Вамбери. Он совсем не разобрался в нем и принял его за „заложенный в стену кусок железа, имеющий форму половины кокосового ореха“. Венгерский ученый разглядел лишь, что „на нем вырезана арабская надпись куфическими письменами“.¹ Ее расшифровку и определение, что она включает эпитафию шейха Ахмеда, сына Дәуда, сына Исхāқа, скончавшегося в 21-й день месяца зү-л-хиджа 550/15 февраля 1156 г., сделал в конце прошлого столетия переводчик Самаркандского областного правления С. А. Лапин.²

Регистрация кайраков в Семиречье началась с сообщения И. А. Колпаковского в 1884 г. Н. Н. Пантусову, что на северном берегу Иссык-Куля, по р. Кунгей-Аксу, в 12 км к западу от с. Сазановки, имеется кладбище с надгробными гальками, на одной из которых, по словам местных мулл, якобы упоминается человек, „плававший по озеру Иссык-Кулю“. Часть камней была доставлена в Статистический комитет Областного правления Семиреченской области в г. Верном, некоторые были увезены разными лицами в Пржевальск и другие места, но все же в 1886 г. Н. Н. Пантусов застал на месте около девяти-десяти кайраков с надписями и тамгами. Фотографию с группы их он тогда же переслал в Археологическую комиссию.³ Как отмечалось выше, первые детальные петрографические описания надгробных кайраков принадлежат И. В. Мушкетову, опубликовавшему в 1886 г. с приложением перевода два самаркандских кайрака 230 и 541 гг. х.⁴

Начало предварительной регистрации некоторых ферганских кайраков положил в 80-х годах чустский уездный начальник Н. А. Арванитак, собравший между прочим списанные копии эпитафий этих надгробных камней из Сафидбуленда и предоставивший их в 1885 г. на рассмотрение приехавшему тогда в годичную командировку в Туркестан от Археологической комиссии Н. И. Веселовскому. Последний, кроме того, сам лично осмотрел на месте кайраки в Касане (Фергана) и пришел к заключению,

¹ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 173.

² Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г., Самарканд, 1896, отд. „Смесь“, стр. 13.

³ ПТКЛА, г. XI, Ташкент, 1906, стр. 6. Позднее Н. Н. Пантусов сообщил еще ряд местонахождений средневековых надгробных кайраков, а по поводу кладбища у Сазановки опубликовал статью „Кладбище на р. Кунгей-Аксу“, в которой привел тексты, переводы и исследования 64 кайраков (см. там же, стр. 5—25).

⁴ И. В. Мушкетов, ук. соч., стр. 396—399.

что надписи на ферганских кайраках начинаются с 550 г. х., а кончаются в IX в. х. и что все они связаны с могилами шейхов.¹

В 1895 г. в печати появилось изображение одного из виденных им в Сафидбуленде кайраков.² В 1897 г. Н. Г. Малицкий изучил, выехав на место, восемь намогильных галек урочища Арча-мазар близ Ходжакента на левом берегу Чирчика (ныне Казахская ССР) и, дав полный перевод надписей, сделал первую в науке попытку использования кайраков в качестве исторических первоисточников для изучения истории Ходжакента XIV в., с выяснением, к какой среде принадлежали упомянутые в эпитафиях лица и какова была их роль в тогдашнем обществе.³ В том же году, благодаря вниманию к этим археологическим памятникам вице-председателя Туркестанского кружка любителей археологии Н. П. Остроумова, были получены тексты трех кайраков из Узгенда, опубликованные вскоре вместе с переводами, причем Н. Г. Малицкий и по ним выступил с историческим анализом.⁴ Наконец, тогда же топограф К. А. Рудановский, осмотрев близ Чилийского ущелья, против с. Янги-Наукат Ошского р-на кладбище Сахабяр-мазар, отметил там наличие около сотни камней с эпитафиями, препроводил в Ташкент археологическому кружку фотографии с четырех из них, а в своем письменном сообщении указал, что, по показанию местных жителей, почти половину намогильных камней в разное время вывезли отсюда в другие места, в частности будто бы в Ош, Узгенд и другие пункты.⁵ Первая публикация текстов двух эпитафий с кайраков XIII столетия из Касана в связи с обследованием древностей этого города А. И. Бряновым была осуществлена Туркестанским кружком любителей археологии в 1899 г.⁶ В. В. Бартольд, всегда уделявший внимание таким ценным эпиграфическим памятникам, какими являются намогильные гальки, в 1902 г. сам выявил

¹ Н. И. Веселовский. Дагбид. ЗВО, т. III, вып. I—II, СПб., 1888, стр. 89.

² Н. Н. Щербина-Крамаренко, ук. соч. Эти сообщения, как и сама работа, опущены в специальной статье о кайраках из Сафидбуленда, опубликованной в „Эпиграфике Востока“ (II, 1948, стр. 9—15).

³ Н. Г. Малицкий. Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия. Приложение к ПТКЛА от 5 мая 1897 г., Ташкент, 1897, стр. 10—21.

⁴ См.: Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 5—7; Н. Г. Малицкий. Несколько слов о древностях Узгенда, стр. 9—10. Н. Г. Малицкий и обе его упомянутые интересные статьи о кайраках Ходжакента и Узгенда не отмечены в сводке опубликованных Туркестанским кружком любителей археологии материалов по среднеазиатским кайракам, которая содержится в прим. 3 на стр. 12 „Эпиграфики Востока“ (II, 1948), где вместе с тем приведены ссылки на ПТКЛА, г. V, стр. 73—74 и 104—113, содержание которых к кайракам никакого отношения не имеет. В первом случае речь идет о терракотовом намогильнике XIX в., а во втором — о мраморных намогильниках и других памятниках XIV—XVII вв. из Шахрисяба.

⁵ К. А. Рудановский, ПТКЛА, г. III, Ташкент, 1897—1898, стр. 4; там же на стр. 15 приложены неточная арабская транскрипция и примерный перевод четырех эпитафий, из которых две без дат, одна — 658 г. х. и одна с указанием даты смерти „сафар 767 г. х.“.

⁶ А. И. Брянов. О следах древнего города Касана в Ферганской области. ПТКЛА, г. IV, Ташкент, 1899, Приложение к статье, стр. 153 и сл.

у подножья горы Тахт-и-Сулейман близ Оша несколько кайраков XII—XIII вв., которые незадолго до того были привезены туда из с. Наукат.¹ По его же инициативе Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в 1908 и 1909 г. выделил В. Л. Вяткину небольшие средства на снятие эстампажей с самаркандских кайраков. Эта работа длилась несколько лет, причем было зарегистрировано и прочитано около двухсот пятидесяти надгробных галек.²

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с широко развернувшимися в Средней Азии археологическими исследованиями памятники этой группы стали регистрироваться еще чаще и многие из них попали в собрания различных местных музеев. Наиболее крупная коллекция их сложилась при Археологическом отделе Самаркандского музея. В сборе и изучении кайраков за время советской власти принял участие ряд лиц, в частности М. С. Андреев,³ А. Н. Бернштам, Е. К. Бетгер,⁴ В. Л. Вяткин,⁵ М. М. Дьяконов,⁶ М. Е. Массон, И. А. Сухарев и др., но все же сделано еще недостаточно. Нельзя упускать из виду, что многие надгробники с течением времени утрачиваются и вместе с тем обнаруживаются новые. Так, в 1929 г. в Ходжакенте из восьми описанных в конце прошлого столетия кайраков я застал только четыре, но зато зарегистрировал новый, не отмеченный Н. Г. Маллицким и имеющий дату 761 г. х. В 1939 г. у подножья Тахт-и-Сулейман близ Оша мы не обнаружили галек, виденных в свое время В. В. Бартольдом и Л. А. Зиминим,⁷ но зато нашли три неизвестных нашим предшественникам кайрака XIV в. с датами 741, 779 и 788 гг. х.

Пора во всех среднеазиатских республиках провести в местных музеях, организациях по охране памятников и соответствующих научно-исследовательских институтах сплошную регистрацию всех имеющихся средневековых надгробных кайраков, обеспечить их сохранность, по возможности сконцентрировать в музейных фондах, изготовить эстампажи и фотографии, прочесть эпитафии и подвергнуть их всестороннему анализу. Это одна из необходимых и своевременных работ по изучению среднеазиатских эпиграфических памятников феодального периода.

¹ Газ. „Русский Туркестан“, 1902, № 189, стр. 3.

² Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, № 10, СПб., 1910, стр. 11 и 22.

³ М. С. Андреев. По Таджикистану. Отчет по экспедиции 1925 г., вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 31.

⁴ Из письма Е. К. Бетгера по поводу кайраков из Киргизии: ЭВ, V, 1951, стр. 134—135.

⁵ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника, стр. 277—278.

⁶ М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. ЭВ, II, 1948: Изв. Среднеазиатского музея, вып. III, стр. 9—15.

⁷ Л. А. Зимин. Сказание о городе Оше. ПТКЛА, г. XVIII, кн. 1 (напечатано ошибочно: „год семнадцатый“), Ташкент, 1913, стр. 15, где упомянут кайрак некоего имама, умершего в месяце раби' ала-ахир 731/1331 г.

*Е. А. ДАВИДОВИЧ***ФЕРГАНСКИЕ САМАНИДЫ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

История Средней Азии в IX—X вв. является одним из наиболее разработанных разделов. Наличие для этого времени разных по характеру исторических и географических источников дало В. В. Бартольдву возможность сказать, что „наши сведения о жизни Туркестана при саманидах отличаются... исключительной полнотой не только в сравнении с предшествующими, но и в сравнении с последующими эпохами“.¹ Но и для этого времени имеются значительные пробелы и лакуны, ибо разные области, входившие в состав саманидского государства, освещены источниками далеко не с одинаковой полнотой. Одной из таких наименее изученных областей является Фергана; сведения источников о ней настолько фрагментарны и настолько в части политической истории подчинены описанию событий в центральных областях, что мы до сих пор не знаем даже хронологии и генеалогии саманидских наместников и владетелей Ферганы. Не случайно А. Н. Бернштам, много сделавший для разностороннего изучения Ферганы, вынужден был отметить: „Весьма неясной остается политическая история Ферганы в IX—X вв.“.² Поэтому особенное значение приобретают всякие другие источники, помогающие хотя бы частично пополнить и уточнить пробел в исторических хрониках. В этом аспекте большую важность приобретает нумизматика Саманидов, которой крупнейший русский нумизмат Х. М. Френ³ придавал большое значение в деле изучения политической истории Средней Азии в IX—X вв.

Саманидская нумизматика, как и история, по праву может считаться одним из наиболее освещенных разделов нумизматики Средней Азии. Саманидские монеты раньше многих других среднеазиатских монет стали объектами пристального изучения в силу того, что масса их обнаруживалась на территории России. Большое количество их опубликовано в порядке каталожного описания, им посвящены многочисленные отдельные статьи и заметки, а также

¹ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 11—12.

² А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 27.

³ В. [Г.] Тизенгаузен. О саманидских монетах. ТВОРАО, ч. 1, СПб., 1855, стр. 24.

сводные работы по топографии их обнаружения. Наконец, именно саманидским монетам посвящена одна из немногих монографий, которые когда-либо были написаны по нумизматике Средней Азии. Наличие этих относительно многочисленных и разного характера публикаций, свидетельствующих о сравнительной разработанности саманидского раздела среднеазиатской нумизматики, не исключает необходимости и плодотворности дальнейшей работы над саманидскими монетами, хотя и не обещает легких и обильных успехов. Наиболее перспективным кажется изучение медных монет, поскольку они опубликованы и использованы с несравненно меньшей полнотой, чем серебряные. Не случайно наиболее интересные исторические наблюдения и факты в последних по времени статьях А. А. Быкова (1945 г.) и А. Ю. Якубовского (1946 г.) явились следствием изучения именно медных монет.¹

А. А. Быков в составе Исфаринского клада (Таджикистан) выявил несколько совершенно новых типов медных монет, которые позволили ему пересмотреть и дополнить сведения письменных источников относительно распределения власти и уделов между ранними Саманидами. В частности, ему удалось установить, что в течение длительного отрезка времени правителем Ферганы был Исхақ ибн Аҳмад, брат Исма'ила, хотя письменными источниками это не было отмечено. Рассмотрение шашских монет 255 г. х. и отождествление имен, упомянутых на этих монетах, вносят новый штрих, немаловажный для истории Шашской области.

В основу статьи А. Ю. Якубовского положены впервые им публикуемые шашские медные фельсы Йа'қуба ибн Аҳмада, другого брата Исма'ила. Монеты эти также являются серьезным дополнением для слабо освещенной письменными источниками истории Шаша — одного из крупнейших владений Саманидов — и в этом аспекте рассмотрены А. Ю. Якубовским при характеристике ранней истории саманидского дома.

Задачей настоящей работы также является рассмотрение нескольких неопубликованных монет, выпущенных в Фергане и проливающих некоторый свет на ее политическую историю в IX—начале X в.

В Государственном Музее искусств Узбекистана (Ташкент) хранится коллекция с Большого Ферганского канала (БФК). Одна из монет этой группы, не имеющая определения ни на этикетке, ни в акте передачи (в последнем она под № 17 названа просто „фельсом медным“), представляет значительный интерес для истории Ферганы X в. и для характеристики взаимоотношений между ферганскими Саманидами и саманидской центральной властью в лице прямых потомков Исма'ила ибн Аҳмада.

Ознакомление с этим экземпляром позволило определить его как медный фельс, чеканенный в Ахсикете от имени Мухаммада ибн Исхақа. Дату

¹ А. А. Быков. Новый клад медных куфических монет из Таджикистана. Тр. Отд. нумизм. Гос. Эрмитажа, I, Л., 1945, стр. 27—113. — А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе. КСИИМК, XII, М.—Л., 1946, стр. 103—112.

выпуска этой монеты мы читаем как 299/911—912 г., о чем ниже придется говорить особо.

Лиц. В поле — суннитский символ веры, в три строки (вариант: لا اله الا الله وحده لا شريك له 'Нет божества кроме Аллаха единого, нет у него сотоварища'). Кругом, между двумя линейными ободками, — надпись с выпускными сведениями: *بِسْمِ اللَّهِ ضَرَبَ هَذَا الْفَلْسَ بَاخْسِيكَتْ سَنَةِ تَسْعِ تَسْعِنَ وَ مَاتِنَ* 'Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Ахсикете, в 299 году'.

Об. В поле — часть символа веры, имя Мухаммада ибн Исхақа и внизу знак *بع محمد / رحول الله / محمد بن اسحق* (Власть принадлежит) Аллаху. Мухаммад посол Аллаха. Мухаммад сын Исхақа'. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, — надпись с именем того же лица: *مما امر به الامير محمد بن اسحق اعزه الله* 'Из того, что приказал амир Мухаммад сын Исхақа, да прославит его Аллах'.

Две совершенно аналогичные монеты впервые были описаны и обстоятельно разобраны А. А. Быковым.¹ Одна из них оказалась в составе упомянутого Исфаринского клада вместе с аббасидскими и саманидскими монетами и описана под рубрикой „неопределенных монет“. Плохая сохранность этого экземпляра не позволила А. А. Быкову прочесть на нем наименование города и дату выпуска, что было восполнено вторым экземпляром, поступившим еще в 1923 г. в Государственный Эрмитаж и помещенным в рукописном каталоге среди ранних саманидских монет. На монете Государственного Эрмитажа читается наименование города (Ахсикет) и дата ее выпуска — 249/863—864 г. Приводя впервые ее полное описание, А. А. Быков особо подчеркивал своеобразное и с точки зрения арабской грамматики неверное написание даты: *(так!) و ماتن (так!) و اربع سنة تسع*, почему и читал ее как 249/863—864 г., с оговоркой „повидимому“.

Касаясь личности Мухаммада ибн Исхақа, упомянутого в надписях разбираемых ахсикетских фельсов, А. А. Быков отмечает отсутствие такого имени в списках известных ему правителей Мавераннахра IX в., в том числе среди представителей династии Саманидов; поэтому он считает преждевременным определение этих монет как саманидских. Со всей обстоятельностью разбирая различные возможности сопоставления имени Мухаммада ибн Исхақа ахсикетской монеты Эрмитажа с каким-либо историческим лицом, упомянутым арабскими или персидскими источниками, а также анализируя состав надписей, А. А. Быков приходит к осторожному выводу о том, что „саманидской эта монета вряд ли может быть“ и что „до появления новых данных осторожнее не принимать окончательных решений относительно загадочной личности Мухаммада ибн Исхақа и его монет“.

Эти новые данные, позволяющие вторично поднять вопрос о личности Мухаммада ибн Исхақа, дает наша вышеописанная монета с БФК. Как уже сказано, она совершенно подобна двум экземплярам, опубликованным А. А. Быковым, по весу и диаметру примыкая к лучше сохранившейся

¹ А. А. Быков, ук. соч., стр. 93, 94, 103—105, табл. III, 2—3.

эмитажной монете. Мелкие детали позволяют заключить, что наша монета чеканена другим штампом.

Однако дату на монете с БФК мы читаем не как 249/863—864 г., а как 299/911—912 г. Единицы и сотни совпадают в обоих чтениях, причем ошибка в написании слова, обозначающего сотни, отмеченная А. А. Быковым для эмитажного экземпляра, повторяется и на нашей монете. Чтение же слова, обозначающего десятки, не как „сорок“, а как „девяносто“, основано на следующих данных палеографического анализа. Во-первых, последняя буква этого слова не может быть прочтена как 'айн, так как по всем другим примерам на этой же монете конец 'айна загибается вправо, а в данном случае он четко отогнут влево. Поэтому последнюю букву слова, обозначающего десятки, мы читаем как нун. Во-вторых, соединительный союз „ва“ между единицами и десятками на экземпляре с БФК отсутствует. Первые же две буквы по начертанию и занимаемому месту совершенно соответствуют двум первым буквам слова, обозначающего единицы, что позволяет читать их как та̣ и син. Буква 'айн на монете с БФК является третьей по счету и непосредственно переходит в конечный нун. Таким образом, в целом получается تسعن 'дев'яносто', только без буквы йā, т. е. с той же самой ошибкой, что и в слове, обозначающем сотни.¹

Опираясь на авторитетное указание А. А. Быкова относительно отсутствия в письменных источниках упоминания какого-либо Саманида с именем Мухаммада ибн Исхақ (нет такого имени в таблицах Лен-Пуля—Бартольда и Цамбаура), мы вынуждены обратиться к анализу нумизматических данных на фоне исторической обстановки конца IX—начала X в.

После смерти в 250/864 г. первого саманидского владетеля Ферганы, Ахмада ибн Асада, область перешла в управление к одному из его сыновей, Абū-л-Аш'асу Асаду. В 275/888 г. началась новая война между сыновьями Ахмада ибн Асада, причем на одной стороне были Наṣр и Асад, а на другой — Исма'йл и Исхақ. Дальнейшая судьба Асада после его двукратного поражения в 275/888 г. неизвестна, а соответственно неизвестно имя правителя Ферганы после военных действий 888 г. и примирения между Наṣром и Исма'йлом. На этом моменте впоследствии нам придется остановиться специально, сейчас же важно подчеркнуть, что в 284/897—898 г. Ферганой

¹ Может быть дополнительный палеографический анализ позволил бы на ахсикетской монете Государственного Эрмитажа пересмотреть дату в части слова, обозначающего десятки. На фотографии четко видно, что начертание не совпадает полностью с экземпляром с БФК, ибо на эмитажной монете последняя буква, несомненно, — 'айн, так как ее конец загнут направо. Однако буква 'айн в конце слова позволяет читать не только „четыре“, но также „семь“ или „девять“. Третья с конца буква также как будто не может быть принята за ра̣ в слове „арба'ун“. Если же букву после слова, обозначающего единицы, считать не соединительным союзом „ва“, а первой буквой слова, обозначающего десятки, то по количеству составных элементов на эмитажном экземпляре можно было бы читать „тис'ун“ — „девять“ (вместо „девяносто“). При таком варианте в обозначении десятков оказалась бы ошибка, как и в слове, обозначающем сотни. Однако настаивать на таком чтении на основании только фотографии мы не считаем возможным.

уже владел другой сын Ахмада ибн Асада, вышеупомянутый союзник Исмаїла, Исхақ ибн Ахмад. Письменные источники об этом обстоятельстве ничего не сообщают, как и вообще об Исха́ке для данного отрезка времени. После 275/888 г. Исха́к в исторических хрониках вновь появляется только через два десятилетия, в 295/907 г. Однако этот пробел восполняется нумизматическими данными. Впервые факт принадлежности Исха́ку Ферганы отметил А. А. Быков на основании медных фельсов, чеканенных в Ахсикете в 284/897—898 г. от имени Исха́ка ибн Ахмада. Три такие монеты оказались в коллекции Государственного Эрмитажа, а пять — в составе вышеупомянутого Исфаринского клада.¹ Аналогичная монета, чеканенная, однако, новым штампом и обладающая поэтому некоторыми частными палеографическими особенностями, была обнаружена в 1950 г. археологическим отрядом (начальник — М. Э. Воронец) Музея истории АН УзССР на городище Мунчак-тепе Папского р-на Наманганской обл. Ферганы и определена нами как чеканенная в Ахсикете в том же 284/897—898 г.

Ахсикетские монеты 284 г. х. и некоторые косвенные соображения позволили А. А. Быкову предположить, что до 295/907 г., когда Исха́ка ибн Ахмада заключил в тюрьму его племянник, он, вероятно, непрерывно оставался правителем Ферганы. Это предположение А. А. Быкова великолепно подтверждается неопубликованной монетой Музея истории АН УзССР (колл. 8, № 17), также чеканенной в Ахсикете Исха́ком ибн Ахмадом, но не в 284 г. х., а несколькими годами позже, в 290/902—903 г.

В 298/910—911 г. Исха́к ибн Ахмад был освобожден из тюрьмы и назначен правителем Самарканда и Андижана, но в 301/914 г. он поднял восстание, претендуя на центральную власть, и на короткое время овладел почти всеми городами Мавераннахра и частично Хорасана. К этому году относятся серебряные дирхемы с его собственным именем. Восстание окончилось поражением Исха́ка и его сыновей, причем сам Исха́к был заключен в тюрьму, где и умер.

Если ахсикетскую монету Мухаммада ибн Исха́ка, чеканенную в 299/911—912 г., сопоставить с фактом принадлежности (во всяком случае до 301/914 г.) Ферганы Исха́ку ибн Ахмаду и его сыновьям, то не будет вызывать сомнения вывод о том, что Мухаммад ибн Исха́к и является одним из сыновей Исха́ка ибн Ахмада. Если его имя не упомянуто историческими хрониками — это значит только, что он лично не принимал активного участия в борьбе против прямых потомков своего дяди Исмаїла ибн Ахмада, будучи в отсутствие отца фактическим правителем Ферганы. А события в Фергане для этого времени вообще не освещены письменными источниками, тем более что даже сам Исха́к ибн Ахмад в роли владетеля и правителя Ферганы ими вовсе не упомянут: он появляется в исторических хрониках только тогда, когда это касается центральных областей владений Саманидов. И, соответственно, из его сыновей в источниках упомянуты только те, которые приняли активное участие в борьбе с центральной саманидской властью.

Остается неясным только один вопрос: разрешил ли Мухаммаду сам Исхақ чеканить медь с упоминанием его, Мухаммада, имени и без упоминания своего собственного или Мухаммад незаконно присвоил себе это право? Первое предположение не лишено вероятия, ибо в 298/910—911 г. Исхақ получил в управление Самарканд и Андижан, а Ахсикет мог передать своему наименее воинственному сыну, так же, как сам когда-то получил этот город от брата и затем племянника.

После восстания 301/914 г. один из сыновей Исхақа и деятельный его сподвижник, Илйас ибн Исхақ, бежал в Фергану. Однако сыновьям Исхақа в ближайшее время не удалось сохранить управление и владение Ферганой с правом чекана медных монет от своего собственного имени, так как в следующие годы в Ахсикете чеканит сначала совсем другое лицо (об этом ниже), а затем медные монеты выпускаются от имени главы саманидской династии.¹ О потере Ферганы говорит также восстание, еще раз поднятое в ближайшее время (922 г.) в Фергане же Илйасом ибн Исхақом и быстро подавленное.

Кто же управлял Ферганой после неудачного в 914 г. восстания Исхақа ибн Ахмада и его сыновей, в результате которого они потеряли все свои права и привилегии? Частичный ответ на этот вопрос также дают монеты, чеканенные в Ахсикете в 303/915—916 г. Нам известны три такие монеты: одна опубликована В. В. Бартольдом, а две неопубликованные хранятся в Музее истории АН УзССР.² Дата на одной из монет Музея истории АН УзССР стерта, но так как все три экземпляра одинакового типа — описание приводим общее:

Лиц. В поле — суннитский символ веры в три строки *لا اله الا الله وحده لا شريك له* 'Нет божества кроме Аллаха единого, нет у него сотоварища', а в четвертой строке — имя *محمد بن اسد* 'Мухаммад сын Асада'. Кругом, между линейными ободками, выпускные сведения: *باسم الله ضرب هذا الفليس باخسيكت سنة ثلث و ثلثمائة* 'Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Ахсикете в 303 году'.

Об. В поле — надпись в четыре строки с частью символа веры и именем Насра сына Ахмада: *الله محمد رسول الله نصر بن احمد* '(Власть принадлежит) Аллаху. Мухаммад посол Аллаха. Наср сын Ахмада'. Кругом, между точечным внутренним и внешним линейным ободками, — надпись с именем Мухаммада ибн Асада: *مما امر به الامير محمد بن اسد اعزه الله* 'Из того, что приказал амйр Мухаммад сын Асада, да прославит его Аллах'.

¹ См. например, ахсикетские фельсы 304/916—917 г. и 320,932—933 г., чеканенные от имени Насра ибн Ахмада (914—943 гг.). (В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 145, 173).

² В. В. Бартольд. Из Минц-Кабинета при С.-Петербургском университете. II. Неизданный саманидский фельс. ЗВО, XII, СПб., 1900, стр. 060. — Одна из двух монет Музея истории АН УзССР (колл. Востфака, ведомость хранения 35, № 49) в описи определена Т. Миргиязовым, как „Наср б. Ахмед, Ахсикет, 303“, а на этикетке как „Ахсикет 303. Наср б. Ахмед б. Асад б. Асад“. Вторая монета (колл. 8, № 30) определена М. Е. Масоном как „Мухаммед б. Асад, Ахсикет“.

Итак, монеты чеканены в Ахсикете — столице Ферганы — от имени двух лиц: Насра ибн Ахмада и Мухаммада ибн Асада. Первое имя не вызывает никаких недоразумений: это Наср II ибн Ахмад, глава династии в 301/914—331/943 гг. Хотя местоположение его имени на монетном кружке и почетно, оно отнюдь не говорит о непосредственном владении монетной регалией и городом. Имя другого лица — Мухаммада ибн Асада — повторено дважды: в круговой надписи оборотной стороны и в поле лицевой стороны.

Собственные имена на медных саманидских монетах, как правило, помещались именно в этих трех местах: в поле двух сторон монетного кружка и в круговой надписи оборотной стороны. Обычно местоположение имен определялось значимостью упоминаемых лиц, характером их отношения к области, городу или даже монетному двору. В поле лицевой стороны по большей части упоминались не члены династии, а лица второстепенной значимости, вроде наместников или даже еще более мелких чиновников. В поле оборотной стороны упоминались в большинстве случаев члены династии, особенно часто — главы династии или вообще лица, осуществлявшие какое-либо верховное владычество (вроде халифов, имена которых на серебряных монетах помещались именно в поле на обороте монеты). Правда, нельзя не отметить, что такое распределение не было стандартным и абсолютно обязательным. Могут быть некоторые варианты и другие сочетания, так что при анализе нельзя исходить только от расположения имен, однако и не учитывать это обстоятельство было бы неправильно. Кроме того, третье местоположение — круговая надпись оборотной стороны — в отличие от первых двух всегда имеет один смысл, если начинается с вводной формулы مما امر به الامير 'Из того, что приказал амир'. Имя в такой надписи могло принадлежать только тому лицу, которому принадлежала монетная регалия и, в конечном счете, фактическая власть в данном городе или области. Эта власть могла осуществляться непосредственно или через наместника (имя которого поэтому появлялось иногда в поле монетного кружка, чаще на лицевой стороне), но это была власть, со всеми связанными с ней экономическими и политическими атрибутами. Именно вследствие этого на основной массе серебряных и медных монет в круговой надписи оборотной стороны представлено имя главы саманидской династии. Если же в данном месте упомянуто другое имя — это требует специального рассмотрения и находит свое объяснение в сепаратистских стремлениях или особом политическом положении упомянутого лица.

На разбираемых ахсикетских монетах 303/915—916 г. в круговой надписи оборотной стороны, после вводной формулы 'Из того, что приказал амир', стоит не имя саманидского государя Насра II, а имя какого-то Мухаммада ибн Асада. Следовательно, Мухаммад ибн Асад был фактическим правителем Ахсикета в 303/915—916 г., обладал монетной регалией, политическими и экономическими правами. При этом он признавал саманидского государя Насра II своим верховным главой, так же как, например, сами Саманиды признавали халифов. Свое формальное признание и номиналь-

ное главенство саманидского государя Мухаммад ибн Асад подчеркивал тем, что в поле монетного кружка проставлял имя Насра II, чего не делали, между прочим, его предшественники в Фергане, Исхақ ибн Ахмад и его сын Мухаммад ибн Исхақ. Два последних лица, как уже было показано, управляли Ферганой при саманидских государях Исма'йле (279—295/892—907 гг.), и его сыне Ахмаде (295—301/907—914 гг.), но в разобранных выше монетах вовсе не проставляли их имен (табл. 1). Это обстоятельство характеризует определенную разницу во взаимоотношениях между названными тремя лицами и центральной саманидской властью.

Среди членов саманидской династии восточные авторы в качестве правителя Ферганы не упоминают Мухаммада ибн Асада, но отмечают полководца Абӯ'Амра Мухаммада ибн Асада, подавившего в 922 г. восстание, поднятое в Фергане одним из сыновей ее бывшего правителя Исхақа. Естественное всего было бы отождествить имя Мухаммада ибн Асада на монетах с названным полководцем, тем более что дату чекана монет (915—916 г.) и свидетельство источников о подавлении восстания (922 г.) разделяет всего 7—8 лет. Такое именно отождествление и предложил В. В. Бартольд. Публикуемый им фельс, по его словам, „любопытен тем, что дает нам имя члена династии Саманидов, которое, насколько нам известно, на монетах до сих пор не встречалось. Очевидно, названный здесь Мухаммед ибн Асад родственен с упомянутым у Ибн ал-Асйра Абӯ' Амром Мухаммедом ибн Асадом, усмирившим в 310 (922) г. в Фергане восстание царевича Ильяса ибн Исхақа“.¹ К сожалению, В. В. Бартольд ограничился этим коротким замечанием и не рассмотрел ни родословной Мухаммада ибн Асада, ни характера его прав на Фергану, ни обстоятельств, определивших возможность его самостоятельного чекана, и т. д. Между тем ахсикетские монеты в сопоставлении с общеисторической ситуацией открывают определенные возможности в этом направлении.

Особенно примечательно имя отца Мухаммада — „Асад“. Примечательно оно тем, что такое имя носил один из сыновей Ахмада — первого владельца Ферганы, причем именно этот Асад ибн Ахмад получил Фергану после смерти своего отца Ахмада. Обращают внимание два совпадения. Оказывается, что Асад ибн Ахмад и Мухаммад ибн Асад являются владельцами одной и той же Ферганской области, причем имя первого совпадает с именем отца второго. Известные хронологические даты из жизни обоих лиц, а также анализ общеисторической обстановки делают совершенно правдоподобным допущение, согласно которому Мухаммада ибн Асада следует считать сыном второго владельца Ферганы, Асада ибн Ахмада и внуком первого владельца Ферганы, Ахмада ибн Асада.

После смерти названного первого правителя Ферганы, Ахмада ибн Асада, в 250/864 г. его сыновья образовали две основные группировки: во главе одной стоял наследовавший Ахмаду Наср (к тому же — глава династии после

¹ В. В. Бартольд. Из Минц-Кабинета. . . , стр. 059.

смерти отца), а во главе второй — Исма'йл. Взаимоотношения между обоими братьями носили то мирный, то враждебный характер. Два других брата — Асад и Исхақ — принимали самое деятельное участие в этих междоусобиях, причем Асад на стороне Насра, а Исхақ на стороне Исма'ила. Такие группировки не кажутся случайными. Асад в это время владел большой Ферганской областью и поэтому, естественно, поддерживал законного саманидского государя Насра. У Исхақа в это время не было крупного владения, и он рассчитывал получить таковое только с победой Исма'ила. Его расчеты прекрасно оправдались, когда уже в 273/887 г. Исхақ (после временного примирения Исма'ила и Насра) получил в управление Бухару. После новой войны 275/888 г., победы Исма'ила, взятия в плен Насра и бегства Асада, т. е. после полного поражения противной группировки, Исхақ мог ожидать достойной награды за верность и содействие Исма'илу. Хотя после своей победы Исма'йл внешне признал старшинство Насра, так что последний до конца жизни оставался главой государства, — победа Исма'ила была слишком очевидной и значение ее не могло быть преуменьшено.

Об Асаде после событий 275/888 г. письменные источники уже как будто не упоминают. Но ясно, что после победы 275/888 г. Исма'йл, из политических соображений сохранивший престол за Насром, совсем по-другому расправился с остальными своими врагами, в частности и с неудачливым союзником Насра, Абу-л-Аш'асом Асадом. Не случайно в исторических хрониках сообщается, что Асад бежал. Исма'йл должен был вознаградить Исхақа. Если к тому же учесть, что, по нумизматическим данным, относящимся к 284—290 гг. х., именно Исхақ выступает в качестве владетеля Ферганы, — не будет вызывать сомнений, что Фергана была отнята у Асада и передана Исхақу Исма'илом. Для этого акта 888 г. был чрезвычайно благоприятен, так как он ознаменовался военной и морально-политической победой над лагерем Насра и поэтому возможно допустить любые уступки со стороны последнего.

Так как Исхақ получил Фергану от Исма'ила и от него же впоследствии право чекана медных монет со своим собственным именем, — он до конца оставался верным Исма'илу и не бунтовал против него. Последнее обстоятельство лишний раз подтверждает правильность нашего вывода о том, что Фергана Исхақу досталась через Исма'ила и в результате побед над противной группировкой Насра—Асада, т. е. в том же 275/888 г.

После смерти Исма'ила положение изменилось. Исма'йл в свое время наследовал престол Насра как брат. Поэтому Исхақ после смерти Исма'ила мог считать свои претензии на престол наиболее законными; но Исма'илу наследовал его сын Ахмад. Однако и Ахмад, вероятно, понимал известную законность претензий своего дяди Исхақа. Не случайно он заключил Исхақа в тюрьму в 295/907 г., т. е. в год своего вступления на престол. Не исключено, что со стороны Исхақа уже имели место открытые враждебные выступления. Исхақ был освобожден только в 298/910—911 г. и сразу получил в управление два крупнейших города — Самарканд и Андижан. Это нельзя

рассматривать иначе, как негласный договор, взаимные уступки и отказ со стороны Исхақа за эту материальную компенсацию от всяких претензий на престол. В результате в руках Исхақа и его семьи оказались и Самарканд, и вся Фергана, поскольку в следующем, 299/911—912 г. в столице Ферганы, Ахсикете, чеканит монету его сын Мухаммад ибн Исхақ.

Как выше уже отмечалось, на монетах Исхақа и его сына Мухаммада, чеканенных в Ахсикете, имена глав династии не упоминались. Это лишний раз свидетельствует о том, что в Фергане они были полностью самостоятельными удельными владельцами. Исхақ, кроме того, претендовал и на центральную власть. Еще одну попытку овладеть престолом он сделал в 301/914 г., после гибели своего племянника амира Ахмада. На короткое время ему даже удалось это осуществить, свидетельством чего являются давно уже обратившие на себя внимание серебряные монеты с его именем.

Подводя итог всему сказанному, развитие отношений между Исхақом и его семьей, с одной стороны, и центральной саманидской властью — с другой, можно разделить на три этапа: первый этап, когда Исхақ выступал союзником Исма'йла, через него получил крупное Ферганское владение, считал себя внутри Ферганы полностью самостоятельным, но на центральную власть не претендовал; второй этап, когда Исхақ уже претендовал на саманидский престол, но пошел на компромисс и материальную компенсацию за отказ от своих претензий на центральную власть; третий этап, когда Исхақ открыто восстал, объявил себя главой династии и даже имел временный успех. Потерпев поражение на этом третьем этапе, Исхақ, естественно, лишился свободы, своих владений и привилегий.

Кому же досталась Фергана после поражения Исхақа и его семьи? Каких представителей саманидского дома могла и должна была центральная власть противопоставить семье Исхақа в отношении прав на Фергану? (А противопоставить все же было необходимо в качестве морально-политического оправдания окончательного разгрома и полного лишения привилегий всех членов семьи Исхақа).

Самыми естественными и законными претендентами на Фергану должны были выступить потомки Абу-л-Аш'аса Асада, когда-то владевшего областью и потерявшего ее в результате побед Исма'йла и Исхақа. Можно даже предполагать, что на протяжении всего рассматриваемого времени семья Асада не переставала претендовать на бывшее владение Асада — Фергану. Но пока Исхақ на третьем этапе не отказался от всяких компромиссов с центральной властью, такие претензии не могли быть очень опасными и основательными и не встречали нигде особой поддержки. Зато после открытого восстания Исхақа и его поражения такие претензии были не только своевременными, но должны были встретить очень благоприятный прием, так как вполне законные претензии семьи Асада придавали отнятию Ферганы у семьи Исхақа вид возвращения этой области ее первоначальным законным владельцам. В этом аспекте ахсикетские монеты 303/915—916 г.) с именем Мухаммада ибн Асада приобретают новое значение. Если к тому же

учесть, что на них упомянуто имя главы династии, Наѣра II ибн Ахмада, предложенное отождествление Мухаммада ибн Асада монет с не отмеченным письменными источниками сыном Абу-л-Аш'аса Асада уже не будет вызывать сомнений. В период разгрома Исхақа он получил Фергану при содействии центральной власти, номинальное признание которой и оформил упоминанием в монетных надписях Наѣра II. Вместе с тем законность своих прав на Фергану, отнятую когда-то у его отца, Мухаммад подчеркнул с разрешения центральной власти медным чеканом от своего собственного имени с титулом амира.

Однако показательно, что уже в следующем, 304/916—917 г. мы видим в Ахсикете медный чекан от имени только главы государства, Наѣра II ибн Ахмада. Никаких других имен на этих и следующих монетах нет. Почему Мухаммад ибн Асад так быстро был лишен права чекана медных фельсов от своего имени? Не исключено, что он, начав с полунезависимости в Фергане, вскоре стал претендовать на большее, так что его или сместили или лишили всяких прав и привилегий.

Таким образом, после смерти первого владельца Ферганы, Ахмада ибн Асада, область оказалась во владении сначала двух его сыновей, а потом — двух внуков, причем вторая половина IX и начало X в. характеризуются борьбой за Фергану этих двух семей: семьи Асада ибн Ахмада и семьи Исхақа ибн Ахмада (табл. 2). Взаимоотношения членов обеих семей с центральной саманидской властью обычно решали исход этой борьбы, но в любом случае Фергана со столичным Ахсикетом представляла самостоятельное, фактически независимое крупное удельное владение, лишь номинально признававшее центральную власть. Характер взаимоотношений между ферганскими удельными владетелями (из представителей двух названных семей) и центральной саманидской властью в некотором роде напоминает более ранний период истории Саманидов и их взаимоотношения с Тахиридами. Ферганские владетели на указанном отрезке времени имели право чеканить медные монеты от своего собственного имени, так же как раньше Саманиды при Тахиридах. Монеты, сохранившие имена трех забытых письменными источниками владетелей Ферганы, открыли одну любопытную страничку из очень слабо освещенной истории этой области в IX—X вв.

Эти же монеты дают новый материал для характеристики одной из сторон государственного устройства при Саманидах. Саманидское государство включало области, как целиком подчинявшиеся центральному управлению, так и фактически независимые и лишь номинально признававшие центральную власть. В первых сидели наместники, управлявшие от имени центральной власти и получавшие за это определенное жалованье; вторые принадлежали местным владетелям-династам досаманидского происхождения, которые все налоги собирали в свою пользу. Исследователями-историками детально проанализирована система устройства центрального государственного аппарата

Таблица 1

Собственные имена на медных ахсикетских монетах конца IX—начала X в.

Дата хаджры	Поле лицевой стороны	Поле оборотной стороны	Круговая надпись оборотной стороны
284 290	—	Исҳақ	Амир Исҳақ ибн Аҳмад
299	—	Муҳаммад ибн Исҳақ	Амир Муҳаммад б. Исҳақ
303	Муҳаммад ибн Асад	Наѝр ибн Аҳмад	Амир Муҳаммад ибн Асад
304	—	Наѝр	Амир Наѝр ибн Аҳмад

Таблица 2

Генеалогическая таблица ферганских Саманидов IX—начала X в.

и областного управления, отмечены по письменным источникам особенности и характер взаимоотношений между центральной саманидской властью и владельцами фактически самостоятельных областей (вроде Хорезма, Исфиджаба, Саганиана, Хутталяна и др.), но до настоящего времени даже не поставлен вопрос о том, какие доходы и в какой форме получали многочисленные члены династии. Если они назначались правителями отдельных областей или городов — имело ли это (с точки зрения экономической) вид ленного пожалования с переходом части или всех доходов в пользу владельца, или они совсем не отличались от обычных наместников и получали определенное жалованье? С точки зрения государственного устройства, выступали ли такие правители из членов саманидской династии в качестве удельных владельцев, независимых во внутренних делах, или они зависели от центрального аппарата управ-

ления? Все эти и другие вопросы ждут еще своего рассмотрения. Письменные источники, к сожалению, не дают на них прямых ответов. Тем большую ценность приобретают всякие косвенные указания. Изучение ахсикетского чекана, в частности, дает основание утверждать, что на рассмотренном отрезке времени, т. е. в IX—начале X в., Фергана была крупным самостоятельным удельным владением, лишь номинально признававшим центральную власть. Следовательно, для отдельных отрезков времени и для отдельных областей можно говорить, что некоторые члены династии получали не наместничество, а имели настоящие уделы со всеми вытекающими из этого определения политическими и экономическими характеристиками.

Организация управления собственно саманидской территорией (т. е. без областей типа Хорезма, Исфиджаба, Хутталаяна и др.) дала основание исследователям рассматривать саманидское государство как в известной мере централизованное. Ферганский материал показывает, что этому же самому государству в пределах собственно саманидских областей не были чужды элементы и черты того подлинно феодального удельного устройства, которые в следующие столетия станут типичными и господствующими. Следовательно, условия для победы удельной государственной системы вызревали еще в рамках и внутри саманидского государства, только восточные исторические хроники не оставили на этот счет конкретных указаний.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

АРАБСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ПЯНДЖИКЕНТА

Городище древнего Пянджикента относится ко времени, предшествующему арабскому завоеванию Средней Азии. Можно считать твердо установленным, что именно в связи с нашествием арабов город этот пришел в запустение,

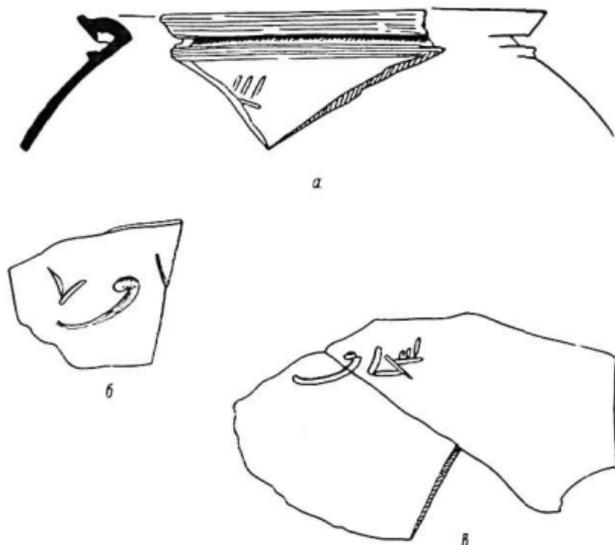

Рис. 1.

а — профиль сосуда с арабской надписью из Пянджикента; б, в — фрагменты сосудов с арабской надписью из Пянджикента.

ние, но жизнь в нем целиком не угасла. Во время раскопок приходится сравнительно часто наталкиваться на следы вторичного использования отдельных помещений более или менее случайными поселенцами. Последние, повидому, пользовались при этом предметами материальной культуры, которые они находили в запустевшем городе. Так, установлено вторичное использование разных изделий, в том числе керамических. До сих пор, однако,

напластований с предметами материальной культуры, которые можно было бы датировать временем более поздним, чем VIII в., не было установлено. В частности, среди керамических находок не обнаружено предметов, которые относились бы к последующим векам. В связи с этим определенный интерес представляет находка в 1953 г. при раскопках одного из зданий (объект IX) значительного количества фрагментов керамической посуды, резко отличающейся от обычной для Пянджикента керамики. В то время как последняя преимущественно изготовлялась из светлых глин, сосуды, о которых идет речь,

Рис. 2. Фрагменты сосуда с арабской надписью из Пянджикента.

изготовлены из серой глины с большим включением мелкозернистого песка. Насколько можно судить, они служили в основном для варки пищи. Тем более обращает на себя внимание тщательность работы. Все сосуды изготовлены на гончарном круге. Особой изощренностью отличается оформление венчиков сосудов (рис. 1, а), профиль которых представляет собой замысловато изломанную линию. Это особенно бросается в глаза при сравнении с обычно просто оформленными венчиками массовой посуды Пянджикента.

Фрагменты этой посуды представляют особый интерес в связи с тем, что на ряде экземпляров оказались арабские буквы, прочерченные до обжига острым предметом (рис. 1, б, в). По счастливой случайности удалось в одном случае подобрать смежные фрагменты, которые дают возможность полностью восстановить надпись. Надпись небольшая, состоит всего из одного слова, написанного четким курсивом, опытной рукой; она читается как *سحاوة* — *сахā-ва*, что означает „щедрость“, „великодушие“ и т. п. (рис. 2). Надпись,

а вместе с ней и сами сосуды, должны быть датированы IX или X в. На территории Согда (долина Зеравшана) такого типа керамические изделия, насколько мне известно, обнаружены на городище Варахша, где они датируются, по любезному сообщению В. А. Шишкина, X в.

Наличие арабской надписи на сосуде невольно напоминает богато орнаментированную среднеазиатскую поливную так называемую саманидскую посуду с надписями, означающими в большинстве случаев разного рода благопожелания. Однако на простых кухонных горшках до сих пор для этого времени надписи такого рода не были известны. С другой стороны, если несомненно, что орнамент на поливной посуде, в том числе и надписи, делались художниками-каллиграфами, то безусловно надписи на рассматриваемых сосудах прочерчены скорее всего самим мастером горшечником. В связи с этим уместно напомнить, что и на ряде глиняных изделий, найденных в Пянджикенте и датируемых преарабским временем, имеются таким же образом прочерченные согдийские надписи. Обстоятельство это свидетельствует о стойкости культурной традиции в ремесленной среде, а также о местном происхождении самого обычая покрывать посуду надписями.

В. Д. ЖУКОВ

КАЙРАК С ДВУЯЗЫЧНОЙ НАДПИСЬЮ 574/1178 г.

В 1949 г. в Самарканде, на территории, где находилось средневековое кладбище Джакер-диза,¹ во время археологического наблюдения за земляными работами были обнаружены несколько кайраков,² смещенных с обозначаемых ими погребений; в целях сохранности их перенесли на Самаркандскую археологическую базу Института истории и археологии АН УзССР. Все они имели эпитафии на арабском языке и относились к XII в. На одном из этих кайраков (см. рисунок) высечены две эпитафии — на арабском и таджикском языках.³

Археолог-востоковед В. Л. Вяткин, разобравший более 250 эпитафий на подобных камнях, собранных в Самаркандском районе, сообщает, что „все кайраки имеют исключительно арабский текст“.⁴ Учитывая это замечание, особый интерес должен представлять вышеуказанный кайрак с двумя разноязычными текстами. Эпитафии высечены на камне обычной формы для этого рода памятников — продолговатой, слегка округлой гальке (гранит, повидимому, из Каратюбинских гор; обломки его довольно часто встречаются в русле саев южного склона отрогов Зеравшанских гор). Длина камня 0.41 м, ширина посередине около 0.2 м. Один конец его в нижней части текста имеет значительное утолщение.

Надписи размещены на одной, несколько уплощенной стороне камня, расколотого на две части. Подобные следы умышленного повреждения отмечал

¹ Об этом кладбище см.: В. В. Бартольд. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. II. Исследования. СПб., 1900, стр. 92 со ссылкой на тексты, стр. 55 и 59. — В. Л. Вяткин.

1) Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята. Справочная книжка Самаркандской области 1902 г., вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 20; 2) Перевод Кандия Малая. Справочная книжка Самаркандской области 1902 г., вып. VII, стр. 265—266; 3) Шейх Мотарид. Справочная книжка Самаркандской области 1902 г., вып. V, стр. 229—230. Местонахождение этого кладбища указано на плане „Самарканд с XIV в.“ (см.: М. Е. Массон. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд—Ташкент, 1929).

² Часть литературы о кайраках приводится в статье: М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. *ЭВ*, II, 1948, стр. 12, прим. 3.

³ О кайраке с двумя надписями — арабской и персидской — и с датой 834/1430—1431 г. упоминают А. Ю. Якубовский и О. И. Смирнова (*Материалы и исследования по археологии СССР*, № 15, М.—Л., 1950, стр. 21 и 62).

⁴ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. *Изв. Средневековедения*, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 277.

и В. А. Вяткин у значительного количества просмотренных им кайраков.¹ Кроме того, в левом углу имеется скол с частью рисунка 'унбана, венчающего рамку, в которую заключен весь текст, состоящий из десяти строк. Сами надписи несколько не пострадали от этих повреждений. В верхней эпитафии почти нет пунктуации.²

Верхняя надпись

- [1] هذا قبر
 [2] امير الاجل ظهير الدين
 [3] جمال الاسلام والمسلمين عثمان
 [4] بن علي بن عمر الصفار نور الله قبره
 [5] توفي غره رجب سنه اربع وسبعين
 [6] وخمسائة

- [1] Эта могила
 [2] амира славнейшего, пособника веры,
 [3] красоты ислама и мусульман 'Османа
 [4] сына 'Али сына 'Омара ас-Саф-фара [медника]. Да осветит Аллах могилу его!
 [5] и [6] Скончался в новолуние [месяца] раджаба пятьсот семьдесят четвертого года [13 декабря 1178].

Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г. Самарканд.

Вторая надпись внизу — четверостишие (руба'и) на таджикском языке — размещена на четырех строках. Все буквы сохраняют пунктуацию; ر و د повсюду отмечаются точками, высеченными под ними. Почерк не такой строгий, как в верхней надписи.

Нижняя надпись

- [1] عثمان غريب خسته مى گفت بيدر
 [2] يا خالق ذا الجلال كى واحد فريد
 [3] يا رب بكنه كبره من در بگردان
 [4] من رفتم اعتميد بر فضل تو كبر

- [1] 'Осмāн пришелц немощный, страдая, говорил:
 [2] „О, создатель всемогущий, который [есть] один единственный!

¹ Там же.

² Пунктуация восстановлена для удобства чтения. (Ред.).

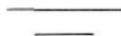
[3] О, господи! Прости великодушно содеянное мной!

[4] Я отошел, на милость твою полагаюсь".¹

Как видно из текста, эпитафии не выделяются оригинальностью и относятся к одному и тому же лицу — 'Осмāну; покойный происходил из ремесленников и был почитаемым лицом среди духовенства. Принимая во внимание стоящий перед его именем титул, вряд ли другое лицо, кроме самого 'Осмāна, могло употребить в виде определения к имени эпитет „гарйб“ (غریب). Повидимому, мы здесь имеем четверостишие, сочиненное еще при жизни самим Осмāном, которое и было после его смерти высечено в виде дополнения к основной эпитафии на его могильном камне.

Кроме некоторых характерных особенностей письма XII в., обнаруженный кайрак позволяет установить: 1) наличие в Самарканде в XII в. на кайраках параллельных эпитафий и на таджикском языке; 2) имя и год смерти стихотворца, может быть сочинившего единственное только четверостишие, сохранившееся на камне.

Обе надписи представляют интерес как памятник палеографии караханидского периода, хорошей сохранности. Вторая же эпитафия вместе с тем является и второй по времени из известных в Средней Азии наиболее ранних надписей на таджикском языке, если первой считать надпись на северном узгендском мавзолее 1152 г., разобрannую проф. А. Ю. Якубовским.

¹ Перевод А. К. Арендса. К своему переводу А. К. Аренде сделал следующие добавления:

Размер руба'и

0 0 — —	0 — 0 —	0 0 — —	1
0 0 — —	0 — 0 —	0 0 — —	2
0 0 — —	0 0 — —	0 0 — —	3
0 0 — —	0 — 0 —	— — — —	4

В третьей строке — 2-я стопа и в четвертой строке — 1-я стопа содержат допустимые варианты метра руба'и. 1-ю стопу четвертой строки можно читать и как رُفْتُمُ مِن , и тогда размер стопы будет такой же, как в 1—3-й строках.

В XI в. еще не было забыто, что كرد — форма причастия страдательного залога, т. е. букв. 'Я отошел и (رُفْتُمُ) полагаение сделано на милость твою'.

Приношу А. К. Арендсу благодарность за разрешение поместить в настоящей статье его перевод и замечания к нему.

² А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. ЭВ, I, 1947, стр. 29.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

НАДПИСЬ НА ЛЮСТРОВИМ ИЗРАЗЦЕ 624/1227 г. ИЗ КИЕВСКОГО МУЗЕЯ

Изразец Киевского Музея Западного и Восточного Искусства, надпись на котором составляет предмет настоящей статьи, имеет форму восьмилучевой звезды, диаметром 21 см, и прекрасно сохранился (см. рисунок). Поле его занимает сценка со всадником на верблюде, стреляющим, судя по положению его рук, из лука, хотя последний и отсутствует. Несколько высоких стеблей с листьями, заканчивающихся цветком, образуют растительный фон сценки. Роспись нанесена синей (кобальтовой) и бирюзовой (медной) красками, главным же образом люстром, которым исполнена и надпись, занимающая, как обычно, бордюр.

Изразец входит в постоянную экспозицию музея, но выставлялся также на временных выставках в Музее Восточных Культур в Москве и в Государственном Эрмитаже. Благодаря своим высоким художественным и техническим качествам, но главное, благодаря дате, относящей его к числу ранних образцов средневековой иранской керамики, изразец несколько раз был упомянут в печати.

Первое и единственно обстоятельное описание, по прежней еще принадлежности изразца, появилось в статье В. А. Крачковской „Мусульманское искусство в собрании Ханенко“,¹ в которой объяснена изображенная на нем сценка, определен язык надписи и прочитана завершающая эту надпись дата.

Второе, очень краткое описание с повторением прочитанной ранее даты и с воспроизведением изразца на таблице содержится в каталоге „Мистецтво країн ісламу“ бывш. Музея Искусств Всеукраинской Академии наук, составленном М. Вязьмитиной при участии В. А. Крачковской, которой здесь принадлежит лишь эпиграфическое приложение.² В описании, по ошибке, язык надписи определен как арабский.

Следующее по времени и столь же краткое описание имеется в каталоге выставки, устроенной в 1935 г. в Государственном Эрмитаже в связи с III Международным конгрессом по иранскому искусству и археологии.³

¹ ЗКВ, Л., 1926, т. II, вып. 1, стр. 15—16.

² Музей мистецтва Всеукраїнської Академії наук, Киев, 1930, стр. 19 и 114, табл. IV, № 37.

³ Каталог Международной Выставки памятников иранского искусства и археологии. Государственный Эрмитаж. Л., 1935, вып. 1, стр. 400, № 25.

Новым в этом описании явилось лишь то, что изразец был признан принадлежащим к кашанскому типу.

Вслед за тем изразец был заново воспроизведен на таблице и упомянут в двух статьях в международном „Обзрении персидского искусства“. В первой, обзорной статье по керамике он отнесен, на основании сравнения с известными в литературе кашанскими изразцами, к их кругу. Во второй статье, представляющей перечень датированных экземпляров иранской художественной керамики, он отнесен к тому же кругу и описан в двух-трех словах.¹

Наконец последнее по времени упоминание об изразце с публикацией его надписи имеется в книге М. Бахрами об иранских глиняных изделиях, изданной в 1948 г. на персидском языке Тегеранским университетом в серии „Художественные производства Ирана“.² Автор книги, придерживаясь существующего мнения о кашанском происхождении изразца, вносит некоторое уточнение, отнеся его к одной из „школ“ керамического производства Кашана. Что же касается воспроизведения надписи, то оно оставляет желать большего. Так, первое стихотворение вовсе опущено и даже не упоминается; дата, упомянутая в кратком описании изразца, в подлинном виде не приведена; изданная часть надписи, несмотря на введенное автором дополнение и безусловно спорное чтение одного слова, не сопровождается ни ссылками, ни примечаниями. Имеются также неточности в воспроизведении начертания отдельных слов. Приходится высказать сожаление, что первая публикация надписи оказалась недостаточной и не соответствующей обычным правилам издания текстов.

В надписи есть один незначительный изъян — конец верхнего левого луча изразца отломан и восстановлен с подкраской, искажившей знаки двух слов. Начертана надпись убористым почерком, что позволило писцу внести в нее значительно больше текста, чем обычно вмещается в подобных случаях, несмотря на то, что надстрочные выносы здесь крайне редки. Писец часто прибегает к лигатурам. Помимо обычных сочетаний *алифа*, *даля* и *ра* с последующими знаками, наблюдается слитное написание конечного *йа* с началом следующего слова, как в случаях *بی گل کوی تو*, *گذری بر کوی تو*. Можно проследить, что при начертании глагольной формы *دارم*, завершающей первую строку надписи, писец сначала вывел лигатуру из знаков *даля* и *ра*, а потом уже вписал между ними *алиф*. Почерк вышколенный, но без каллиграфических достоинств. Чтение надписи облегчается достаточным количеством диакритических точек, а также наличием разделительного знака, напоминающего цифру *е*, который поставлен между отдельными частями текста.

Начинается надпись от вершины правого верхнего луча, как обычно начинаются надписи на подобных изразцах, когда на них изображены сценки, требующие определенного положения изразца на стене. Если не считать даты, подходящей к вершине того же луча снизу и завершающей надпись, то последняя состоит из трех независимых одно от другого маленьких стихо-

¹ SPA, 1939, II, стр. 1578, 1677; V, pl. 722 D.

² Стр. ۷۸, ۱۱۹; ۱۳۲۷, ۳۸, انتشارات دانشگاه تهران, ظروف سفالین, صنایع ایران, ظروف سفالین.

творений. Все они укладываются в традиционный размер четверостишия (рубайи), форма же каждого из них определяется ниже, при их разборе.

В первом, еще не опубликованном стихотворении есть два изъяна:

تا عارضت از بنفشه جوشن دارم * بی گل رخ تو همیشه دارم
گرد سر کوی تو از آن می گردم * چشمم گرگ روشن دارد

Редиф четвертого стиха не вполне совпадает с редифом двух первых стихов, и этим стихотворение отклоняется от формы четверостишия, каким оно по существу является. Вопрос об этом отклонении будет разрешен позднее, пока же обратимся к восстановлению отсутствующих в приведенном тексте слов, что, к счастью, не представляет особой трудности.

Слово, пропущенное писцом, является одним из рифмующих, и тем самым крайне ограничивается выбор слов, могущих быть привлеченными для его восстановления. Оно должно составлять два долгих слога, а по своему значению, как это видно из содержания стиха, должно быть связано с цветами, вероятнее всего с розой. Не трудно догадаться, что этим словом является گلشن 'цветник роз'. Можно, конечно, указать и на другое, близкое к данному случаю, слово, — سوسن 'лилия'. Однако оно менее созвучно рифме, смысл же, который приобрел бы при этом стих, как будет видно из дальнейшего, мало вероятен. Есть и другие обоснования предпочтительности слова گلشن, которые выяснятся ниже. Не более сложно обстоит дело с восстановлением поврежденной части стихотворения. В сочинении Ауфи „Любаб уль-Альбаб“, законченном, как предполагается, в 1221—1222 гг., приведено приписываемое хорасанскому поэту сельджукского периода Фериду-ддину четверостишие, вторая строка которого вполне совпадает с сохранившейся частью соответствующей строки нашего четверостишия, за исключением незначительного расхождения в конце третьего стиха. Оно читается так: ¹

با آنک دل تو طبع آهن دارد * جان در سر زلفین تو مسکن دارد
گرد سرکوی تو همی گردم: آنک * خاک ریمه چشمم گرگ روشن دارد

‘Благодаря тому, что сердце твое обладает свойством железа,
Душа [моя] обитает на концах твоих локонов (т. е. висит
на волоске).

Потому и брожу я все у края твоей улицы,
Что поднятая стадом пыль [лишь] обостряет зрение у волка ²
(т. е. я стараюсь попасться тебе на глаза, хотя бы ценой своей
гибели)’.

Благодаря сохранившимся в надписи на изразце нижним остаткам поврежденных слов восстановление последних, по сличению с приведенным

¹ E. G. Browne. The Lubabu 'l-Albab of Muhammad Awfi. London, 1906, v. II, стр. 347—348.

² Не исключена возможность, что последний стих представляет собой пример использования в поэзии фольклорного материала, так как и по содержанию и по форме он очень напоминает народную поговорку.

текстом, производится без каких-либо сомнений. Слово *رَمه* вполне укладывается в остатки второго поврежденного слова, в котором оказывается отсутствующим лишь средний знак. Однако начертание первого слова — *خاک* — не совпадает с соответствующими ему по месту остатками поврежденного слова. Но если заменить слово *خاک* равнозначущим ему в данном случае словом *گَرَد*, то второй и третий знаки последнего совпадут с этими остатками, что же касается первого знака, то он подтвердится характером начертания второго. При этом сохранится и стихотворный размер, поскольку слова *خاک* и *گَرَد* образуют в стихах равные слогот. Таким образом, четверостишие восстанавливается в следующем виде:

تا عارضت از بنفشه جوشن دارم * بی گل رخ تو همیشه [گلشن] دارم
گرد سرکوی تو از آن می گردم * [گرد رَمه] چشمم گَرَد روشن دارد

Поскольку твои щеки для меня — кольчуга из фиалок

(т. е. прикрыты темными локонами),

То и лицо твое для меня, не имеющего розы, — всегда
[розовый цветник].

Потому и брожу я все у края твоей улицы,

Что [поднятая стадом пыль лишь] обостряет зрение у волка'.

Если при восполнении второго стиха применить слово *سوسن*, то получилось бы следующее:

'То и лицо твое для меня, не имеющего розы, — всегда [лилия].'

В таком виде стих лишился бы смысла. Можно было бы, конечно, понимать здесь слово *گل* в более широком значении, как цветок вообще, но и в этом случае стих не приобрел бы убедительности, так как, вопреки вполне понятному для всякого европейского читателя уподоблению женского лица лилии, в средневековой персидской поэзии такое уподобление не было принято, и, по традиции, лицо красавицы сравнивалось с розой.

При общности у обоих четверостиший второй строки неизбежно должна существовать близость между первыми их строками. В приведенном для сравнения четверостишии автор горько жалуется на бесчувственное сердце возлюбленной и на свою беспомощность, в то время как автор четверостишия на израссе пытается скрыть свои жалобы на недоступность красавицы за лестными уподоблениями ее черт цветкам. Здесь можно усмотреть различия в настроении того и другого автора, в способах их выражения, но отнюдь не в основном содержании первых строк. Таким образом, и по своему общему построению эти произведения близки друг к другу. Но если говорить о внутренней связности каждого из них, то при всем том, что оба они заслуживают в этом отношении упрека, все же переход от первой строки ко второй значительно больше может быть обоснован в привлеченном четверостишии, чем в нашем. В какой же мере последнее оригинально в части первой своей строки? Ответ на это можно почерпнуть в известном литературном предании.

В подавляющем большинстве древних предисловий к „Шах-наме“ рассказывается, будто Фердовси, прибывший ко двору Махмуда Газневи

с целью преподнести ему свою незадолго перед этим законченную эпопею, был встречен случайно в саду на окраине города тремя поэтами этого двора — Унсури, Фаррухи и Асджади. Расспросив прибывшего и узнав, кто он и зачем явился, поэты, заподозрив в нем опасного соперника, решили тут же испытать его поэтический дар и предложили ему принять участие в составлении импровизированного четверостишия, в котором каждый из них должен был сочинить по одному стиху. Вызов был принят, и придворные поэты, с тем чтобы оставить на долю прибывшего самую трудную задачу — окончание, быстро симпровизировали три первых стиха в том порядке, в каком они перечислены, но и Фердовси не заставил себя ждать и удачным стихом завершил четверостишие. Получилось следующее:

چون عارضی تو ماه نباشد روشن * مانند رخت گل نبود در گلشن
مژگانت گذر همی کند در جوشن * مانند سنان گیو در جنگ پشین

‘Луна не бывает столь светлой, как твои щеки,

В цветнике роз не бывает цветка, подобного твоему лицу.

Твои ресницы пронзают кольчуги,

Подобно копыту Гива в Пашанском бою’.

В третьем стихе употреблен обычный образ, уподобляющий длинные ресницы красавицы остриям стрел, которые поражают мужское сердце, как бы надежно ни было оно защищено.

Для нас в данном случае не важны ни вопрос о достоверности предания, связанного с этим четверостишием, ни вопрос о подлинном авторе последнего, ни даже вопрос о художественных достоинствах четверостишия или о мастерстве самого поэта. Важно то, что предание приписало сочинение этого четверостишия четырем поэтам, в том числе трем выдающимся — Унсури, Фаррухи и Фердовси, и, тем самым, это четверостишие не могло не расцениваться как образец поэтического мастерства и не могло не вызывать, как таковое, подражений. В нем рифмуются все стихи. Однако рифму последнего образует собственное имя, которое характерно только для творчества Фердовси. Поэтому оно не могло повторяться в подражательных четверостишиях и не показательно в этом отношении. Что же касается предшествующих стихов, то рифма в них построена на словах روشن, گلشن, جوشن, т. е. на тех именно, на которых построена, с перестановкой первого и третьего и с оговоркой, что второе нами восстанавливается, рифма в нашем четверостишии. Этот формальный признак подражания подтверждается подражанием также и содержанию строки, что прослеживается в каждом ее стихе в отдельности. В первых стихах обоих произведений описываются щеки красавицы (عارضی), во вторых — ее лицо (رخ), и если в описании щек нельзя найти общего, то в описании лица второй стих нашего четверостишия является пересказом соответствующего ему стиха четверостишия четырех поэтов. И если при восстановлении во втором стихе нашего четверостишия слова گلشن могли оставаться какие-либо сомнения, то после приведенного сличения они полностью должны отпасть.

Иной вопрос, имеем ли мы в данном случае дело с непосредственным подражанием или же между этими четверостишиями существовали другие, представляющие последовательные этапы этого подражания. Нам не известно точное время сложения четверостишия, приписанного четырем поэтам, и не будь предания, связывающего его с началом XI в., мы могли бы отнести его, по сходству с другими четверостишиями, и к более позднему времени. Ведь не исключена возможность, что само это четверостишие возникло в виде подражания неизвестному нам действительно классическому образцу, к которому могло бы своим путем восходить и наше. Но для нас сейчас важно не это. Нам важно было установить, что рассматриваемое нами четверостишие не оригинально, что первая строка его тесно связана с четверостишием, расценивавшимся средневековыми знатоками поэзии как классический образец коллективной импровизации, и что вторая строка его тождественна по содержанию и лишь в лексическом отношении слегка расходится с соответствующей ей строкой четверостишия из „Любаб уль-Альбаб“.

Второе стихотворение состоит всего из трех строк:

آی تازه نسیم زلف عتمربارش
چون می گذری بو طرف رخسارش
آهسته گذر کی نی کشی نیمازش

М. Бахрами, читающий иначе вторую половину третьего стиха, помещает вслед за ним еще четвертый стих, показанный им пунктиром с одним лишь рифмующим словом *بیدارش* на конце, как если бы ему была знакома полная четверостишная форма этого стихотворения. Существование последней вполне возможно, особенно если вспомнить, что и размер стихотворения предполагает эту форму. К сожалению, М. Бахрами не указывает на известный ему случай фиксации четверостишия, наличный же текст им воспроизведен не вполне точно.

Прежде всего М. Бахрами не сохраняет во втором стихе подлинного написания глагольной формы *می گذری*, которую он приводит в слитном виде — *میگذری*, в третьем же стихе древнюю форму относительной частицы *کی* он заменяет новой — *که*. Вслед за последней он читает образное выражение *نگس بیمارش* 'ее болезненный нарцисс', как в поэзии того времени обычно назывались томные глаза красавицы. Между тем лишь при утверждении, что писец по рассеянности вместо начертания *نر* вывел ясно читаемое начертание *نی*, можно видеть в нем начало предполагаемого М. Бахрами слова *نگس بیمارش*. Точно так же лишь при условии, что писец по ошибке вместо подстрочных точек поставил надстрочные, можно читать в конце стиха слово *بیمارش*. Между тем стоящие над этим словом два троеточия не оставляют сомнения в том, что оно должно читаться как *نیمازش*. Здесь могло бы смущать лишь то, что в первом случае вместо двух точек имеется три. Однако это объясняется тем, что они относятся одновременно и к предшествующему сочетанию знаков, которые в связи с этим следует читать как *کشی*. Поэтому при всей уместности в данном случае поэтического образа, предполагаемого М. Бахрами, надпись не допускает принятого им чтения. Из этого можно

сделать следующее заключение. Либо известная М. Бахрами четверостишная форма не совпадает в точности в части третьего стиха с начертанным на изразце стихотворением, либо, что более вероятно, М. Бахрами не знакомо такое четверостишие и он лишь предположил его существование, неправильно поняв окончание третьего стиха стихотворения, и подобрал возможную рифму для его четвертого стиха.

Между тем это стихотворение и в своей трехстишной форме представляет в своем роде законченное поэтическое произведение типа наброска или экспромта и не требует дополнения или завершения. Содержание его следующее:

‘О, свежий ветерок, исходящий из ее излияющих амбру локонов,

Если ты повеешь в сторону ее лица,

То вей осторожно, ибо тебе не унести ее печали’.

Таким образом, хотя в рассмотренном выше четверостишии нашей надписи имеется допущенный писцом пропуск слова, второе стихотворение не дает прямых оснований к предположению о том, что, быть может, оно тоже вследствие рассеянности писца, написано не полностью. Нельзя также предположить, что стихотворение могло быть сокращено из-за отсутствия достаточного места, так как вслед за вторым стихотворением следует третье и далее — развернутая дата. Наконец, разделительный знак, поставленный за вторым стихотворением, формально свидетельствует о его законченности.

Третье стихотворение на изразце является типичным четверостишием:

گفتم کی دلم گفت کبابی کم گیر * گفتم چشمم گفت سرابی کم گیر
گفتم کی دلم گفت درین شهر امروز * صد صومعه بیشست خرابی کم گیر

Непосредственно за вторым стихом этого четверостишия, как бы завершая его, поставлен знак, который довольно близок по форме к повторяющемуся несколько раз в надписи разделительному знаку, но уступает ему в размере. Поскольку третий стих четверостишия начинается в углу бордюра, несколько отступая от второго стиха, и, таким образом, зрительно они отделены друг от друга, то нет основания рассматривать знак, завершающий второй стих, как разделительный. И это — тем более, что как в данной надписи, так и в подобных надписях вообще разделительные знаки ставятся между отдельными стихотворениями, а не между отдельными строками их. Таким образом, упомянутый знак должен рассматриваться как дополнительный, поставленный для частичного заполнения свободного места, оставшегося между двумя стихами. Это подтверждается наличием в надписи двух других знаков, несущих такую же функцию: небольшого кружка, поставленного между третьим и четвертым стихами первого стихотворения (левый верхний луч), и знака ب над последним стихом рассматриваемого четверостишия (крайний правый луч).

М. Бахрами, вопреки тому, что в предшествующем стихотворении он сводит воедино раздельно написанную глагольную форму می گذری, здесь, напротив, расчленяет два слитных начертания, дополнив их отсутствующим алифом, и воспроизводит دراین в третьем стихе и بیش است в четвертом. Вместе

с тем, так же как и в предшествующем стихотворении, он заменяет древнюю форму относительной частицы *کی* ее новой формой *که*. Однако при этом обнаруживается неточность. Согласно этой, последовательно проводимой М. Бахрами замене, прочитанное им в третьем стихе *گفت که آبی*, в оригинале должно было бы иметь вид: *گفت کی آبی*. На самом же деле в оригинале последние два слова этой фразы написаны слитно в виде *کمادی*, и видеть в начале этого начертания частицу *کی* было бы неосновательно, тем более что в надписи нет ни одного случая слияния этой частицы с последующим словом. Наличие же четырех точек, относящихся как к этому начертанию, так и к предшествующему слову, исключает здесь всякое иное чтение, кроме *گفت کبابی*. Это чтение подтверждается параллелью в другом четверостишии, которое будет приведено ниже для сравнения.

Следует остановиться также на втором слове четвертого стиха, имеющем в оригинале вид: *سومعه*, которое М. Бахрами, не отмечая, что оно написано неправильно, приводит в правильном написании: *صومعه* 'монастырь', 'келья', 'жилище отшельника'. Поскольку в стихе это слово поясняется словом *خرابی* 'разрушенность', 'расстроенность', 'разоренность', то его следует понимать здесь в значении развалин культовых зданий.

Перевод четверостишия осложняется двумя причинами: с одной стороны, рифид его допускает два различных понимания, если же принять во внимание их оттенки, то и больше; с другой стороны, его рифмующие слова не поддаются точному переводу на русский язык и могут быть переданы либо в упрощенном виде, либо описательно. Поскольку разбор всех возможных вариантов понимания четверостишия не входит в задачу настоящей статьи, предпочтение отдано более простому по смыслу переводу, с описательным раскрытием значения рифмующих слов, тем более что так легче будут прослеживаться черты, сближающие это четверостишие с другими. Перевод:

Я сказал: „Ведь мое сердце...“. Ответила: „Поменьше о том, что мясо поджаривается на огне!“.

Я сказал: „Ведь мои глаза...“. Ответила: „Поменьше о том, что истоки струятся!“.

Я сказал: „Но ведь мое сердце...“. Ответила: „Знаешь, в этом городе сейчас

Есть более чем сто [разрушившихся] обителей. Поменьше о том, что [развалившееся] гибнет!“.

По поводу сравнения сердца с обителью не лишне заметить следующее. В персидских четверостишиях того круга, к которому принадлежит рассматриваемое, как это видно и по первому его стиху, страдающее от любви сердце связывалось обычно с понятиями „сгорающий“, „терзаемый огнем“, „разбитый“; понятия же „развалившийся“, „обрушенный“, „опустошенный“ применялись к слову „тело“ в значении тела истомленного от своих чувств влюбленного. Поэтому, если исходить из содержания четвертого стиха, то в третьем стихе вместо выражения *دل* 'мое сердце' следовало бы ожидать

Люстровый изразец 624/1227 г. из Киевского музея западного и восточного искусства.

выражения *تم* 'мое тело'. Это было бы тем более вероятно, что начальная фраза третьего стиха, включающая это выражение, в точности повторяет начальную фразу первого стиха, что не встречается в четверостишиях, построенных подобно нашему в виде диалога, и не может быть отнесено к категории сознательных поэтических повторов. При наличном же начале третьего стиха в четвертом стихе вместо слова *صومعه* скорее можно было бы ожидать слово *سوخته* 'сожженный', 'сгоревший', 'погибший', и тогда ответ красавицы приобрел бы следующий смысл: «Знаешь, в этом городе сейчас есть более чем сто сожженных [любостью ко мне сердец]. Поменьше о том, что [сгоревшее] гибнет!».

Основательность этих предположений может быть подтверждена следующим четверостишием, представляющим перепев той же темы, в котором в более ясном смысле представляются образы, связываемые, с одной стороны, с сердцем влюбленного, с другой — с его телом:

گفتم چشم گفت سحابی کم گیر * گفتم اشکم گفت شرابی کم گیر
گفتم که دلم گفت کبابی کم گیر * گفتم که تنم گفت خرابی کم گیر

Я сказал: «Ведь мои глаза...». Ответила: «Поменьше о том, что облако изливается!».

Я сказал: «Ведь мои слезы...». Ответила: «Поменьше о том, что напиток струится!».

Я сказал: «Ведь мое сердце...». Ответила: «Поменьше о том, что мясо поджаривается на огне!».

Я сказал: «Ведь мое тело...». Ответила: «Поменьше о том, что [развалившееся] гибнет!».

Это четверостишие включено в Стамбульское издание четверостиший Джелал уд-дина Руми,¹ но ни в литографических изданиях его дивана, ни в доступных в Ленинграде рукописных списках последнего оно не содержится. Не приходится доказывать, что, независимо от последнего обстоятельства, содержание, язык и поэтические качества этого четверостишия вовсе исключают возможность принадлежности его Руми. По времени же своего возникновения оно, действительно, может оказаться моложе нашего изразца.

Образцом иного варианта разработки той же темы может служить четверостишие, приписываемое поэту XII в. Кемалю Исмаили.²

گفتم چشمیت گفت که با مست هیچ * گفتیم دهننت گفت منه دل بر هیچ
گفتم زلفت گفت پراگنده مگوی * باز آوردی حکایت بیجا هیچ

Я сказал: «Твои глаза...». Ответила: «[Связываться] с пьяными (т. е. с томными глазами) — пустое».

Я сказал: «Твой рот...». Ответила: «Не склоняй сердца к пустому!».

Я сказал: «Твои локоны...». Ответила: «Не распускайся попусту!».

Ты вновь заводишь неуместные речи впустую!?».

¹ 104 стр.; 1112, اسلاميل ... حضرت مولانا

² Содержится в рукописи собрания четверостиший этого поэта, принадлежащей Институту востоковедения АН СССР, С-77, л. 229 л.

Можно было бы привести еще несколько примеров, которые подтверждали бы, что ко времени появления нашего изрзаца имелось немало четверостиший в виде диалога между влюбленным и отвергающей его чувства красавицей. Однако даже в самых посредственных образцах, от которых не так уж далеки приведенные для сравнения два четверостишия, нельзя было бы обнаружить ни недостаточной ясности образов, ни, тем более, повторяющихся выражений.

Надпись на изрзаце заканчивается датой: *في صفر سنه اربع و عشرين و ستماية*. 'В Сафаре шестьсот двадцать четвертого года', что соответствует 21 января—18 февраля 1227 г.

Разбор надписи показал, что ни одно из содержащихся в нем стихотворений не свободно от пороков. С первого взгляда это может создать впечатление, что писец либо был рассеян, прямым свидетельством чего мог бы служить допущенный им пропуск слова, либо по той или иной причине был выведен из обычного своего рабочего состояния. Будь это так, это нашло бы какое-нибудь отражение и во внешнем виде надписи. Последняя, однако, не дает оснований к такому предположению. Письмо в ней ровное, за исключением даты — по обыкновению несколько утесненной; диактрические точки расставлены без ошибок, в меру и разумно; наконец разделительные знаки стоят на должных местах. Что же касается единственного неправильного написания, то это может быть легко объяснено наблюдаемой в некоторых словах заменой знака *сад* знаком *син*. Поэтому причину обнаруженных выше недостатков нужно искать в другом.

Наибольшим количеством недостатков обладает первое четверостишие. Его подражательный характер по линии связи с двумя разными четверостишиями был раскрыт в достаточной степени. Не подлежит также сомнению, что его вторая строка полностью заимствована; это подтверждается завершающим ее редифом, отклоняющимся от редифа двух первых стихов. Не исключена возможность, что прямо или косвенно заимствование сделано из четверостишия, приведенного в „Любаб уль-Альбаб“, что согласуется с хронологической последовательностью фиксации этих четверостиший. Судя по приведенному в этом же сочинении званию Ферид уд-дина, которому приписано привлеченное для сличения с нашим четверостишие, он являлся звездочетом султана Синджара (المنجم السنجرى), и, таким образом, деятельность его должна была протекать в середине XII в. Если бы даже имелось основание сомневаться в принадлежности ему четверостишия, самый факт включения последнего в труд, представляющий обзор поэзии предшествующего ему периода, свидетельствует о том, что оно считалось оригинальным произведением, пользовалось хотя бы некоторой известностью и имело к тому времени какую-то давность. Поэтому, если даже не считаться со свидетельством Ауфи при определении минимально старшего по отношению к надписи на изрзаце возраста этого четверостишия, нужно считаться не только с теми 5—6 годами, на которые время окончания „Любаб уль-Альбаб“ опережает дату производства изрзаца, но и с этой предшествующей давностью четверостишия.

Такие же явления подражательности и заимствования можно проследить и в третьем четверостишии надписи. Так, первый его стих является вместе с тем третьим стихом четверостишия, приписанного Руми, вторые же их стихи представляют варианты один другого. Не зная времени сложения этих четверостиший, мы вправе, однако, ни одно из них не относить к числу тех образцов, которые вызывали подражания. Принимая же во внимание, что приемы построения четверостиший в форме диалога между влюбленным и отвергающей его чувства красавицей были распространены задолго до этого, мы имеем достаточно оснований считать оба эти четверостишия подражательными. Что же касается общего им обоим стиха, то он, по всей вероятности, является прямым заимствованием, что в части нашего четверостишия подтверждается тем, что фраза, раскрывающая этот стих, повторяется в той же роли и в третьем стихе. Если при этом вспомнить, что образ, содержащийся во второй строке этого четверостишия, недостаточно четок, и прибавить к этому, что и в первом четверостишии нашей надписи прослеживается недостаточная связь между первой и второй строками, то эти четверостишия окажутся близкими друг к другу не только по степени своей подражательности, но и по степени своих художественных достоинств. Поэтому вовсе не исключается то, что они могут быть составлены одним и тем же посредственным подражателем-компилятором.

Что же представляет собой второе по порядку надписи стихотворение? Его трехстишная форма не встречается в надписях на изразцах, как не встречаются в них и подобные ему поэтические наброски. В этих надписях содержатся либо цитаты из больших поэтических произведений, либо четверостишия. Последние всегда закончены по мысли, и личное отношение автора к затронутой теме в них всегда ярко выражено. Принимая во внимание также несоответствие формы стихотворения использованному в нем размеру, можно допустить, что оно является не столько не полностью начертанным или вообще незавершенным произведением, сколько сокращенным до трехстишной формы четверостишием. Если это предположение правильно, то не приходится говорить также и об его оригинальности. Тем самым оно становится близким к двум начертанным вместе с ним четверостишиям.

Возникает вопрос. Почему на одном и том же изразце оказались собранными вместе, как бы по признаку присущих всем им недостатков, три стихотворения, ни одно из которых не встретилось еще ни в подобных надписях, ни в диванах поэтов или в антологиях? И не является ли это признаком того, что все они принадлежат одному и тому же, условно говоря, автору, который, заполняя бордюры изразцов популярными в то время образцами поэзии, решил зафиксировать на одном из них также и плоды своего слабого подражательного творчества? Если бы это было так, то тем самым определилось бы и время сложения этих произведений, которое не могло бы намного опережать дату изготовления изразца.

Г. В. ЮСУПОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ И КЛАССИФИКАЦИИ БУЛГАРО-ТАТАРСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

О существовании у болгар письменности до появления у них арабского шрифта, кроме сообщения Абу-л-Фараджа ибн ан-Надима (X в.), мы не располагаем пока другими письменными источниками. В своей „Книге росписи науки“ он упоминает, что болгары и нуббаты употребляют письмена китайцев и мани.¹ Из местной археологии мы знаем много случаев находок болгарских вещей, особенно керамики, с изображениями различных знаков — тамг. Поразительно сходство некоторых нами собранных тамг, многократно встречающихся в различных районах Татарской АССР, со знаками письма орхон-енисейских тюрок, подобно тому как имеет место и среди других тюркских тамг.² Опубликованные в печати начертания знаков древнебулгарской письменности³ близко напоминают татарские тамги, а также древнетюркские знаки письма. Необходимо отметить сходство татарских тамг и со знаками пиктографического комплекса из Хорезма.⁴ В связи со всем этим некоторую силу приобретает высказанное проф. М. А. Фазлуллиным мнение о существовании у болгар доарабской письменности.⁵

Этот совершенно не исследованный интереснейший вопрос булгаро-татарской культуры должен привлечь внимание наших ученых. Пока же остается только ограничиться предположением, что имевшие место у казанских татар тамги являлись остатком древнебулгарской письменности типа орхон-енисейской или древнехорезмийской пиктографии. Если учесть, что в древности понятие тамги означало и грамоту,⁶ то предположение это кажется не лиш-

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 241—242, 237. Приводится из I тома „Материалов по истории Татарии“. Казань, 1948, стр. 178.

² Н. Малицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. ПТКЛА, 1897—1898, стр. 43—46.

³ А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Якутск, 1949, табл. XXXIV.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 74—75.

⁵ М. А. Фазлуллин. Письмо, орфография и фонетическая транскрипция в татарском языке. Казань, 1952, стр. 21—22. (На татарском языке).

⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 121.

ным истины. В этом отношении небезинтересен булгарский памятник с вертикальным расположением строк, что, возможно, является далеким отзвуком традиции древнетюркских надгробий.¹

Появление арабской письменности у булгар, очевидно, надо отнести ко времени еще до официального принятия ими ислама (922 г.). Так, самые древние монеты, чеканенные в Булгаре куфическим шрифтом, являющиеся подражанием саманидским монетам, датированы 918 г.²

К X—XI вв. относится описанное П. С. Савельевым зеркало с куфической надписью, найденное близ развалин Булгара.³

Куфическая надпись на булгарском замке из Биляра датируется 541/1146 г.⁴

Очевидно к домонгольскому периоду относится найденная проф. А. П. Смирновым в Суваре янтарная печать-привеска также с куфической надписью *ارسلان 'Арслан'*.⁵

О самой древней булгарской эпитафии с билярского кладбища мы знаем из сообщения П. Рычкова. Памятник этот, датированный 1173 г., до нас не дошел, так же как и все надгробия из Биляра.

Другое наиболее раннее булгарское надгробие, известное также только в литературе, датировано было 642/1244 г. Исследованное Г. Ахмаровым в с. Ямбухтино Тетюшского р-на и находившееся тогда на пороге сельской церкви, оно имело «красивую надпись сулсом», и, как видно из уцелевших его следующих слов:

الدندا ۴۴ یاشندا عدد
تاریخ التي یوز قرق ایکی ده ۶۴
۸۴ лет

По летоисчислению в шестьсот сорок втором,⁶

язык его был близок к современному казанско-татарскому языку. Памятник по этим признакам должен относиться к I стилю булгарских надгробий.

Имеющийся ныне ранний булгарский памятник, найденный у с. Русский Урмат Высокогорского р-на ТАССР в 1951 г. Н. Ф. Калининым и прочитанный нами, датируется 680/1281 г.

Начиная с конца XIII в. и до 60-х годов XIV в., этих надгробий мы находим довольно много, особенно в первой половине XIV в.

¹ С. Е. Малов. Болгарские и татарские эпиграфические памятники. ЭВ, II, 1948, стр. 48.

² Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X в. Изв. общ. археол., истор. и этногр. при Казанск. унив., 1925, т. XXXIII, 1, стр. 29, 40.

³ П. С. Савельев. Описание двух металлических зеркал с арабской надписью, найденных близ развалин Булгара. Зап. Археол. общ., М., 1852, т. IV, стр. 74 и сл.

⁴ С. Е. Малов. Замок из Билярска с арабской надписью. ЗКВ, т. II, Л., 1926, стр. 155.

⁵ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 263.

⁶ Г. Ахмаров. История Булгарии. Казань, 1908, стр. 125. (На татарском языке).

Развитие болгаро-татарской эпиграфики мы должны рассматривать не вне исторической действительности, а с учетом культурных изменений по мере развития общественных отношений.

Факт совпадения времени распространения в массовом масштабе этого вида лапидарной эпиграфики со временем появления в значительном числе и болгарских каменных архитектурных сооружений, датированных также концом XIII и XIV вв., говорит об общей обусловленности возникновения их периодом временного экономического восстановления Булгарии, после того как она оправилась от разорительного нашествия монголов.¹

Господство Золотой Орды пагубно отразилось на экономической жизни Булгарского государства.² Так, после монгольского нашествия потерял свое былое величие г. Биляр, о надгробных памятниках которого за этот период мы не имеем почти никаких сведений. Возможно, что в это время их там и не было. Происходит деградация духовной культуры.³ Эта деградация особенно чувствительна в конце XIV и начале XV в., когда эпиграфические памятники почти совсем вышли из употребления. За период с 1358 по 1431 г. нами зарегистрировано лишь два довольно простого оформления эпиграфических памятника далеко от центра Булгарского государства (рис. 1) — в селах Ямашурма Высокогорского р-на и Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР.

Политику исламизации Золотой Орды при ханах Берке и Узбеке⁴ нужно понимать как усиление духовного угнетения лишь ради укрепления своего шаткого положения, что особенно чувствовалось к середине XIV в. Несомненно, это в свою очередь не могло не отразиться и на зависимом Булгарском государстве. Вполне прав проф. А. П. Смирнов, считая показателем широкого распространения мусульманства и массовое появление в конце XIII—первой половине XIV в. эпиграфических памятников.⁵

Памятники эти с их непонятными для народных масс арабизмами были для них своего рода символами, возвеличивавшими представителей правящей феодальной верхушки. Поэтому на болгарской земле и появилось так много „святых“ и „аулия“, что мы видим из книги историка XVI в. Шерефеддина ал-Булгари.⁶ В этой книге сама топография могил проповедников ислама, рассеянных по всей болгарской земле, как в основной ее части (города Булгар и Биляр), так и на периферии — север (Кутлу-Букаш Кзыл-Юлдузского р-на, Узюм Кзыл-Юльского р-на), запад (Ширдан Нурлатского р-на, Куккуз Апастовского р-на), восточная и западная части Башкирии, — говорит

¹ А. П. Смирнов, ук. соч., стр. 54.

² Х. Г. Гимади. Народы среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. Матер. по истории Татарии, Казань, 1948, т. I, стр. 204.

³ Там же, стр. 209.

⁴ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 80, 91.

⁵ А. П. Смирнов, ук. соч., стр. 76.

⁶ Шерефеддин ал-Булгари. История Булгарии. Казань, 1902, стр. 17—25. (На татарском языке).

о большом размахе пропаганды ислама. С фактом распространения булгарами мусульманства в башкирских землях связывается наличие (в 45 км от Уфы, у с. Чишмы) мавзолея (тюрбе) XIV в.¹ с надгробием, датированным 742/1341 г.;² В. В. Вельяминов-Зернов, опираясь на высказывания Шерефеддина ал-Булгари, считает этот памятник принадлежащим булгарскому проповеднику ислама и „по форме и по наружному виду“, относит его к эпохе булгарского влияния в Заволжье.³ По содержанию надписи он очень близок к I стилю наших булгарских эпитафий. Этот высокого звания проповедник „праведный в своих предназначениях Хаджи Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека... Туркестанский“⁴ является выходцем из Средней Азии.

Шерефеддин ал-Булгари также приводит много имен проповедников ислама в Булгарии родом из Средней Азии и воспитанников религиозных школ Хорезма и Бухары. Могилы многих из них находятся в самом Булгаре. В этом свете интересны надгробия I стиля, найденные на Булгарском городище, принадлежащие среднеазиатцам: Хасану Самарканди, Хайбетлю ибн Мухаммеду ал-Дженди и Шах Курасан ибн Мухаммед-шейху ал-Кердари.⁵ Упоминает Шерефеддин и о похороненном в Хорезме булгарском имаме Хавахир-Заде Булгари.⁶

Все это лишний раз говорит о большой роли Средней Азии, в частности Хорезма, в исламизации Булгарии, которая в свою очередь была мусульманизирующим центром в Поволжье. В этом последнем мы убеждаемся и из истории Идриса-хальфы, который, будучи проповедником в Башкирских землях, был оттуда прогнан и проживал до конца жизни в своем родном селении Тябердино-Чаллы (ныне в Кзыл-Юлдузском р-не ТАССР).⁷

Остановившись на мусульманизирующей роли Средней Азии, А. Ю. Якубовский говорит: „Из Средней Азии оно (т. е. Булгарское государство,— Г. Ю.) приняло ислам, который был поддержан халифским посольством из Багдада в 921—922 гг. Булгары рано стали культурным мусульманским центром и в этом направлении оказывали немалое воздействие на соседей тюрков кочевников, особенно на печенегов, а затем и половцев“.⁸

Возможно, к числу мусульманских проповедников принадлежат имена,

¹ А. П. Смирнов, ук. соч., стр. 57.

² Кроме того, по не проверенным еще нами сведениям, в ряде пунктов территории Башкирской республики имеются древние надгробные памятники с надписями.

³ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятники с арабско-татарской надписью в Башкирии. Зап. Археол. общ., СПб., 1859, т. XIII, стр. 280.

⁴ Там же, стр. 257.

⁵ И. Березин. Булгар на Волге. Уч. зап. Казанск. унив., Казань, 1852, вып. III, стр. 111—113.

⁶ Шерефеддин ал-Булгари, ук. соч., стр. 21.

⁷ Там же, стр. 23.

⁸ А. Ю. Якубовский, сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 131—132. (Выступление на сессии Академии Наук СССР, посвященной этногенезу казанских татар).

известные из найденных на Булгарском городище надгробий (I стиль): Садр ад-дин аш-Ширвани, Махмуд ибн Исмаил аш-Шемахи; среди них мы видим также „Шейха И... поклонника бога отшельника... эд-дина ал-Ширвани“.¹

Некоторые исследователи — А. С. Башкиров, А. П. Смирнов и др. — подчеркивают связь искусства и архитектуры Булгарии, особенно в XIII—XIV вв., со Средней Азией и Кавказом. Так, традиция украшать архитектурные сооружения декоративным арабским письмом (куфи и суле) широко применялась и булгарскими мастерами. Об этом свидетельствуют уцелевшие значительные образцы изразцовой строительной эпитафии.²

На хранящемся в Государственном музее ТАССР фрагменте подобной изразцовой мозаики из г. Булгар мы видим двукратное повторение формулы *الملك لله*.³ Формула эта часто фигурирует на архитектурных памятниках Средней Азии, например в мавзолеях Ходжа Ахмада (Самарканд, Шах-и-Зинда, XIV в.),⁴ Неджм-эд-дина Кубра (Ургенч, XIV в.). Как тождественны техника и орнамент булгарской изразцовой керамики с майоликой последнего памятника, так и указанная надпись, найденная в Булгаре, проявляет поразительное палеографическое сходство с такой же формулой, повторяющейся четыре раза на внутреннем архивольте порталной ниши мавзолея, построенного в 1321—1336 гг.⁵

Не исключена возможность, что указанный фрагмент из Булгар с этой формулой является остатком портала, существование которого подтверждают раскопки 1892 и 1915 гг. в „Четырехугольнике“ (главной мечети г. Булгара).⁶ Культурно-экономическое и политическое влияние Хорезма на булгар (особенно на архитектуру их) отмечал и В. В. Бартольд.⁷

Распространенные в основном на территории ТАССР булгаро-татарские эпитафические памятники давно привлекали внимание многих ученых, которые посвящали им немало своих трудов.⁸

¹ И. Березин. Булгар на Волге. Уч. зап. Казанск. унив., Казань, 1852, вып. III, стр. 110, 115, 124.

² Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 28.

³ М. Г. Худяков. К вопросу о датировке булгарских зданий. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников в ТАССР. Казань, 1930, вып. IV, стр. 41. Мы, не будучи согласны с ранними и последними чтениями этой формулы Комиссией по булгаро-татарской эпитафиике (*الحمل لله*) — Альбом булгаро-татарской эпитафиике в ИЯЛИ КФАН СССР, №№ 60—62), даем свое чтение.

⁴ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. Л., 1939, стр. 143.

⁵ А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. II, Л., 1930, стр. 62.

⁶ В. В. Егоров. Ближайшие работы по изучению и охране архитектурных памятников древних болгар. Матер. по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, Казань, 1927, вып. I, стр. 49.

⁷ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 42.

⁸ Г. В. Юсупов. Булгаро-татарские эпитафические памятники XIII—XVII вв. Диссерт. Казань, 1952, стр. 6—22, 23—36.

Рис. 1. Памятник 1382 г.

Рис. 2.

а — болгаро-татарский памятник I стая; б — болгаро-татарский памятник II стая.

Рис. 3. Памятник XVII—XVIII вв.

Рис. 4. Памятник второй половины XVII в.

Однако вопрос о классификации булгарских эпиграфических памятников практически впервые был поставлен Н. Ф. Калининим в связи с обсуждением на сессии Академии Наук СССР этногенеза казанских татар в 1946 г.¹

Рассматривая булгарские памятники конца XIII и XIV вв., автор разделил их по признаку языка и внешнему оформлению на два основных стиля, различая в то же время и стиль переходный. Существовавшие параллельно, эти два стиля резко отличались между собой. Так, I стиль составляли надгробия больших размеров, богато оформленные, с обширным текстом надписей, исполненных рельефным шрифтом суус на тюркском языке со множеством арабизмов, эпитетов и родословий. Полагая, что эти памятники преимущественно распространены на Булгарском городище, автор считает их принадлежащими „верхушке булгарского феодального общества, преимущественно столичного, в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для Нижнего и Среднего Поволжья XIII—XIV вв. может считаться тюрко-кипчакский язык с сильными элементами арабизма“² (рис. 2, а).

II стиль составляют памятники, имеющие широкое распространение, отличающиеся от I стиля малыми размерами, значительно проще оформленные и с коротким текстом надписи, исполненной шрифтом куфи, с „чувашизмами“ в языке, без эпитетов и родословий (рис. 2, б).

Памятники II стиля автор связывал со „слоем, стоявшим ниже по социальной лестнице: купцами, ремесленниками, менее знатными феодалами, язык которых был менее затронут влиянием литературы и арабской образованности“³.

Наконец, „третьего рода эпитафии носят черты переходного характера между I и II стилями. От памятников I стиля они отличаются меньшим размером, менее богатым оформлением, шрифтом прямых очертаний, но подобны им рельефным выполнением надписей. По сравнению с памятниками второго стиля они не имеют врезанных надписей, имеют большие размеры, текст от 8 до 14 строк, орнаментацию в форме розеток в верхней арочке, иногда выполненную сулюсом первую строку, в некоторых случаях отделенную от остального текста орнаментальной полосой“⁴.

Классификация Н. Ф. Калининна, несмотря на целый ряд существенных недостатков и ошибочных положений, явилась большим сдвигом вперед в деле использования данных булгарской эпиграфики для изучения истории народов Камско-Волжского края. Она помогла популяризации в научном мире факта существования в древнебулгарском языке известного среди лингвистов так называемого первого диалекта, близкого к современному казанско-татарскому языку. Этим был положен конец одностороннему использованию бул-

¹ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. Сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 96—104.

² Там же, стр. 104.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 101.

4 Эпиграфика Востока, XI

гарской эпиграфики в исследовании этногенеза местного населения, как это делалось долгое время сторонниками булгарской теории происхождения чувашей. Они при этом использовали лишь памятники, принадлежащие ко II стилю, т. е. с „чувашизмами“ в языке, как ранее ошибочно было принято их называть, и оставляли в стороне памятники с языком, близким к современному казанско-татарскому. Как известно, в числе активных сторонников этой теории был Н. И. Ашмарин.

Одним из существенных недостатков указанной классификации является ее ограниченность только лишь булгарскими памятниками конца XIII и XIV вв., без охвата памятников XV, XVI и XVII вв., стало быть без показа преемственной связи булгарской и татарской эпиграфики.

Не менее существенным и ошибочным является вытекающий из этой классификации классовый характер языка булгарского общества. Так, два параллельно существовавших стиля эпитафии оказались принадлежащими к двум слоям булгарского феодального общества потому, что они, кроме других качеств, имели различия в языке.

Мы никак не можем согласиться с этим.

Указанные в классификации Н. Ф. Калинина положения находятся в противоречии также и с имеющимися эпиграфическими материалами. Так, тщательно отделанные большие размеры и с текстом до 12 строк эпиграфические памятники имеются и среди надгробий II стиля и обнаруживаются не только в столице Булгарии, как отмечает автор, но и в других местах (рис. 2, б). Выше было указано, что, согласно этой классификации, язык надгробий ремесленников, купцов и менее знатных феодалов отражается в памятниках II стиля, однако мы имеем такие примеры, как памятники „Золотых дел мастера“, „Тамгачи Ибрагима ал-Сувари“, вся надпись которых целиком исполнена на первом диалекте, т. е. с тюркизмами. Надпись „ал-Сувари“ с тюркизмами в языке еще более противоречит положению о переходном стиле классификации Н. Ф. Калинина. Что касается эпитетов и родословий, характерных по этой классификации только лишь для I стиля, то их не трудно также найти и в памятниках II стиля.¹ Так, на копии с одной такой надписи XIV в.² перечисляются до 9 поколений, причем 6 из упоминаемых имеют титул *جواری* — ювари. Как видно, перед нами здесь представитель булгарской родовой феодальной знати.

Следует отметить, что с этой классификацией не связывается и такой факт, как наличие на кладбище при Кирменском городище, называемом „Ханнар зиараты“ (кладбище ханов, надгробий II стиля, где, судя по названию кладбища, нужно бы иметь только памятники I стиля. Все нами исследованные там 14 эпитафий написаны языком второго диалекта. Наряду с простыми есть там и довольно изящно оформленные экземпляры.

¹ И. Березин, ук. соч., стр. 103—107.

² Хранится в Отделе редких книг и восточных рукописей Научной библиотеки Казанского Гос. университета (№ 7942).

Ту же картину мы наблюдаем на большом булгарском некрополе у с. Б. Атрясы Апастовского р-на, считаемся, как гласит предание, остатком довольно крупного булгарского города. Таким образом, имеющийся эпиграфический материал находится в явном противоречии с указанной классификацией.

Систематически проводившиеся исследования последних лет дали возможность лучше изучить и собрать некоторый новый материал по булгаро-татарским эпиграфическим памятникам. Был выявлен ряд новых пунктов их сосредоточения и обнаружено немало интересных экземпляров.

Благодаря этому стало возможным заполнить такой пробел, как отсутствие памятников за период с середины XIV до конца XV в.;¹ выявился новый стиль эпитафий второй половины XVII в. Были изучены никем пока не исследованные татарские надгробия XIX в., проливающие свет на развитие стиля: они содержат элементы преемственной связи булгаро-татарской эпиграфики.

Настало время пересмотреть ранее имевшуюся классификацию булгарских памятников и дать новую с более широким хронологическим охватом, с тем чтобы показать преемственную связь булгарских и татарских эпиграфических памятников.

При дальнейшей работе по классификации булгаро-татарских эпиграфических памятников на первое место необходимо выдвинуть хронологический принцип, а ему подчинить типологический и языковый принципы. Последний (т. е. языковый принцип), очевидно, будет иметь значение только лишь по отношению к памятникам XIII—XIV вв. Что касается регионального принципа классификации, то для этого мы не имеем достаточно данных.

Схематически наша классификация представлена на приводимой ниже таблице.

Следует отметить, что в булгарскую эпоху (XIII—XIV вв.) существовали два стиля эпиграфических памятников.

Первый стиль отличается рельефным шрифтом сулс, с надписью на булгарском языке — первом диалекте. Отнесение к этому же стилю эпитафий, исполненных целиком на арабском языке, безусловно принадлежащих представителям булгарской аристократии, нами было сделано исходя как из характера письма (сулс), так и из того, что среди них мы находим принадлежащие الشيروانى (ширванскому), الشماخى (шемахинскому), الجندى (ждендскому).² Появление арабизмов здесь нужно понимать как отображение языка, характерного для духовного сословия.

Несколько обособленное место занимают здесь два памятника, датированные 1382 и 1399 гг. (рис. 1). Отличаясь от других типологически, все же они принадлежат к I стилю и в этой группе памятников являются переходным звеном от эпитафий XIII—XIV вв. к эпитафиям XV в.

¹ Труды Общества изучения Татарстана, Казань, 1930, т. 1, стр. 148.

² И. Березин, ук. соч., стр. 110, 112, 115.

Принципы классификации

Хронологический	Типологический		Языковой	
Памятники XIII—XIV вв.	I стиль. Сулс рельефный.	II стиль. Куфи врезанный и рельефный.	I стиль. Первый диалект болгарского языка.	II стиль. Второй диалект болгарского языка.
Памятники XV в.	1) простой врезанный шрифт. 2) рельефный сулс.		Татарский.	
Памятники первой половины XVI в.	Рельефный сулс.		Татарский.	
Памятники второй половины XVI и первой половины XVII в.	Рельефный сулс.		Татарский.	
Памятники второй половины XVII в.	Простой рельефный шрифт.		Татарский.	

II стиль болгарских памятников главным образом характеризуется куфическим шрифтом и исполнением текста надписи на втором диалекте болгарского языка. По другим мелким типологическим признакам этот стиль более разнообразен, чем первый. Самые поздние памятники, исполненные на этом диалекте, датируются 1357 г., после чего мы их больше нигде не находим.¹ Следует отметить и то, что в вышеописанных формах памятники I и II стилей принадлежат только болгарам, ибо „из всех областей Золотой Орды могильные надписи имели распространение только на территории Булгарии“.²

Наличие в эпитафиях XV в. только одного татарского языка само по себе, согласно принципу нашей классификации, дает начало существованию только одного стиля, хотя имеющееся небольшое количество памятников этого периода обнаруживает большую типологическую пестроту. Особое место среди них занимает памятник из с. Средние Аты с надписью на бордюре.

Первая половина XVI в. дает нам довольно однородный стиль со стройным почерком сулс, с текстом на татарском языке и другими довольно устойчивыми типологическими признаками (традиционный орнамент под аркой и на бордюре). Имеется ряд памятников XV в., являющихся типологически переходными к этому стилю. На основе этого стиля во второй половине XVI и первой половине XVII в. вырабатывается стиль памятников, отличающихся от предшествующих (т. е. памятников первой половины XVI в.) лишь формой арки и несколько своеобразным орнаментом на бордюре. Как единый

¹ Хотя некоторые типологические элементы этого стиля сохранились на надгробиях даже XIX и XX вв., не говоря уже о более ранних.

² А. П. Смирнов, ук. соч., стр. 55.

стиль он существовал до середины XVII в., а позднее параллельно продолжал бытовать наряду с другим стилем до середины XVIII в. (рис. 3). Во второй половине XVII в. мы имеем довольно однородный стиль, характерный нестройным рельефным шрифтом, с надписью на татарском языке и врезанным традиционным копьевидным орнаментом под аркой (рис. 4).

В небольшом нашем материале XVIII в. мы имеем в основном лишь пережиточные проявления прошлых стилей, особенно XVI и XVII вв.

Примечательно, как пережиток, массовое появление типологических элементов булгаро-татарской эпиграфики в XIX в., особенно в первой половине его на надгробиях казанских татар.

Таким образом, существование в XIII—XIV вв. двух стилей надгробий явилось пережиточным отражением былого многоплеменного характера Булгарского государства. В сложении этнического ядра последнего участвовали два крупных компонента с двумя отдельными диалектами, которые отражены в указанных стилях. Наличие же с конца XIV в. эпитафий, написанных только на одном языке, с одной стороны, близком к первому диалекту булгар, а с другой — к языку современных казанских татар, говорит о прошедшей консолидации этих двух булгарских племен, в результате чего первый диалект, сохранивший свой грамматический строй, оказался более устойчивым.

А. Н. БЕРНШТАМ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ ФЕРГАНЫ

В 1951 г. во время работы ПФАЭКЭ группа научных сотрудников экспедиции была отправлена на обследование руин Ош-хона. Эти развалины отстоят на 2—3 км от древнего центра Южной Ферганы города-ставки Хумынь (тюрк. кумыр 'уголь') и известны ныне под именем развалин Мык-Пошо ('Царь магов').

Все тепе и другие развалины в этой местности, расположенной к югу от г. Ферганы, в районе с./с. Ауваль (ср. средневековое название округа Аувал), связываются местным населением с центральными развалинами Мык-Пошо. Таковы, кроме Мык-Пошо, к северу от него Худжо-тепе, Сеид-тепе, Узлюк-тепе, а к востоку и югу — Муллоташ-тепе, Кара-тепе и упомянутое тепе Ош-хона. Отсюда, из Ош-хона (букв. 'столовая'), по легендам, бытующим у местного населения, подавали из рук в руки кушания, изготовленные для падишаха мугов в Мык-Пошо.

Ош-хона — развалины древнего замка, причем, судя по подъемному материалу, здесь действительно была постройка, синхронная развалинам Мык-Пошо, на которых сейчас ведутся систематические раскопки. При первоначальном осмотре развалин Ош-хона сотруднику экспедиции Ю. А. Заднепровскому удалось найти обломок (12 × 10 см) от сравнительно крупного сосуда в виде небольшого хума, характерного для раннего средневековья. Венчик хума сильно оттянут кнаружи, с рельефным орнаментом в виде налепа с вмятинами, сделанными пальцами по внешнему краю. Сосуд был с горловиной до 35 см в диаметре и, судя по аналогиям, до 50—60 см высотой. По верхней плоскости этого венчика была сделана, явно до обжига, врезанная достаточно глубоко острым резцом надпись руническим шрифтом, часть которой сохранилась (рис. 2). Справа налево читается первая буква, от которой осталась вертикальная черта и боковой скол, что дает возможность предполагать (весьма гадательно) букву **1**. Далее следуют вне всяких сомнений буквы **ГЧЧЧ**. Надпись можно транслитерировать ргуу и транскрибировать ¹р¹г (?) угу.

Высота букв до 16 мм. Резец был в руках грамотного человека, хотя буквы исполнены отнюдь не каллиграфически. Ввиду того, что перед нами явно только обрывок надписи, переводить ее весьма рискованно. Однако мы не можем отказать себе в возможности видеть в последней части надписи

слово «гу букв. сын»,¹ что вполне закономерно может закончить написание имени мастера или владельца этого сосуда. Возможно, мастер специально готовил этот сосуд для будущего владельца и исполнил эту надпись до обжига сосуда.

Предположительно думаю, что остаток имени звучал *pʰg. Это имя-этноним, известное в рунических текстах, прежде всего в классической надписи Кюль Тегина, имя, которое в свое время вызвало достаточно много толкований.

Однако суть не в переводе этих пяти букв. Сосуд, судя по его объему, технике исполнения, принадлежит к типичным предметам быта местного, земледельческого населения. Это не утварь кочевников. Следовательно, мастер, изготовивший этот сосуд, был всего вероятней оседлый, связанный с земледельческой средой, ферганец. Однако он воспользовался алфавитом тюрков, хотя ферганцы знали и другие алфавиты — кушанский (?)² и позднее уйгурский.³

По поводу кушанского происхождения надписи на сосуде из Фархадстрога у меня некоторые сомнения. Мне кажется, что здесь, во-первых, справа арабскими буквами надпись يلي, а во-вторых, ниже слева две группы рунических букв $\Upsilon\Lambda$ и $\mathfrak{M}\xi$ — š š nč ič (?) — aš (ʰsʰnč) ič (вар. š) (рис. 1).

Во всяком случае, это — тюркская руническая надпись, перевод которой, однако, чрезвычайно труден. Можно предположить, что первое слово aš — это 'пища', 'корм'.⁴ Хотелось бы видеть в последующих буквах слово š nč ič вар. š nč 'сосуд', 'горшок'.⁵ Последнее слово ič допускает различные чтения ('внутренность', повелительное наклонение от глагола «пить» и т. д.). Элементов кушанского алфавита, как это предполагала К. В. Тревер, в этой надписи не усматриваю.⁶

Если наша догадка верна, следует и датировать этот сосуд, хотя, быть может, надписи на нем были сделаны значительно позднее. Издатель этой находки пишет: «Затупленным острием, после обжига, на расширенную часть корпуса нанесены письменные знаки. С одной стороны нанесены три группы букв, по две-три буквы в каждой, ступенчато повышающихся в направлении слева направо».⁷

Рис. 1. Прорисовка надписи руническими и арабскими буквами на сосуде с Фархадстрога.

¹ W. Radloff. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei, III. СПб., 1895, стр. 359. В рунических текстах Енисей уры — часто составная часть имени. Ср. уру 'племя', 'род', 'родовое имя' (СТН, т. I, стлб. 1658).

² С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. Изв. АН УзССР, № 5, 1948, стр. 77, рис. 4.

³ А. Н. Бернштам. Уйгурская надпись из Эрши. ЭВ, VI, 1952.

⁴ СТН, т. I, стлб. 583.

⁵ МК, 25. Буквы š и č здесь нейтральные и допускают мягкое чтение.

⁶ С. К. Кабанов, ук. соч., стр. 78.

⁷ Там же, стр. 77. (Разрядка наша, — А. Б.).

Возможно, что надписи отражают „вторую жизнь“ сосуда, и наличие арабских букв на сосуде говорит о том, что вряд ли эти надписи нанесены раньше начала VIII в. н. э.

Сочетание рунических и арабских надписей известно по более ранним находкам в других местах Средней Азии (Иссык-Куль, Койсара).¹

Очевидно, в Фергане был достаточно широко распространен и рунический тюркский текст, во всяком случае были „потребители“ этого письма и текстов, написанных этим письмом.

Последнее согласуется с указаниями Сюань-Цзана, династийных историй (вероятно по информации Сюань-Цзана) и Хой Чао,² что в VII—VIII вв. в Фергане было значительное тюркское население, правда, проживавшее к северу от Чженьчжу, т. е. Сыр-Дарьи (соврем. Наманганская обл. Узбекской ССР).

Нам известны еще другие рунические тексты из Ферганы. Один из них, тоже на венчике хума, хранится в Кабинете археологии САГУ. Это — случайная находка геологов.³ Благодаря любезности М. Е. Массона я получил фотографию этой надписи и описание фрагмента, которые здесь и воспроизвожу (рис. 3).

Проф. М. Е. Массон сообщает: „Фрагмент принадлежит венчику хума VII—VIII вв. Найден он в урочище Кизил Пиляу, в 9 км к северу от Исфары, на правом берегу одноименного сая на склоне горки, вершина которой занята развалинами. С горкой связано предание о двух великанах, из которых один проживал на ней, а второй на «Черной Пиляу»“. Размер надписи примерно 3 × 6 см. Высота букв до 3 см. Транслитерирована она может быть следующим образом: **ΛΙΥΛΥ**, т. е. *k'grnc*. Здесь мы также имеем окончание более длинной надписи. От предшествующих слов (слова?) сохранилась часть буквы *k'*, которая не может читаться вместе с последующими.

Отнюдь не каллиграфически исполненные буквы и условность транслитерации тем более заставляют воздержаться от транскрипции надписи и ее перевода. Ясно только, что здесь иной текст, чем на фрагменте из Мык-Пошо и другом фрагменте из Исфары, о котором речь идет ниже.

Из частных писем археологов Б. А. Литвинского и Е. А. Давидович мне стало известно о нахождении ими во время работ Кайракумского отряда Таджикской археологической экспедиции АН ТаджССР в 1951 г. рунической надписи на фрагменте хума.⁴ Фрагмент был найден в Исфаринской долине,

¹ С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАК, ОГН, 1929, стр. 804—805.

² А. Бернштам. 1) Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао. ВДИ, 1, 1952 (здесь же литература вопроса); 2) Древняя Фергана. Ташкент, 1951.

³ М. Е. Массон. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. Матер. ЮТАКЭ, вып. II, М.—Л., 1951, стр. 13, прим. 1.

⁴ Б. Литвинский и Е. Давидович. Археологические работы в Ленинабадской области. Газ. „Коммунист Таджикистана“, 19 января 1952 г., № 16 (6368), стр. 3. Ср.: Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. Инст. истории, археол. и этногр. АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 121—122, 170.

Рис. 2. Фрагмент венчика хума с рунической надписью из Ош-хона (оазис Мык-Пошо).
Находка 1951 г. Коллекции ПФАЭКЭ.

Рис. 3. Фрагмент венчика хума VII—VIII вв. с рунической надписью
из Кирил Пилау (Исфара). Археологический кабинет САГУ.

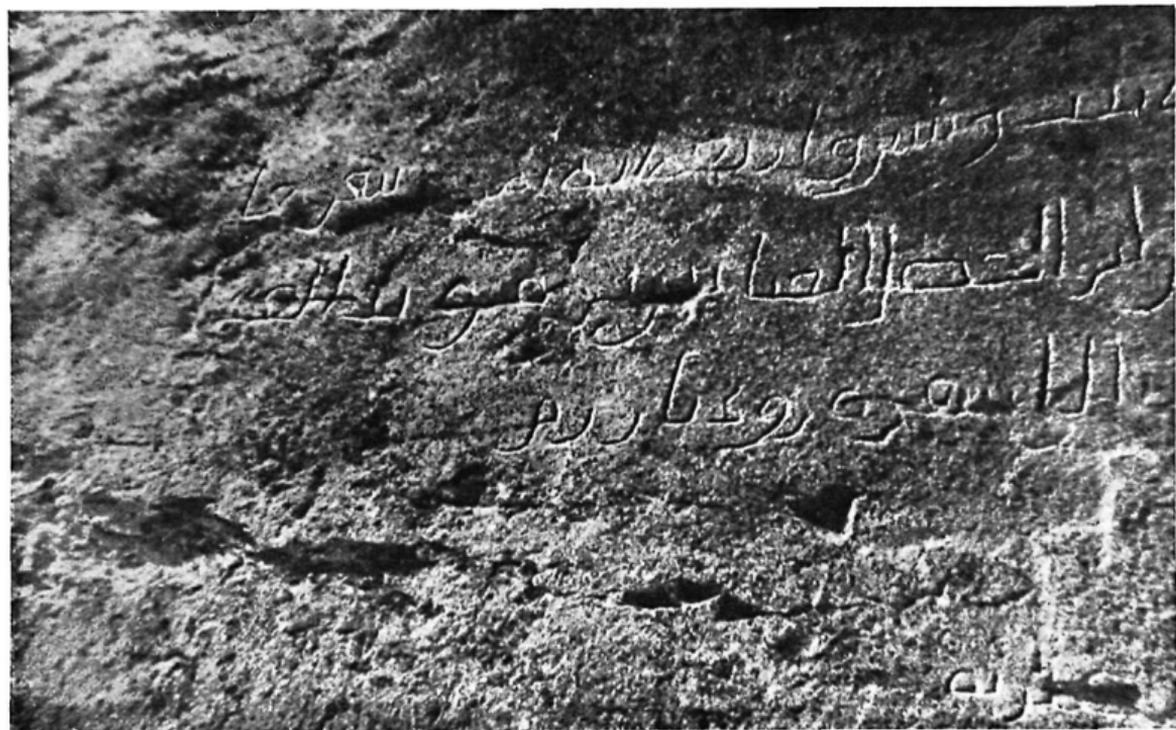

Рис. 4. Фрагмент Варухской надписи арабским алфавитом. Находка 1950 г. Из фотографий ПФАЭКЭ.

Рис. 5. Фрагмент Варухской надписи уйгурским письмом. Находка 1950 г. Из фотографий ПФАЭКЭ.

выше по саю от известной крепости Кала-и-Боло. Это фрагмент хума с шестью руническими знаками, исполненными очень четко.

Мне была любезно предоставлена прорисовка надписи на фрагменте хума размером 6.3×9 см (рис. 6). О надписи Е. А. Давидович в письме сообщает следующее: „Знак первой обломан как раз по линии, но скорее всего это $\hat{\Lambda} = t$; знак шестой несколько длиннее остальных. Может быть он последний в слове, так как до излома расстояние несколько шире остальных промежутков между буквами.

Надпись четкая, сделана до обжига, на внутренней стороне сосуда, причем низ обращен к венчику“.

Е. Давидович права, что первая буква несомненно руническая буква $\hat{\Lambda}$ и связана с концом утраченного слова. Остальные буквы не вызывают сомнения Π \cdot C $\hat{\Lambda}$, и вся надпись транслитерируется $\text{tr}n : \text{ly}\hat{\Lambda}$. Если не принимать во внимание первую букву t , то остальные, по-моему, составляют два слова ${}^3r^3n : {}^3\text{ly}\hat{\Lambda}$. Точку между буквами 3 и 4 я принимаю как разделительный знак. Возможный перевод весьма любопытен: „...двор.¹ Подать“.²

Очевидно, мы здесь имеем дело со стандартным сосудом для сбора подати какими-то продуктами с определенного (?) или стандартного по объему хозяйства. К сожалению, утрачена первая часть фразы, к которой относится упомянутая буква t .

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что фрагменты с руническими надписями были найдены в южной Фергане, причем две из четырех известных надписей происходят из Исфары. Таким образом, хотя северная Фергана считалась принадлежащей тюркам, а южная — местным ираноязычным династиям, все же тюркское письмо было и здесь распространено. Судя по сохранившимся фрагментам, надписи были различного содержания (имена, стандарты).

Отмечу, что разбираемые надписи в основном исполнены на более или менее сходных по объему хумах, но тексты варьируют. Таким образом, можно сказать достаточно определенно, что они обозначали не только стандарт и функцию сосудов, но отмечали и принадлежность их владельцу или имя мастера. Таким образом, руническое письмо выполняло различные функции, причем было рассчитано на чтение тюркоязычным населением или населением, знавшим тюркскую речь.

Рис. 6. Прорисовка рунической надписи из Исфары (район крепости Кала-и-Боло). Коллекция Согдийско-Таджикской экспедиции.

¹ *Arap* — двор; см.: МК, 10; СТН, т. I, табл. 251.

² См. словарь С. Малова к труду Радлова: W. Radloff. *Uigurische Sprachdenkmäler*. Ленинград, 1928, стр. 262, *alyš* 'побор (название подати)'. Желательно было бы видеть в конце слова *alyš* рун. C .

Не случайно, что впоследствии эти южные районы, в частности Исфара, были личными уделами тюркских владетелей, о чем, например, говорит знаменитая Варухская надпись, переведенная В. Бартольдом¹ и К. Иностранцевым² (рис. 4 и 5). Наличие надписи, исполненной руническим шрифтом, тем более подчеркивает усиление тюркского элемента в Фергане, что немало способствовало сложению здесь древнеузбекских этнических элементов.

С точки зрения географии рунического письма после обнаружения древнетюркского документа на коже с горы Муг³ эти находки едва ли не самые важные открытия, указывающие на роль тюрков в Средней Азии, тем более, что документ с горы Муг — это письмо, которое могло придти с любой стороны, в то время как сосуды в виде хумов, как, например, из Ош-хона и Исфары, вряд ли предназначались к далеким перевозкам. Следовательно, находки в руинах Ош-Хона, Исфаре и тому подобные документы грамотности аборигенного тюркоязычного населения Ферганы, являвшегося здесь достаточно прочным и количественно массовым этническим элементом, поскольку оно могло вызвать к жизни эту надпись. В этом значении текстов, сделанных руническим алфавитом на утвари местного населения из Ферганы, найденных советскими археологами.

В заключение приношу благодарность всем лицам, которые предоставили мое распоряжение интересующие меня материалы.

В письме от 11 III 53 г. Е. А. Давидович сообщила еще о двух находках рунических знаков на обломках крупных сосудов из замка Кала-и-Боло.

В одном случае мы усмотрели буквы Г.УЧ, т. е. zn:p. Чтение невозможно. Здесь конец фразы (слова?) и первая буква второго слова (фразы?). Как и в первом случае, разделительная точка (а не двоеточие). Возможно, что буквы zn — окончание глагола [bol] zⁿ, т. е. „Да будет“, подобно согдийской надписи из Сарыга „Да будет [полным]“⁴ благопожелание.

Знаки на втором сосуде в виде римской цифры VI — мне не понятны. Это не руника, а орнамент.

¹ См. ПТКЛА, г. IX, 1904, стр. 46—48, ср. стр. 43—46.

² О толковании нижней надписи в Варухском ущелье см.: сб. МАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 553 и сл.

³ А. Бернштам. Древнетюркский документ из Сога. ЭВ, V, 1951. Ср. рец.: С. Е. Малов. Изв. АН СССР, отд. лит. и языка, № 2, 1954, стр. 197—198.

⁴ А. А. Фрейман, ВДИ, 1939, № 3.

Э. Р. РЫГДЫЛОН

ПОДКУНИНСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ

Посвящая памяти В. В. Радлова

При содействии научных сотрудников Археологического отдела Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР (МАЭ) В. В. Федорова и В. М. Лемешевского обнаружен кусок камня с тюркскими рунами (длинной 46 см, шириной 10—15 см). На краю плиты оказалась едва заметная карандашная пометка: „2564-1“. В „Отчете“ музея¹ под этим номером записано: „Кусок писаниц из Енисейской губернии, от А. В. Адрианова, 2 предмета“.

А. В. Адрианов весьма интенсивно собирал на средства Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии наскальные изображения и рунические надписи по Енисею.²

В одном из отчетов А. В. Адрианова сообщается о находке им двух новых рунических надписей, а именно: в пещере на горе Тепсей³ и на плите, найденной им возле улуса Подкунинского, на левом берегу Енисея, в 25—27 км ниже г. Минусинска. Последний, т. е. нижепубликуемый памятник, был найден, как говорит А. В. Адрианов, „по указанию инородца Подкунинского улуса Хоча Поринкова, представляет обломок кварцитового столба призматической формы, около пуда весом. Все 4 грани этого обломка покрыты вырубленными рунообразными знаками, хорошо сохранившимися. Всех знаков 91; они расположены на трех гранях по две строки и на четвертой — в виде одной неполной строки. Очевидно, столб был длинный, и надпись находилась и на той части, которую мне не удалось найти. Где находился этот памятник первоначально, едва ли удастся выяснить. По словам одной инородки, описываемый камень был вымыт водой из яра Подкунинской протоки. По словам же Норинкова, он стоял на гриве Ортыдак биль, составляющей предгорье горы Куня с южной стороны, откуда был унесен к заимке (Овечий табор) и здесь брошен (после больших усилий я нашел камень в густой заросли крапивы саженного роста)“.⁴ Дата отчета — 19 ноября 1907 г.

¹ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра I за 1916 г. Пгр., 1917, стр. 12.

² Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии за 1904 г., I, стр. 5—8; III, стр. 4; за 1905 г., I, стр. 15, 16; за 1907 г., II, стр. 2; IV, стр. 2, 3.

³ ИРКИСВА, № 8, стр. 43; см. также № 10, стр. 34—39. Надпись не опубликована; она состоит, по словам Адрианова, из 166 знаков.

⁴ ИРКИСВА, № 8, стр. 42—43.

Текст

² 15 ¹⁰ ⁵
 10̄ε̄x̄↓̄^4: 1̄γ̄ȳn̄j: ^̄x̄j̄h̄h̄ʹ ... [1]

² 30 ²⁵ ²⁰
 10̄ε̄x̄h̄ε̄x: j̄ʹt̄h̄ʹ ... [2]

⁴⁰ ³⁵
 4̄ȳh̄ōγ̄ȳj̄h̄: " ... [3]

⁵⁵ ? ⁵⁰ ⁴⁵
 >̄j̄ȳj̄j̄↓̄ȳd>̄j: j̄j̄ʹ ... [4]

⁷⁰ ⁶⁵ ⁶⁰
 ε̄x̄ʹj̄: j̄ʹt̄ε̄ȳt̄x: j̄ʹj̄ʹ ... [5]

⁸⁰ ⁷⁵
 j̄ʹh̄j̄: j̄ʹx̄ʹh̄ ... [6]

⁸⁴ ?
 h̄x̄h̄ ... [7]

Транскрипция

[1] ... Ч̄ант̄а баш алакуш уртак б̄аг̄им̄а

[2] ... т̄урк̄ а̄дг̄ӯ б̄аг̄им̄а

[3] ... Кара Шыкур

[4] ... оглы буйрук Ала санун

[5] ... ігач билга? Ысыз б̄аг̄...

[6] ... (б)̄окм̄а̄д̄а с̄і(с)ма

[7] ... (б̄ок)м̄а̄д̄ам

Перевод

[1] ... истинный начальник, прославленный, выдающийся бек

[2] ... (т)юрк добрый бек (правитель)

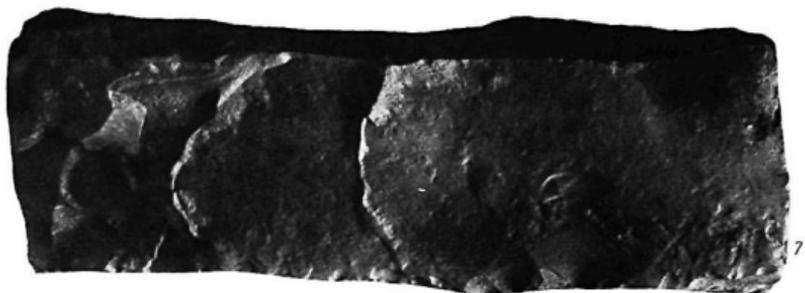
[3] ... Кара Шыкур (Черный перевал)

[4] ... ный буйрук (приказный) Ала санун,

[5] ... мудрый... вы бек (правитель)

[6] ... не наслаждался в отношении Вас

[7] ... не наслаждался (?) (т. е. умер)ʹ.

Подкунииская руническая надпись.

В отчетах о деятельности Комитета за 1907 г. говорится, что успехи А. В. Адрианова увенчались „открытием единственного в своем роде памятника — каменного столба с рунической надписью, принадлежащей одному из уйгурских ханов VIII в. по Р. Х.“¹

Таким образом, данные о памятнике достаточно точны. Остается привести еще один документ, разъясняющий причину нахождения памятника в Ленинграде. „Согласно телеграмме В. В. Радлова, — пишет А. В. Адрианов, — я взял из Музея Томского университета, где он был мною помещен, камень с руноподобной надписью и 11 декабря сдал его, упакованным в ящик, на станцию железной дороги для отправления по адресу Русского комитета. 13 декабря, 1907 г., Томск“.²

В. В. Радлов, как известно, был организатором и бессменным руководителем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Несмотря на огромную организационную работу по Комитету и преклонный возраст, В. В. Радлов продолжал заниматься тюркской филологией и рунами.³

После расформирования Комитета, в 1916 г., памятник был передан Турфанскому отделу МАЭ и, при последующей передаче имущества данного отдела в Эрмитаж, наш камень почему-то остался в Музее. Таким образом, ясна и последующая судьба памятника, но не совсем ясен вопрос о том, почему В. В. Радлов не опубликовал эту надпись, тогда как он интересовался ею специально. По совету С. Е. Малова публикуем ниже эту надпись, с нашим посильным переводом. Он не отличается совершенством, но С. Е. Малов предупредил, что от памятника сохранились лишь концы строк, которые трудны для перевода. (См. рисунок).

Перед разбором текста надписи отметим, что она была в свое время оценена очень высоко.⁴

Примечания

[¹] Встречаем здесь название местности, известное по надписи на скале Кая-Баджи, расположенной на правом берегу р. Кемчика Тувинской авт. обл. Правда, у нас Шыкур вместо Сэнгир.

[²] Обращает внимание титул „санун“ — полководец (кит. tsiang-kian), известный по ряду рунических надписей, в том числе Кая-Баджинской.

[⁶] Слово *бокмадым* (𐰽𐰺𐰍𐰆) — у нас знаки 71—75 (𐰽𐰺𐰍𐰆...) — С. Е. Маловым через монгольскую, якутскую и казахскую аналогии переведено „не наслаждался я, не удовлетворился“. Глагол *ббх* в бурятском имеет, кроме значения ‘пресытиться (жирным)’, — ‘догорать’, ‘гаснуть’: *зола (joла уйг.) ббх* ‘свеча догорела’ или слово *бкб* ‘умереть’. Здесь слово *сi(c)ма* вместо обычного *сiзiмй* ‘вы мой’, ‘в отношении вас’.

¹ Протоколы заседаний Комитета за 1908 г., № I, Приложение I, стр. 11.

² ИРКИСВА, № 8, стр. 45.

³ ИРКИСВА, серия 2, № III, Пгр., 1914, Некролог.

⁴ Протоколы заседаний Комитета за 1908 г., № I, Приложение I, стр. 11.

Таким образом, наш памятник, найденный в Минусинской котловине, перекликается с известным памятником, находящимся в Тувинской авт. обл., вновь осмотренным С. В. Киселевым в 1947 г.

Содержание надписи весьма любопытное и дополняет значение нашей надписи. Позволим себе привести перевод полностью.

[1] Ваша благодать...

[2] Это — вечный памятник моего хана и моего государства на Кара сэнгир (на „Черном хребте“).

[3] Писавший это был Аннгин.

[4] Слушайте, все люди, посла (из) Кара сэнгир.

[5] Ради моей геройской доблести я, Ынанчу, именитый чигши, начальник (в Черном хребте), я великий у (народа) шести подразделений в Кешдиге. Вот это, пожалуй, хорошее из моих дел: я освоил (поселился, обжил) Кара сэнгир. Удур Чигши в тридцать восемь лет...

[6] Хорошее... правитель Сангун Бедб... тутук правитель той земли.

[7] Через написанное [кир]гизским ханом.

[9] (Ел-апа)

[10]¹

Итак, если эта тувинская надпись высечена от имени „посла (из) Кара сэнгир“, из местности, упомянутой в нашей надписи, то Кара сэнгир (Черный перевал) находился, очевидно, в Минусинской котловине, в частности в долине Абакана, давшей много тюркских рун.

С. В. Киселев, сославшись на перевод В. В. Радлова надписи на скале Кая-Баджи, пишет о Кара сэнгире, как о стране, „лежащей по ту сторону земли“,² хотя в новом переводе С. Е. Малова этого выражения нет. Тем не менее можно сказать, что название VII—VIII вв. — Кара сэнгир (Черный перевал) имеет отношение к угленосным пластам, выходящим в этих местах на поверхность земли. Подобное название созвучно современному названию здешних мест: Черная гора, Черногорск и т. д. Необходимо еще учесть, что вычужный путь в Туву проходил по Абакану, у устья которого и найден наш памятник.

И, наконец, отметим, что прежнее заключение о надписи как „противоположности всем прежде открытым руническим надписям, не имеющей характера надгробной эпитафии“³ не подтвердилось. Наличие здесь слова „бокмады“ в смысле „умер“, характерное для ранее известных памятников, говорит именно в пользу этого.

¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 44—45.

² С. В. Киселев. Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X вв. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1946, № 1, стр. 72.

³ Протоколы заседаний Комитета за 1908 г., № 1, Приложение I, Отчет о деятельности Русского комитета за 1907 г., стр. 11.

В. М. МАССОН

ДРЕВНЕБАКТРИЙСКИЕ МОНЕТЫ, ЧЕКАНЕННЫЕ ПО ТИПУ ТЕТРАДРАХМ ГЕЛИОКЛА

В 1939 г. при осуществлении археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина на городище Кайноват на глубине 3 м была найдена медная монета, подражающая чекану греко-бактрийского государя Гелиокла (около 156—140 гг. до н. э.).¹ Хотя эта интересная монета уже вошла в научную литературу,² описания ее до сих пор не было дано.

Определение этой монеты как подражающей типу драхм и тетрадрахм Гелиокла не вызывает сомнений. Даже самое беглое ознакомление с монетами, чеканенными по типу тетрадрахм Гелиокла, показывает, что они распадаются на две группы. Ниже приводится описание известных автору монет обеих групп из нумизматических собраний СССР.³ Все монеты за исключением оборота монеты № 1 второй группы, насколько нам известно, являются неопубликованными.

Первая группа

1. Лиц. Бюст государя в диадеме вправо.

Об. Схематическая фигура стоящего божества в фас. Над головой сияние, переданное точками. Правая рука поднята вверх и опирается на длинный жезл. В руке М-образный знак (навершие жезла?). Отведенная влево пра-

¹ М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. КСИИМК, IV, 1940, стр. 54.

² R. N. Frye. Notes on the early Coinage of Transoxiane. Numismatic Notes and Monographs, № 113, New York, 1949, p. 5. — К. В. Тревер. Греко-бактрийское царство. В кн.: История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 97. — Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Тр. Инст. истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 17, 39. — А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 9.

³ Автор приносит глубокую благодарность всем лицам и организациям, любезно содействовавшим обработке и публикации монет, и особенно считает своим долгом выразить признательность заведующему Отделом нумизматики Государственного Эрмитажа А. А. Быкову.

вая рука держит перун. Носки ног опущены вниз, так что фигура стоит как бы на цыпочках. Легенда справа: ... ΣΙΛΕΩ ...; слева: ΛΙ·Ι:ΛΕ...

Бронза, 10.13 г, 30 мм. Монета найдена в окрестностях г. Сталинабада и была передана научным сотрудником Института языка и литературы АН ТаджССР Б. И. Сирусом проф. М. М. Дьяконову. (См. таблицу, 3).

2. Лиц. Бюст государя вправо как на № 1. Подбородок заострен и несколько выдается вперед.

Об. Фигура божества как на № 1. Сияние передано мелкими каплевидными черточками. Легенда справа: ... ΣΙΛΕΩ ...; слева: ΛΙ:ΛΕ...; внизу: ΔΙΙΔΙΙ. Монограмма Π.

Бронза 12.66 г, 31 мм. Собрание Государственного Эрмитажа (Каталог Греко-Бактрии и т. д., № 484^а). (См. таблицу, 4).

3. Лиц. Бюст государя вправо. Волосы охвачены диадемой, концы которой развеваются в поле слева. Ниже диадемы волосы свисают на лоб и щеку некрупными вьющимися прядями. Выше диадемы нижний ряд прядей волос имеет петлеобразную форму. Верхний ряд прядей показан лишь в виде контурных линий, чуть выше нижнего ряда. Выпуклый лоб; мясистый подбородок и нос; полные губы; узкий разрез глаз. Щека отделена от передней части лица резкой складкой. Плечи закутаны в плащ (?), причем эта одежда прослеживается и в поле справа, как бы ниспадающая с вытянутой вправо руки.

Об. Фигура стоящего божества как на № 1. Над головой — лучистое сияние из расходящихся каплевидных черточек. Над плечами — две изогнутые линии. Жезл вверху проходит позади предплечья левой руки, не касаясь ее кисти. Поднятая вверх кисть этой руки как бы продолжена каплевидной черточкой. Выше колен проходит нижняя оторочка одежды. Ноги обуты в мягкие сапоги (?). Легенда справа: ΒΑΣΙΛΕΩ; слева: ΗΛΙΛΕ... Монограмма как на № 2.

Бронза, 15.2 г, 29—30 мм. Монета найдена на городище в с. Шахринау. Собрание АН ТаджССР, инв. № 27/2. (См. таблицу, 5).

4. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3. Ободок из чередующихся продолговатых черточек и коротких поперечных.

Об. Фигура стоящего божества как на № 3. Легенда справа: ΒΑΣΙΛΕ ...; слева: ΗΛΙΛΕ ... Монограмма как на № 2.

Бронза, 13.91 г, 28 мм. Собрание Государственного Эрмитажа (№ 482). (См. таблицу, 6).

5. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3. Линейный (?) ободок.

Об. Фигура стоящего божества как на № 3. Корпус изогнут в талии, и его верхняя часть отклонена вправо. Легенда справа: ΒΑΣΙΛΕ...; слева: ΗΛΙΙ ...

Монеты Гелиокла (7), Аза (2) и чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла (3-12).

Бронза, 13.38 г, 27 мм. Собрание Кафедры археологии Средней Азии САГУ. (См. таблицу, 7).

6. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3. Ободок как на № 4.

Об. Фигура стоящего божества как на № 3. Основной упор на правую ногу; левая слегка отставлена вправо. Легенда справа: ΙΑΕΛΣ ; внизу ΔΙΙΔΙΥ .

Бронза, 11.47 г, 29 мм. Монета очень сильно потерта. Найдена на городище Кайноват в Фергане. Собрание Государственного Музея искусств УзССР. (См. таблицу, 8).

7. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3. Ободок линейно-точечный.

Об. Фигура стоящего божества как на № 3. Легенда справа: ΒΑΣΙΛΕΩ . . . ; слева: ΗΑΠΛΕΥ . . . ; внизу: ΑΠΛΑ . . . Монограмма как на № 2.

Бронза, 15.45 г, 28 мм. Собрание Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР в г. Сталинабаде.

8. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3. Ободок как на № 4. Справа в поле остатки легенды (?).

Об. Фигура стоящего божества как на № 3. Ободок как на лицевой стороне. Легенда справа: ΒΑΣΙΛΕΩ . . . ; внизу: . . . ΙΑΙΥ .

Бронза, 14.94 г, 31—37 мм. Монета овально вытянутой формы. Найдена в 1952 г. в разведочном раскопе Л. П. Альбаума на городище Зор-тепе к северу от Термеза на глубине 4 м.¹

Вторая группа

1. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3 первой группы.

Об. Неоседланная лошадь, идущая влево. Правая передняя нога поднята. Четко переданы бабки и копыта. Пропорции несколько массивны. Длинный хвост свисает до земли. Внизу под изображением горизонтальная черта. Легенда слева: ΑΠΛΕΥΣ ; внизу: ΔΙΙΔΙΥ .

Бронза, 13.69 г, 26 мм. Собрание Государственного Эрмитажа (№ 484).² (См. таблицу, 9).

2. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3 первой группы.

Об. Идущая лошадь как на № 1 второй группы. Легенда справа: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ; внизу: . . . ΑΙΥ .

Бронза, 14.01 г, 29 мм. Собрание Государственного Эрмитажа (№ 483). (См. таблицу, 10).

¹ Об этом городище см. заметку „Раскопки городища „Зор-тепе“ [газ. „Правда Востока“, 18 июня 1952 г., № 143 (8655)].

² Оборот этой монеты без описания опубликован А. Н. Зографом: Монеты „Герая“. Ташкент, 1937, стр. 33, № 12.

3. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3 первой группы.

Об. Идущая лошадь как на № 1 второй группы. Легенда справа:

ΒΑΣΙΛΕΥΣ; внизу: **ΔΙΔΙΥ**.

Бронза, 25.5—27 мм. Найдена в 1952 г. в Шахринау, около здания школы-десятилетки, на глубине 1.15 м. Поступила в АН ТаджССР через т. Мухтарова.

4. Лиц. Бюст государя вправо как на № 3 и ободок как на № 4 первой группы.

Об. Идущая лошадь как на № 1 второй группы. Легенда справа:...

ΑΣΙΑΕ ...; слева: **ΝΑΠΛΕΥΤ**; внизу: **ΔΙΔΙ**.

Бронза, 3.76 г, 19 мм. Собрание Государственного Эрмитажа (№ 485). (См. таблицу, 11).

5. Лиц. Бюст государя вправо как на № 4 второй группы.

Об. Идущая лошадь как на № 1 второй группы. Легенда справа:...

ΑΣΙΑΕΥΣ; слева: **ΝΑΠΛΕΥ...**, внизу: **ΙΔΙΥ**.

Бронза, 3.22 г, 19 мм. Собрание Государственного Эрмитажа (№ 486). (См. таблицу, 12).

6. Лиц. Бюст государя вправо как на № 4 второй группы.

Об. Идущая лошадь как на № 1 второй группы. Легенда справа: **ΒΑΣ** ...;

слева: **ΝΑΠΛΕΥ** ...

Бронза, 3.14 г, 18 мм. Собрание Государственного Эрмитажа (№ 487).

Обе группы уже насчитывают довольно длительную историю изучения. Монеты второй группы были впервые изданы в 1834 и 1835 гг. Ч. Массоном из его находок в Беграме. В 1835 г. Д. Принсеп опубликовал монету первой группы. В этих изданиях монеты не были правильно опознаны.¹

В 1838 г. Р. Рошетт первый показал связь этих монет с чеканом Гелиокла. Однако, неправильно понимая эту связь, он видел в них выпуск самого Гелиокла, относя черты огрубения за счет «упадка греческой цивилизации в Бактриане».²

Против точки зрения Р. Рошетта выступил в 1841 г. Г. Вильсон. Он справедливо указал, что характер сильно искаженной легенды не позволяет относить эти монеты к чекану Гелиокла. «Эти монеты, — пишет в заключение Вильсон, — могли быть выпущены варварским или сакским государем гелиокловского времени, подражавшим титулу «дикайос» и общему характеру

¹ J. Prinsep. *Essays on Indian Antiquities*, v. I. London, 1858, стр. 190, pl. XV, fig. 12—14; стр. 355, pl. XXVIII, fig. 4.

² R. Rochette. *Troisième supplément à la Notice sur quelques médailles grecques inédites des rois de la Bactriane et de l'Inde*. *Journal des savants*, Paris, 1838, déc., стр. 746—750.

монет этого государя. Отсутствие арийских легенд позволяет допустить, что эти монеты были чеканены в собственно Бактрии, когда большая часть страны еще недавно была под греческой властью.¹

В 1874 г. П. Гарднер, публикуя уникальную тетрадрахму „Герая“, писал, что эта публикация является новым подтверждением точки зрения Вильсона о принадлежности сакам монет нашей второй группы.²

По Вильсону описал обе группы и К. Лассен.³ А. Саллет, также оставившаяся на двух группах, заметил, что подробного описания всех вариантов еще не сделано.⁴ В соответствующем томе каталога Британского музея, изданном П. Гарднером, упоминаются три монеты первой группы и восемь второй группы. Гарднер разделил монеты самого Гелиокла на две группы: монеты с одной греческой легендой и монеты с двуязычной легендой. Первая группа, по его мнению, относится к тому времени правления Гелиокла, когда он был государем Бактрии, а вторая — к более позднему времени, когда во владении Гелиокла осталась только какая-то часть Индии. Подтверждение такого деления Гарднер видел в том, что „монеты бактрийского класса были во множестве копированы варварскими племенами Центральной Азии“.⁵

В 1889 г. вышла очередная статья Каннингама из серии задуманных им очерков о монетах „индо-скифов“. В этой статье Каннингам рассматривал монеты класса „А“ своей классификации — „грубые подражания греческим монетам от первой оккупации в 163 г. до н. э. до установления кушан в 116 г. до н. э.“. В приложении к статье было опубликовано описание одной монеты первой и одной второй группы. Все подражания греко-бактрийским монетам Каннингам приписывал ранним „индо (? — В. М.)-скифам“, занявшим страны по Оксу. Эти монеты, пишет он, редки в долине Кабула и их совсем нет в Пенджабе. [Лошадь на оборотной стороне монет второй группы Каннингам в описании сравнивает с лошадью на оборотной стороне монет, приписываемых Митридату I.] В тексте статьи, наоборот, читаем, что эта лошадь может быть оригинальной, хотя, возможно, заимствована с квадратных монет Гермея. Вероятно, именно последним соображением вызвана оговорка относительно всего класса „А“: „... этот чекан, возможно, продолжался до 16 г. н. э., когда кушанский завоеватель Кудзула Кадфиз пометил свое имя на реверсе медных монет Гермея“.⁶

¹ H. Wilson. *Ariana antiqua*. London, 1841, стр. 310—312.

² P. A. Gardner. *Coin of Heraüs, Saka King*. NC, New series, 15, 1874, стр. 165.

³ C. Lassen. *Indische Alterthumskunde*, Bd. II. Leipzig, 1874, стр. 384—385.

⁴ A. Sallet. *Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indien*. Berlin, 1879, стр. 105—106.

⁵ P. Gardner. *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India*. London, 1886, стр. XXX.

⁶ A. Cunningham. *Coins of Tochari, Kushans or Yue-ti*. NC, Third series, v. IX, 1889, стр. 303.

Статья Каннингама, очень важная с точки зрения публикации материала, тем не менее во многом является неудовлетворительной. Нумизматический материал значительно шире, богаче и сложнее той классификации, которую дает Каннинггам.

В каталоге Калькутского музея (1906 г.) была опубликована одна монета второй группы.¹ В каталоге Лахорского музея указаны две монеты первой и восемь монет второй группы.² Однако ни В. Смит, ни Р. Уайтхед не упоминают этих монет в кратких введениях к соответствующим разделам каталогов.

(В работе А. де ла Фюй о монетах Согдианы и соседних стран была издана одна монета первой группы.³ Вышедший позднее комментарий очень ограничен. А. де ла Фюй говорит только о монетах первой группы и совсем не касается большой литературы вопроса. Тем более странно читать в заключении такой вывод: „Искажение легенд, замена серебра бронзой очевидно указывают на время, близкое последним греческим государям Индии и, возможно, на несколько более позднее, т. е. на первое столетие н. э.“⁴ Забегая вперед, следует сказать, что ни из каких данных, а тем более из приводимых А. де ла Фюй, это не следует.

Без всяких комментариев приведено описание монеты первой группы в сводке Ж. де Моргана.⁵

Очень важные наблюдения над интересующими нас монетами сделал А. Н. Зограф. Он пишет, что фигура коня с коротким туловищем и длинными ногами, помещенная на обороте монет „Герая“, не походит на лошадей, изображенных на индо-сакских монетах, и ближе всего к лошади на обороте монет, подражающих чекану Гелиокла. Находит аналогии А. Н. Зограф и в положении диадемы государя на монетах „Герая“ и на подражаниях Гелиоклу. Датировка монет у А. де ла Фюй, по его словам, мало обоснована, и ей противоречит фактура монет.⁶

В специальном курсе „Нумизматика Средней Азии“⁷ М. Е. Массон, приводя описание монеты, найденной на городище Кайноват в Фергане, также указывал на малую вероятность датировки, предлагаемой А. де ла Фюй.

Таким образом, интересующие нас монеты еще не были предметом специального подробного изучения. Публикации их разбросаны по разным местам, а характеристики обычно даются лишь как попутные замечания.

¹ V. Smith. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta. Oxford, 1914, стр. 28.

² R. Whitehead. Catalogue of Coins in the Panjab Museum. Lahore, v. I, Oxford, 1914, стр. 28.

³ A. de la Fûye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines. RN, 1910, pl. III, 12.

⁴ RN, 1925, стр. 35—36.

⁵ J. de Morgan. Manuel de numismatique orientale, t. I. Paris, 1923—1936, стр. 426.

⁶ А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 26—27.

⁷ Курс читался на историческом факультете САГУ в 1942—1949 гг. См. также: М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Матер. Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 6—7.

Автор настоящей статьи прекрасно сознает, что имеющийся материал еще далек от желательной полноты, а многие стороны изучения этого материала еще не вполне ясны. Данная статья имеет задачей лишь обратить внимание исследователей на эти нумизматические группы.

Типологически монеты первой группы являются подражаниями основному типу драхм и тетрадрахм Гелиокла с изображением на обороте стоящего Зевса, причем они подражают именно первому классу монет Гелиокла по классификации Гарднера. Это видно, в частности, по расположению легенды на обороте, а также по ободку на лицевой стороне, отсутствующему на монетах Гелиокла второго класса. Однако при такой типологической связи (она характерна и для нашей второй группы) в рассматриваемых монетах выступают и совершенно ясные черты отличия от чекана Гелиокла.

Обратимся к изображению государя на лицевой стороне. Сначала монеты дают здесь не вполне устойчивый тип (см. таблицу, 3, 4), но потом устанавливается совершенно определенный канон, сохраняющийся в обеих группах. Резкая складка на щеке, мясистый крупный нос, жирный подбородок определяют образ изображенного здесь правителя. Изменяется по сравнению с портретом Гелиокла и передача прически.

Интересна следующая характерная деталь. Складки одежды, окутывающей плечи государя, на многих монетах продолжают вправо далеко вперед за линию груди. Сопоставление ряда монет не оставляет сомнения, что изображаемая на монете фигура протягивает вперед правую руку, не воспроизведенную, однако, медалером. Эта существенная подробность отсутствует на монетах Гелиокла. Д. Принсеп сопоставлял такое положение руки с протянутой рукой всадника на оборотной стороне известных монет так называемого „безымянного царя“, т. е., как теперь определяется, монет Кадфиза I.¹ С еще большими основаниями эту позу можно сопоставить с лицевой стороной монет этого же государя. Среди многочисленных монет „безымянного царя“ есть и такой тип, где протянутая рука не изображена, а вычеканены только складки покрывавшей ее одежды.² Все это позволяет считать, что на лицевой стороне рассматриваемых монет воспроизведены черты какого-то конкретного правителя, на образе которого, разумеется, сказались также и иконография Гелиокла.

На обороте монет первой группы изображено стоящее божество. Этот образ почти точно повторяет изображение Зевса на обороте монет Гелиокла. Изображение заметно огрубляется и неизменно имеет лучистое сияние над головой. Это сияние характерно для второго класса монет Гелиокла и почти не встречается на монетах первого класса.³ Появление сияния у Зевса, изображенного в традиционной греческой позе, заставляет предполагать какое-

¹ М. Е. Массон. Происхождение безымянного „царя царей — великого спасителя“. Тр. САГУ, нов. серия, вып. XI, Ташкент, 1950.

² R. Whitehead, ук. соч., pl. XVI, 109.

³ Редкое исключение — драхма Британского музея (P. Gardner. The Coins of the Greek... pl. VII, 3).

то местное влияние. Сияние и нимб широко применялись в иконографии божеств на монетах индо-греческих, индо-сакских и позднее кушанских государей.¹ Особенно интересен образ стоящего Зевса с сиянием на монетах Аза (см. таблицу, 2) и на монетах местных правителей Спалахора и Спалагадана, чеканенных с указанием на оборотной стороне имени Вонона.² Здесь образ стоящего Зевса с сиянием вокруг головы исходит из той же традиционной греческой позы, что и образ божества на наших монетах. Трудно сказать, что означает появление сияния, несомненно подразумевающее усложнение этого образа. Может быть, это следует понимать как слияние верховного бога греческой мифологии с каким-то образом местного божества.

Различная степень искажения стоящего божества на обороте монет первой группы намекает на возможность более дробной классификации. Однако материал для этого пока еще недостаточен.

Очень важно появление на оборотной стороне монет второй группы изображения идущей лошади. Этот образ отсутствует на монетах Гелиокла. Монеты второй группы связаны с монетами Гелиокла только расположением и, если об этом еще можно говорить, содержанием легенды.

Изображение лошади на оборотной стороне квадратных монет Гермея если и стоит в связи с нашими монетами, то как последующий, а отнюдь не исходный образ. Монеты рассматриваемых групп по фактуре и типу несомненно чеканены раньше монет Гермея. Изображение скачущей лошади имеется на бронзовых монетах Евтидема: Лошадь, стоящая влево, имеется и на бронзе Евкратиды.³ Однако тонкое художественное исполнение стройных пропорций этих лошадей не имеет ничего общего с образом лошади на рассматриваемых монетах. Лошадь, идущая вправо, с поднятой передней ногой — обычный образ в парфянской нумизматике, начиная с ранних ее этапов.⁴ Очень близка лошадь рассматриваемых монет к изображению лошади, идущей вправо, на бронзовых монетах первого индо-сакского государя Мауэса (по несколько завышенной датировке Смита 120—90 гг. до н. э.).⁵ Очень важно то обстоятельство, что лошадь здесь помещена на лицевой стороне монеты; это определяется круговой греческой легендой, тогда как на оборотной стороне дана легенда карошти. На монетах Евтидема, Евкратиды, парфянских государей и Гермея скачущие или идущие лошади изображались только на оборотной стороне. Отмеченные монеты Мауэса являются, видимо, этапом, предшествующим сложению образа государя-всадника. Позднее этот образ получает широкое распространение на монетах, выпу-

¹ См. интересную статью Друэна: E. Drouin. Le nimbe et les signes de l'apothéose sur les monnaies des rois indo-scythes. *RN*, 1901, стр. 155—166.

² P. Gardner. *The Coins of the Greek...*, pl. XVII, XXI, XXII. — A. Cunningham, *Coins of Sakas*. NC, 1890, pl. VII, VIII.

³ H. Wilson, *ук. соч.*, pl. III, 7.

⁴ См., например: P. Gardner. *The Parthian Coinage*. *Numismata Orientalia*, v. I, p. V, London, 1877, pl. I, 17, 15, 16; II, 10; III, 9 и др.

⁵ A. Sallet, *ук. соч.*, Taf. V, 1, 2. — A. Cunningham. *Coins of Sakas*, стр. 133, pl. V, 15.

скавшихся династиями, так или иначе тесно связанными с кочевым миром (индо-сакские государи, монеты „Герая“, монеты Кадфиза I, монеты Хорезма и т. д.). По смысловому значению появление и распространение этого образа вполне понятно. Вероятно не случайным оказывается образ лошади и на рассматриваемых монетах.

Обе группы повторяют расположение и содержание легенд монет Гелиокла. На тетрадрахмах и драмах Гелиокла легенда помещена на оборотной стороне ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ ΔΙΚΑΙΟΥ. Концы букв утяжелены точками. На рассматриваемых монетах легенда уже подвергалась искажениям. Неграмотный резчик опускает ο микроны, изображавшиеся в виде некрупных кружков. Маленькие точки на месте первого ο микрона в слове „Гелиокл“ можно видеть на некоторых монетах первой группы (см. таблицу, 3, 4). Интересно, что на этих же монетах и против вертикальной палочки, заменившей каппу, стоят две точки. Это предшествует окончательной замене каппы вертикальной палочкой. В большинстве случаев каппа передается просто одной вертикальной палочкой. Происходит ряд других искажений, и легенда принимает

вид ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΛΙΛΕΥΣ ΔΙΔΙΟΥ. Таким образом, второе

и третье слова сразу теряют настоящий смысл. Наоборот, на всех монетах достаточно правильно воспроизведено слово ΒΑΣΙΛΕΩΣ, видимо представлявшее для выпускавших монету больший интерес, чем имя Гелиокла и его прозвище.

Обратимся к эпиграфике отдельных букв. Форма альфы с косою перекадиной встречается уже у Гелиокла и продолжает широко применяться в нумизматике Средней Азии и северо-западной Индии вплоть до кушанских государей включительно. На всех известных нам экземплярах ο мега неизменно сохраняет раннюю форму. Один этот факт полностью снимает необоснованную датировку А. де ла Фюй рассматриваемых монет I в. н. э. Уже со второй половины I в. до н. э. начинает появляться другая форма ο меги, а в I в. н. э. эта новая форма, приняв квадратные очертания ш, господствует на монетах почти полностью.

Значительный интерес представляет на рассматриваемых монетах квадратное, а иногда и лунарное начертание сигмы. Такие начертания сигмы встречаются в парфянской нумизматике наряду с формой Σ, начиная с середины I в. до н. э., но к I в. н. э. полностью вытесняют эту последнюю форму.¹ Однако на наших монетах квадратная сигма заменяет более раннюю форму лишь как третья буква в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Обычно, когда удается проследить конечную сигму, она имеет форму Σ. Только на монете с городища Кайноват конечная сигма, возможно, квадратная. На двух монетах (см. таблицу, 3, 4) первая сигма также имеет форму Σ. Особенно интересна монета

¹ А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 28. — J. de Morgan. Étude sur la décadence de l'écriture Grecque dans l'empire Perse sous la dynastie des Arsacides. Revue archéologique, t. XX, Paris, 1911, стр. 12.

из района Сталинабада, где излом задней спинки уже очень слаб и как бы происходит трансформация $\Sigma \rightarrow \Gamma$. Это позволяет допустить, что квадратная форма первой сигмы в слове BACTAEON могла появиться в результате искажения сигмы, употреблявшейся на монетах Гелиокла. Во всяком случае, если здесь появление квадратной формы сигмы и связано с общими изменениями, происходившими в греческой эпиграфике на Востоке, то для хронологических определений следует ориентироваться на ранние даты распространения новой формы сигмы.

Доступные данные по весу (в граммах) рассматриваемых монет можно суммировать следующим образом.

Первая группа

1. Сталинабад. Краеведческий музей	15.45
2. Шахринау. Собрание АН ТаджССР	15.2
3. Издание Канингама	15.01
4. Зар-тепе	14.94
5. Музей в Лахоре	14.72
6. Музей в Лахоре	14.4
7. Государственный Эрмитаж	13.91
8. Собрание Кафедры археологии САГУ	13.38
9. Государственный Эрмитаж	12.66
10. Городище Кайноват	11.47
11. Окрестности Сталинабада	10.33

В литературе упоминаются монеты первой группы мелкого номинала, но оригиналы их автору не известны.

Вторая группа

1. Музей в Лахоре	14.72
2. Издание Канингама	14.59
3. Музей в Лахоре	14.4
4. Государственный Эрмитаж	14.01
5. Государственный Эрмитаж	13.69
6. Музей в Лахоре	13.56
7. Музей в Лахоре	13.41
8. Музей в Лахоре	3.84
9. Государственный Эрмитаж	3.76
10. Музей в Лахоре	3.52
11. Музей в Лахоре	3.52
12. Музей в Лахоре	3.52
13. Музей в Лахоре	3.52
14. Государственный Эрмитаж	3.22
15. Государственный Эрмитаж	3.14

Вильсон упоминает серебряную монету второй группы, но не указывает ее вес и не приводит ее изображения.¹ Об этом нельзя не пожалеть, так как все остальные известные экземпляры являются бронзовыми и вопрос о представляемых ими номиналах не вполне ясен. Этот вопрос разрешился

¹ Н. Wilson, ук. соч., стр. 311.

бы легко, если признать все экземпляры за субаэратные монеты, совершенно не сохранившие следов серебра.

В таком случае приведенные выше веса дали бы довольно ясную картину постепенного падения в субаэратном чекане высокого веса аттического стандарта, на котором было основано серебро первого класса монет Гелиокла. Однако пока не установлены следы серебра, все это остается в области предположений.

Если признавать рассматриваемые монеты за бронзовые, то вопрос о номиналах значительно усложняется. Ни индо-сакские, ни индо-греческие, ни даже греко-бактрийские и кушанские бронзовые монеты не изучены с точки зрения номиналов. Часто вес бронзовых монет даже не приводится в каталогах. Ознакомление с весом бронзовых монет различных периодов показало, что рассматриваемые монеты ничего общего не имеют с основными номиналами кушанской бронзы. Крупный номинал бронзы Греко-Бактрии имеет колебания в весе между 8 и 10 г. Этот вес имеют и бронзовые монеты Гелиокла с индийской легендой на оборотной стороне. Приблизительно того же веса многочисленные бронзовые монеты индо-греческих и индо-сакских правителей второй половины II—I в. до н. э. Только отдельные монеты имеют более значительный вес. Так, известны монеты Аза весом в 13.21, 13.28, 14.25 г. Одна монета Аза весит даже 20.73 г.¹ Крупные бронзовые монеты весом в 15—16 г. известны для чекана Аполлодота и Менаандра (около середины II в. до н. э.). Отдельные монеты Менаандра тоже достигают 20.47 г. Таким образом, если рассматривать наши монеты как бронзовые, то их вес находит аналогии в выпусках правителей второй половины II в. до н. э.—первой половины I в. до н. э. Оговариваемся, что возможное разнообразие номиналов бронзовых монет еще далеко не ясно.

Каково же историческое значение двух охарактеризованных выше групп монет?

Вопрос о месте их выпуска и обращения решается топографией находок. Известные места находок локализуются на территории северо-восточной Бактрии (район Термеза, Шахринау, Сталинабад). Первые находки были сделаны на другом конце Бактрии в Беграме. Одна монета второй группы найдена в Таксиле.² Утверждать, что данный чекан принадлежит именно северо-восточной Бактрии, нет достаточных оснований. Более вероятно, что это — чекан всей Бактрии в определенный период ее существования. Обращает внимание, что эти монеты чеканены по типу тетрадрахм (возможно, и драхм) именно Гелиокла, т. е. последнего греко-бактрийского государя. Именно при Гелиокле произошло завоевание Бактрии кочевыми племенами, обычно датированное 140—130 гг. до н. э. Уже сама довольно тесная связь с монетами

¹ A. Cunningham. Coins of Sakas, стр. 145.

² J. Marshall. Taxila. Cambridge, 1951, v. III, pl. 236, № 67. В комментарии (v. II, p. 801) Уайтхед ссылается на статью Канингама.

Гелиокла не позволяет датировать обе группы, и во всяком случае первую из них, особенно поздним временем. Эпиграфический анализ и данные веса монет также говорят об их достаточно раннем времени — не позднее середины I в. до н. э. Скорее всего перед нами бактрийский чекан конца II—первой половины I в. до н. э.

Вслед почти за всеми авторами выпуск двух рассматриваемых групп монет мы относим к племенам, низвергнувшим греческое господство в Бактрии и установившим там свою власть.

Если признавать, как делают некоторые исследователи, период сакского господства в Бактрии, этот чекан, может быть, следует приписать сакам. Более вероятным кажется нам отнесение этих групп к раннеюечжийскому чекану. В таком случае приобретают особенную ценность отмеченные А. Н. Зографом связи этих монет с монетами кушанского вождя „Герая“.

Денежное обращение второй половины II—I в. до н. э. в Бактрии, во всяком случае в северо-восточной ее части, было довольно сложным. На этой территории обращались серебряные оболы, чеканенные по типу оболов Евкратиды.¹ Есть основания полагать, что здесь обращались в это время и другие монеты. Известны также, правда немногочисленные, серебряные подражания тетрадрахмам Евкратиды.

Для объяснения этого можно предложить следующую гипотезу. В Бактрии завоеватели застали определенный состав денежного рынка с ходкими монетными типами. Многочисленные монеты греко-бактрийских государей несомненно вызывались экономическими потребностями бактрийского общества. Товарное производство существовало еще при рабовладельческом строе. Значительное развитие товарного производства в Бактрии III—II вв. до н. э. устанавливается обильной денежной эмиссией, обслуживавшей потребности экономического уклада в рабовладельческом обществе. Кочевническое завоевание Бактрии вероятно нанесло ущерб экономическому развитию страны, но посетивший страну вскоре после завоевания Чжан Кянь сообщает все-таки о развитии торговли в стране и о рынке с различными товарами в ее столице. Завоеватели были вынуждены продолжать выпуск монеты. И здесь на первых порах основой послужили различные ходовые типы. Таким образом, в Бактрии появляются и получают широкое распространение различные подражания монетам греко-бактрийских правителей. Мелкие номиналы, например, чеканились по типу оболов Евкратиды.

Важную роль в этой эмиссии играла чеканка монет по типу тетрадрахм Гелиокла. Как нам кажется, на лицевой стороне этих монет воспроизведены портретные черты неизвестного правителя. Еще более важно появление нового типа оборотной стороны с изображением лошади — образом, игравшим большую роль у кочевых племен. Все эти черты уже указывают на проявление самостоятельной государственности. Вторая группа намечает самостоятельный монетный тип.

¹ М. М. Дьяконов. Работы кафирниганского отряда. МИА СССР, 15, 1950, стр. 171—174.

Возвращаясь к началу статьи, следует сказать, что находка монеты первой группы на городище в восточной Фергане представляет значительный интерес. Находки античных монет в Фергане единичны. Здесь нет того обилия монеты, которое так характерно для развитого товарно-денежного хозяйства Бактрии или Маргианы. Не связано ли проникновение этой монеты в восточную Фергану с началом интенсивного движения товаров по торговому „шелковому“ пути в Китай? Может быть, такие пункты находок рассматриваемых монет, как район Термеза, городище около Сталинабада и городище в восточной Фергане, намечают линию этого пути, позднее описанного Птолемеем. Следует надеяться, что дальнейшие нумизматические находки помогут лучше разобраться в истории денежного хозяйства древней Средней Азии.

Л. А. ЛИПИН

НОВАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОДНОГО СРЕДНЕАССИРИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА

Среди частноправовых документов, раскопанных в первой четверти XX в. на месте древней столицы ассирийского государства, в городе Ашшуре (соврем. Кал'ат-Шеркат), и опубликованных в автографии Э. Эбелингом в 1927 г.¹ без каких-либо комментариев, имеется один юридический документ.

Формулировка его столь запутана, что до сих пор ни одному из исследователей не удалось дать сколько-нибудь удовлетворительную интерпретацию его, хотя занимались им многие весьма крупные филологи и юристы, в том числе и такой специалист, как Пауль Кошакер.

Речь здесь идет о документе № 10 из публикаций Эбелинга.

Эпиграфически он не представляет особых трудностей, хотя некоторые, правда, немногочисленные знаки, целиком или частично, выкрошились, но все они легко восстанавливаются по контексту. Как и другие юридические документы этой эпохи, КАJ № 10 написан весьма четкой клинописью и читается сравнительно легко, но по содержанию и запутанности в юридических формулировках он до сих пор ставил многих исследователей в тупик.

Вот этот документ в автографии и транскрипции и его перевод.]

В документе содержится ряд трудностей. Во-первых, судя по начальным строкам текста, Курбани жив и его именем даже назван год, которым датирован документ, но тем не менее, согласно строке 12, он не принимает участия в разделе имущества. Вместо него наследство получают его сыновья. Во-вторых, кто такой Адад-шарру, вдруг появляющийся в строке 10 со своим домом, о котором в этом документе вообще не было никакой речи? Какое отношение имеет этот Адад-шарру к делящимся братьям и к их имуществу?

Все эти трудности казались непреодолимыми.

Однако при более тщательном изучении этого весьма запутанного документа оказывается, что все эти трудности мнимые.

Документ интерпретируется следующим образом.

¹ E. Ebeling. Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts. Leipzig, 1927.

Парпарайау, дважды здесь упоминаемый (в строках 4 и 13), является старшим сыном Амурру-насира и внуком Ашшур-икиша. Согласно § 1 таблицы Б среднеассирийских законов,¹ старший брат пользуется рядом привилегий при разделе имущества наследниками после смерти их отца. Он не только получает две доли² наследства, но одну из них он может даже брать первым. Все остальное имущество распределяется по жребию между всеми остальными братьями, в число которых входит, конечно, и старший брат. Фактически он, вероятно, выбирал себе обе доли.

Кроме Парпарайау, у Амурру-насира, сына Ашшур-икиша, было еще два сына, один из которых — Эриб-тайаэ — жив, а другой — Курбани — умер еще прежде, чем производился раздел наследства, а может быть еще при жизни своего отца, Амурру-насира. Но от этого Курбани остались сыновья (т. е. внуки Амурру-насира и племянники Парпарайау), которые унаследовали в неподделанном еще наследстве деда (т. е. Амурру-насира) долю своего отца (т. е. брата Парпарайау) Курбани.

Приведенный документ фиксирует раздел имущества, оставшегося после смерти Амурру-насира.

Все сыновья Курбани получают одну только долю наследства — долю своего отца. Поэтому они фигурируют здесь коллективно, как один наследник, и даже не названы по именам. Неизвестным остается и их число, так как при настоящем разделе имущества это не имело никакого значения. Вот если они стали бы затем делить полученную ими долю наследства от деда между собой, то тогда они все обязательно были бы перечислены в договоре о разделе поименно.

Курбани, названный в строке 2 в качестве эпонима (li-me), есть другой Курбани и не только не тождествен с Курбани, упомянутым в строках 12 и 14, но даже ничего общего с ним не имеет. Здесь налицо случайное совпадение двух имен, вернее, совпадение имен двух различных людей, волей судьбы попавших в один документ. Один из них, как в этом легко убедиться из текста, является сыном Амурру-насира и внуком Ашшур-икиша, в то время как другой (эпоним Курбани, упомянутый в строке 2) является сыном Ришеа и внуком Ибашши-илу. Этот Курбани не имеет никакого прямого отношения к разделу имущества, о котором и составлен интересующий нас документ, и упомянут только, как эпоним, для датировки.

Что касается основной трудности, казавшейся до последнего времени неразрешимой, т. е. Адад-шарру, вдруг появляющийся со своим домом в строке 10, то и он не имеет прямого отношения к настоящему разделу.

¹ Среднеассирийские законы (сокращенно САЗ) также были обнаружены при раскопках древнего города Ашшур в 1903—1914 гг. В клинописной автографии они изданы Шредером в „Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts“ под №№ 1—6, 143, 144, 193, где они ошибочно названы староассирийскими. В 30-х годах они были переизданы в транскрипции и переводе с обширным юридическим и филологическим комментарием Драйвером и Майлзом.

² Две доли, а не две части, как полагает акад. Н. М. Никольский (см.: Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. М., 1948).

Печать

5

 10

Печать, следы письма

14

Среднеассирийский юридический документ (по Э. Эбелингу).

Транскрипция

- [1] [i] š-tu ^{arab} ši-pi ûm I kam
 [2] li-me ^m kur-ba-ni mâr ri-še-[a]
 [3] mâr ibašši-ilu
 [4] ^m Par-pa-ra-ja-ú ù aḫê^{mes}-š[u]
 [5] mârê^{mes} ⁱⁱ Amurru-našir mâr ⁱⁱ Aššur-i-ki-šu
 [6] eqla ù lib-bi âli zi-zu
 [7] za-ku-ú amêlu ana amêli lâ i-ra-gu-um
 [8] pa-ḫat pu-qur-ra-na-e
 [9] ša a-ḫa-iš lâ i-na-ši-ú
 [10] bît ^m ⁱⁱ Abad-šarru
 [11] zittu ^m E-rib-ta-ja-e
 [12] ù mârê^{mes} Kur-ba-ni
 [13] kunuk par-pa-ra-ja-e
 [14] kunuk [E-rib]-ta-ja-e ù mârê^{mes} Kur-ba-ni.

Перевод

- [1] С первого дня месяца сипу,
 [2] эпонимата Курбани, сына Рише[а],
 [3] сына Ибашши-илу,
 [4] Парпарайау и ег[о] братья,
 [5] сыновья Амурру-насира, сына Ашшур-икиша,
 [6] поле и (все, что) внутри поселения, поделили.
 [7] Они чисты. Один к другому не будет предъявлять претензий.
 [8] Ответственность за иски
 [9] друг за друга они не будут нести.
 [10] Дом Адад-шарру —
 [11] — доля Эриб-тайаэ
 [12] и сыновей Курбани.
 [13] Печать Парпарайау,
 [14] печат(и) [Эриб]-тайаэ и сыновей Курбани.

Этот Адад-шарру выполняет в нашем документе функцию признака части имущества, подлежащего разделу, как имущества, оставшегося после смерти отца наследников — Амурру-насира.¹

В состав неразделенного имущества, доставшегося в наследство после смерти Амурру-насира, входил дом, ранее принадлежавший некоему лицу по имени Адад-шарру. Этот дом был прежде либо куплен у последнего, либо (а это более вероятно) взят от него за долги.

Естественно, что, поскольку на дом, не являющийся наследственным в их семье, могут быть в дальнейшем предъявлены какие-нибудь претензии со стороны их прежнего владельца или со стороны его наследников, особенно если этот дом представлял собой залог за долги, постольку старший брат — Парпарайау, пользующийся при разделе рядом преимуществ, не взял его себе, а выделил в качестве их доли своему младшему брату и племянникам — сыновьям его второго брата, успевшего уже умереть ко времени раздела, зафиксированного в настоящем договоре.

Таким образом, при этой новой интерпретации все трудности, которые прежде казались непреодолимыми, теперь полностью устраняются, и документ становится вполне ясным и понятным.

¹ Сама фраза составлена как предложение с именным сказуемым: „Дом Адад-шарру — доля Эриб-тайаэ и сыновей Курбани“ (bit^{m.} ii Adad-šarru zittu^{m.} E-rib-ta-ja-e ù mārē^{meš} Kurba-ni). Такие конструкции предложения не являются чем-то необычным не только для данного языкового периода, но для ассиро-вавилонского языка всех эпох вообще.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

КЛИНООБРАЗНЫЕ УРАРТСКИЕ НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК НА КАРМИР-БЛУРЕ 1954 г.

Раскопки на Кармир-блура, производимые совместной археологической экспедицией Академии Наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа, ежегодно обнаруживают новые клинообразные надписи, преимущественно на бронзовых изделиях. Эти надписи, несмотря на их краткость, представляют большой интерес, так как они являются надежным датирующим материалом.

В 1953 г. было найдено два предмета с клинописью: бронзовый шлем (КБ 53-164) с надписью царя Аргишти I, совершенно аналогичной надписи на шлеме, обнаруженном в 1950 г. (КБ 50-135), и бронзовый щит Сардури II, украшенный изображениями львов и быков (КБ 53-165), текст которого близок к тексту второй строки щита Аргишти I, найденного в 1940 г. (КБ 40-3).

Раскопки на Кармир-блура в 1954 г. дали значительное число бронзовых частей конского убора с короткими клинообразными надписями.

КБ 54-166. Круглые бляхи с текстом, помещенным в центре по кругу: ^mAr-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-ḫi '(из) крепости („дома оружия“) царя Аргишти'. Таких блях найдено 104, но не все из них имеют надписи.

КБ 54-167. Бронзовая подпруга, на концах которой помещен текст, тождественный предыдущему, и выгравирована головка быка, обращенная вправо.

КБ 54-168. Обломок бронзового пояса или подпруги с тем же текстом.

КБ 54-169. Крупные бронзовые налобники с надписью по верхнему краю: ^mSAR-du-ri-i ^mAr-gi-iš-ti-ḫi-ni-i 'Сардури, сына Аргишти'. Таких налобников найдено 10 штук, но надписи сохранились не на всех.

КБ 54-170. Бронзовые нащечные пластины с надписью, тождественной надписи на налобниках (19 штук).

КБ 54-171. Обломок богато орнаментированной нащечной пластины с началом текста: ša BĪTU a — // // // // //.

КБ 54-172. Бронзовые псалии железных удил с надписью: ^mSAR-du-ri-i 'Царя Сардури' (19 штук, текст сохранился на нескольких образцах).

КБ 54-173. Бронзовые конические умбоны с пуговичным навершием и короткой надписью по нижнему краю: ^mSAR-du-ri-// // // (6 штук).

	Кладовая I 1954		Кладовая II 1954
175	(1)	190	(1)
176	(2)	191	(2)
177	(3)	192	(3)
178	(4)	193	(4)
179	(6)	194	(5)
180	(7)	195	(6)
181	(8)	196	(7)
182	(9)	197	(8)
183	(10)	198	(10)
184	(12)	199	(12)
185	(14)	200	(15)
186	(15)	201	(18)
187	(16)	202	(21)
188	(23)	203	(27)
189	(24)	204	(28)
		205	(30)
	Кладовая III 1954	206	(30)
209		207	
		208	

Клинописные обозначения на карсах. Кармир-блур, 1954 г.

КБ 54-174. Бронзовый колокольчик с остатками надписи, помещенной в рамке: ^[m]SAR-du-ri-e.

На двух колокольчиках иного типа различимы отдельные знаки, по которым не представляется возможным восстановить текст.

В 1954 г. были раскопаны также три кладовые для вина, в которых сохранились крупные сосуды-карасы с клинописными обозначениями урартских мер емкости — акарки и теруси (КБ 54-175—209).

В ряде случаев на одном и том же карасе даны обозначения как клинописью, так и иероглифами, причем клинопись наносилась поверх иероглифического, иногда затертого текста. В ранее раскопанных кладовых клинописные обозначения встречались раздельно от иероглифических (КБ 49-14—33), что давало основание в этих клинописях видеть отметку вместимости сосудов для вина. Материалы 1954 г. заставляют пересмотреть это предположение, так как на некоторых карасах имеется по три разных обозначения, причем в одних случаях клинопись дает большее количество, а в других иероглифы. Поэтому более вероятным кажется нам предположение, что эти обозначения отмечали количество вина, налитого в сосуды, что до некоторой степени и соответствует их емкости.

М. В. ВОРОБЬЕВ

К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ В МАНЬЧЖУРИИ И В ПРИМОРЬЕ С ДРЕВНОСТИ ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Древняя история Маньчжурии и Приморья чрезвычайно своеобразна. Маньчжурия и Приморье долго являлись окраинами дальневосточного мира, центром которого был Китай. В древности эти области представлялись китайцам чем-то экзотическим, „варварским“, безусловно находящимся за пределами культурного мира. Впоследствии они стали менее экзотическими, но более опасными для этого культурного мира, и прежде всего для Китая. На фоне блестящей китайской цивилизации культура далеких Маньчжурии и Приморья долго казалась убогой, несамостоятельной, напоминала бледную копию с китайского образца. Но это не значит, что Маньчжурия и Приморье не имели своей истории и своей культуры. У них была не только своя самобытная культура, но и свои государства (Бохай — VIII—X вв., Ляо — X—XII вв., Цзинь — XII—XIII вв.), являвшиеся либо дружественными и независимыми (Бохай), либо грозными и воинственными соседями Китая и Кореи (Ляо, Цзинь). Однако их самобытная по содержанию культура часто облекалась в китайские формы, а их мощные государства были недолговечны. Оба эти обстоятельства серьезно затруднили изучение местных культур даже тогда, когда сам факт их существования стал общепризнанным, а необходимость их изучения очевидной.

Нумизматические памятники Маньчжурии и Приморья, которым и посвящена настоящая статья, являются лишним подтверждением этого своеобразия культурного развития древней Маньчжурии и Приморья.

Единственными исследователями нумизматических памятников Приморья были русские ученые-краеведы, они же осуществляли основную работу по изучению нумизматики Маньчжурии. Однако Кафаров, Гребенщиков, Шкуркин, небольшая группа ученых-краеведов из Общества изучения Маньчжурского края и из Общества изучения Амурского края, не могли, конечно, охватить такую огромную, мало изученную и труднодоступную территорию. Поэтому нумизматические памятники Маньчжурии и Приморья изучены еще далеко недостаточно. Количество монет, известных нам по публикациям, очень невелико. Многие монеты еще не определены и не опубликованы. Еще далеки от разрешения такие важные вопросы нумизматической истории края,

как денежные системы местных государств (Бохай, Ляо, Цзинь), доли монет местного чекана и чекана других дальневосточных стран в общей массе монет, обращавшихся на этой территории в древности, отливы и приливы в денежном обращении.

Настоящая статья посвящена лишь некоторым вопросам денежного обращения Маньчжурии и Приморья — территорий, весьма тесно связанных между собой в древности, — и хронологически охватывает период с III—II вв. до н. э. до XIII в.

На таблице представлены наиболее крупные серии монет, обнаруженные в разное время на археологических памятниках Маньчжурии и Приморья

Древние монеты из Маньчжурии и Приморья

Китайские династии	Периоды	Маньчжурия			Приморье, Ворошилов		Итого	Династии на периферии Китая
		Байцин (по Том-мачену)	сев. Маньчжурия (по Макарау)	район Харбина (по Жасанникову)	по Гребенщикову	своих работ 1953—1954 гг.		
Цинь	246—207 гг. до н. э.			1			1	
Ранняя Хань	206 г. до н. э.— —25 г. н. э.		1				1	
.....
Тан	618—712 гг.			2	3	2	7	Бохай (713—926)
	713—800 гг.	58	5				63	
	801—907 гг.	1			1		2	
5 династий	907—959 гг.	1					1	Ляо (916—1124)
	960—1003 гг.	47	1	1	1	1	52	
Северная Сун	1004—1100 гг.	506	29	6	26	6	573	Цзинь (1115—1264)
	1101—1110 гг.	86	11	2	3	5	107	
	1111—1126 гг.	16	5	2			23	
Южная Сун	1127—1200 гг.	(6) 3	(2)	2			13	Цзинь (1115—1264)
	1201—1279 гг.							
Юань	1280—1367 гг.	Не установленное число						
Мин	1368—1644 гг.	(1)					1	
Цинь	1644—1911 гг.	22	(3) 16	1	(6)	(2)	50	
Всего		747	73	17	41	16	894	

----- Время существования государства Бохай.
 - - - - - " " " Ляо.
 - • - • - " " " Цзинь.

и опубликованные в различных периодических изданиях.¹ Поскольку в указанных работах сами монеты не воспроизведены, мы всюду приняли то их определение, которое было предложено вышеуказанными авторами, за некоторыми исключениями, о чем будет сказано в своем месте.²

В таблице представлены 894 монеты, датировка и приблизительный пункт обнаружения которых не вызывают сомнения. Все они собраны непосредственно на развалинах древних городищ, крепостей и т. п. и таким образом являются археологическим материалом. Это — медная монета (или различные сплавы с медью), лишь отдельные экземпляры сделаны из железа. Серебряная и золотая монета на территории Маньчжурии и Приморья не найдена. Легенды всех монет, кроме трех, написаны китайскими иероглифами, но не вся монета, о которой идет речь, китайская. В таблице цифры, указывающие на количество не китайской монеты, взяты в скобки. Таких монет 20 штук.

По национальному признаку все монеты делятся следующим образом: китайских — 874 штуки, японских — 4, чжурчженьских — 8, корейских — 5, русских — 3.

Остановимся сначала на не китайских монетах.

Все японские монеты имеют одну легенду: КАНЪЭЙ ЦУ: ХО: (寬永通寶). Этот девиз правления был принят японским императором Мудзуноо II в 1624 г. и просуществовал после его смерти при императрице Мё: сё: до 1643 г. Монеты с таким девизом изготовлялись с 1636 г. до середины XIX в. Монета, найденная Толмачевым, датирована им 1624 г., что, очевидно, неверно, так как за год выпуска монеты механически принят первый год девиза. Одна монета с развалин древнего города у Ворошилова имеет на оборотной стороне иероглиф „БУН“ (文). Такие монеты начали изготовлять в 1668 г., в 8-й год девиза правления „КАМБУН“ (寬文). Последний из двух иероглифов выбивался на оборотной стороне монеты. Такие монеты продолжали выпускать до 1681 г. Две другие монеты не поддаются более точной датировке. В XVII в. в Маньчжурии правил император Абахай, будущий основатель династии Цин (Тайцзун). Он покорил Корею, вел ожесточенную войну с Китаем и поддерживал дружеские отношения с Японией. Несомненно, что в это время часть таких монет проникла в Маньчжурию, другая часть могла попасть позднее, в конце

¹ В. Я. Толмачев. Древности Маньчжурии. Развалины Бэй-чэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг. Вести. Маньчжурии, Харбин, 1925, № 1, стр. 19—29, 2 табл., 5 рис., 2 черт. — В. С. Макаров. Монеты с развалин древних городов в Северной Маньчжурии. Зап. Харбинск. общ. естествоиспыт. и этнографов, Харбин, 1946, № 3, Археология, стр. 7—14. — К. А. Железников. Некоторые нумизматические данные к археологии Харбинского района. Зап. Харбинск. общ. естествоиспыт. и этнографов, Харбин, 1948, № 8, Археология, стр. 11—16. — А. В. Гребенщиков. К истории китайской валюты. (Нумизматические памятники Южно-Уссурийского края). Вести. Азии, Харбин, 1922, № 50, стр. 1—26, таблица. — Находки Дальневосточной экспедиции ИИМК АН СССР (1953—1954 гг.).

² Насколько это было возможно, определение монет проверено по работе Локкарта (St. J. Lockhart. The Currency of the Farther East from the Earliest Times up to the Present Days. Hong-kong, 1895—1898, v. 2):

XIX в., когда эта монета в самой Японии уже вышла из употребления, и японцы стали сбывать ее в Маньчжурию.¹

Все четыре монеты были найдены на археологических объектах: две в Ворошилове, одна в Бэйчэне и одна в северной Маньчжурии,² причем это всегда подъемный материал, чаще всего собранный на территории, уже застроенной современными постройками. Интересно, что еще 51 такая монета была выбрана Ивановским из связок чохов в конце XIX в.³ Таких монет в конце XIX и начале XX в. было весьма много в Приморье и в особенности в Маньчжурии.⁴ Эти монеты все моложе тех памятников, на которых они найдены. Сведений о находках более ранних японских монет в этом районе у нас не имеется за одним единственным исключением; в верхней столице Бохая (в районе г. Нингуты) обнаружена японская монета с девизом правления: ВАДО: КАЙХО: (和同開珠), изготовленная в 708 г. и служащая подтверждением существования японо-бохайских связей.⁵

Корейские монеты обнаружены на археологических памятниках.⁶ Все они на лицевой стороне имеют надпись: САНПХЁН ТХОНБО (常平通寶) и разнообразные надписи на оборотной стороне. Эти монеты некоторые авторы ошибочно принимали за древнекитайские, вопреки указаниям наиболее солидных нумизматических каталогов, в которых они рассматриваются как самые распространенные корейские монеты конца XVIII—конца XIX в.⁷ Определить эти монеты более точно не представляется возможным из-за отсутствия их подробного описания. Известно лишь, что две монеты, описанные Гребенщиковым и имеющие на оборотной стороне надписи: ХУН ДЭСИП (訓大十) и ХУН СИПСА (訓十四), изготовлены не позднее 1883 г., когда учреждение, обозначенное первым слева иероглифом, прекратило свое

¹ L. van de Polder. Abridged History of the Copper Coins of Japan. Transactions of the Asiatic Society of Japan, v. XIX, 1891, стр. 470—480.

² А. В. Гребенщиков, ук. соч., стр. 24.—В. Я. Толмачев, ук. соч., стр. 27.—В. С. Макаров, ук. соч., стр. 12.

³ А. О. Ивановский. Медная монета в Маньчжурии. ЗВО, т. 7, 1892, стр. 306.

⁴ Первые монеты этого типа, обнаруженные в Приморье, связывались с легендарным царьком Куань Юном (по-китайски легенда этой монеты читается „Куаньюн тунбао“), якобы царствовавшим в Сучане в XIV в. (см.: С. Н. Браиловский. Тазы или Удихе. Живая старина, СПб., год 11-й, вып. II, стр. 142—145). Однако поздний характер этой монеты несомненен, к тому же на Дальнем Востоке имя царя никогда не обозначалось на монетах (об этом см. статью: П. Шкуркин. Нумизматическая заметка. Вестн. Азии, Харбин, 1916, кн. IV, № 40, стр. 31—32).

⁵ Мурата Дзиро, (村田 治郎) Мансю: — но сисэки (滿洲の史蹟). (Исторические памятники Маньчжурии). Токио, 1944, стр. 43.

⁶ 4 монеты в Ворошилове и одна в северной Маньчжурии.]

⁷ Эту странную мысль впервые высказал Шкуркин (ук. соч., стр. 29—31). На него ссылаются и ему следуют Гребенщиков (ук. соч., стр. 23) и Макаров (ук. соч., стр. 12). Ср.: St. J. Lockhart. The Currency. . . , соч., т. 2, и специальную статью, посвященную корейской нумизматике: С. Т. Gardner. The Coinage of Corea. Journ. of the China Branch of the R. As. Soc., N. S., v. XXVII, № 2, pp. 71—130.

существование.¹ Разумеется, эти монеты не синхронны с археологическими памятниками. Такие монеты во второй половине XIX в., видимо, встречались в Маньчжурии и в Приморье очень часто. Проверенных сведений о находках более древних корейских монет на памятниках древности Маньчжурии и Приморья у нас нет. О значительном количестве „старинных корейских монет“, находимых у Ворошилова в районе древнего города, сообщает Кафаров. Но мы не знаем, какие это монеты, хотя сам Кафаров склонен отнести их к XIII—XIV вв.² Шкуркин имел в своем распоряжении коллекцию из 386 вышеописанных корейских монет, собранных в Маньчжурии.³

Пожалуй, наиболее древними русскими монетами с археологических памятников Маньчжурии и Приморья являются медные монеты, на одной стороне которых изображен двуглавый орел, а на другой имеется надпись: ДЕНГА 1746 и ДЕНГА 1738. Первая монета обнаружена в Маньчжурии,⁴ вторую автор видел в частной коллекции в Ворошилове, на территории которого она и была найдена. Здесь же была найдена монета с надписью: МОНЕТА СИБИРСКАЯ КОПЕЙКА 1779.

И японские, и корейские, и русские монеты, как мы видели, сравнительно поздние и попали на древние городища спустя долгое время после того; как эти городища были оставлены, поэтому для характеристики денежного обращения в древности и в средневековье эти находки не имеют значения.

Особый интерес представляют для нас монеты государств, существовавших в древности на территории Маньчжурии и Приморья, к которым мы сейчас и переходим. Монеты государства Бохай до сих пор не известны. Возможно, что у этого государства не было своей денежной системы и оно использовало китайские монеты, но возможно также, что бохайские монеты просто еще не найдены, так как памятники Бохая почти не изучены, а бохайские монеты, если и изготовлялись, то, видимо, в ограниченном количестве, и они легко могли ускользнуть от внимания собирателей. К тому же их могли принять за китайские монеты (как это и случилось с корейскими монетами). Поэтому возможность находок бохайских монет в будущем далеко не исключена, тем более, что и монеты государств Ляо и Цзинь известны далеко не все, а зафиксированные в наиболее полных каталогах монеты являются редкостью даже в крупных коллекциях. Некоторые исследователи даже сомневались в их существовании. Гребенщиков еще в 1922 г. писал, что в Приморье нет монет местных государств,⁵ хотя о существовании у киданей и чжурчженей собственного денежного обращения говорилось в китайских летописях. Трудность определения этих монет усугублялась тем обстоятельством, что почти все старые китайские нумизматические описания и каталоги,

¹ С. Т. Gardner, ук. соч., №№ 186, 194.

² Кафаров (Палладий). Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край. Изв. РГО, т. VII, 1871. № 2, стр. 96.

³ П. Шкуркин, ук. соч., стр. 31.

⁴ В. С. Макаров, ук. соч., стр. 10.

⁵ А. В. Гребенщиков, ук. соч., стр. 25.

по которым составлялись впоследствии и европейские каталоги, не включали монет государств, династий и мятежников, посягавших на китайский трон.

Киданьские монеты вообще являются большой редкостью. Еще реже встречаются они на археологических памятниках. Ни одна из сколько-нибудь крупных археолого-нумизматических коллекций, опубликованных в печати, не содержит киданьских монет. Но тем не менее такие монеты существуют и вошли в нумизматические каталоги. Одна такая монета была обнаружена Ивановским среди монет конца XIX в.¹ Она помечена девизом „ДААНЬ“ (大安), что соответствует 1083—1091 гг. правления киданьского императора Дао-цзуна (1055—1101). Монета была выпущена в ознаменование прекращения войн с Китаем, с Ся, с чжурчженями (ДААНЬ „великое спокойствие“).

Монет чжурчженского государства Цзинь у нас всего 8. Все они собраны на археологических объектах и распадаются на две группы: первую группу составляют 5 монет с легендой: ЧЖЭНЛУН ЮАНЬБАО (正隆元寶), что соответствует 1156—1161 гг.² правления чжурчженского императора Хай-лин-вана (1140—1161 гг.);³ вторую группу составляют 3 монеты с легендой: ДАДИН ТУНБАО (大定通寶), что соответствует 1161—1189 гг. правления чжурчженского императора Ши-цзуна (1161—1189 гг.).⁴ На эти пятьдесят лет падает расцвет могущества государства Цзинь при Хай-лин-ване и медленный закат государства чжурчженей при Ши-цзуне.

Находки монет государств Ляо и Цзинь имеют чрезвычайно важное значение для понимания уровня развития экономики и государственности этих политических образований. Вероятно, монеты местной чеканки еще играли довольно скромную роль в денежном обращении страны, особенно у киданей, но сам факт изготовления собственных монет местными династиями чрезвычайно важен и заслуживает специального исследования.

Что касается китайских монет, то ввиду их большого разнообразия рассмотрим их в связи с такими проблемами, как появление первых монет в этих районах, приливы и отливы в денежном обращении и т. п.

Начальный период появления монет на территории Маньчжурии открывается в таблице двумя монетами. Причем мы здесь не касаемся вопроса о находках так называемых ножевидных монет в южной Маньчжурии. Появление наших двух монет так далеко на севере от Китая связано с установлением непосредственного контакта между Китаем и местными племенами сушеней и илоу, а также с походом ханьского императора У-ди в Маньчжу-

¹ А. О. Ивановский, ук. соч., стр. 306.

² О двух таких же монетах сообщает Ивановский (ук. соч., стр. 306), ошибочно принимая 1168 г. вместо 1161-го.

³ В. С. Макаров (ук. соч., стр. 10—11) отмечает, что таких монет „за последнее время в Бэйчане найдено значительное количество как при раскопках, так и с поверхности пашен“.

⁴ Еще одна монета с такой же легендой была обнаружена в южном Приморье, в с. Чу-гуевка, в старой крепости (см.: Л. Н. Иваньев. Древности села Чугуевка в Приморском крае. СА, 1951, т. XV, стр. 297).

рию и Корею (108 г. до н. э.), на территории которых были учреждены 4 китайские префектуры. Наиболее ранней из наших монет является монета БАНЬ ЛЯНЬ (半兩), которая изготовлялась, по одним источникам, с 336 по 118 гг. до н. э.,¹ а по другим — с 220 по 86 гг. до н. э.² Это наиболее северная находка рассматриваемых монет. До сих пор наиболее северным пунктом их распространения был район Порт-Артура, где было обнаружено три таких монеты. Другая монета, более поздняя — У ШУ (五銖) — была впервые отлита в 118 г. до н. э. и с тех пор отливалась неоднократно вплоть до 621 г., когда ее сменила новая монета, о которой речь будет ниже. Наш экземпляр относится к раннему выпуску, который характеризуется отсутствием рубчика на лицевой стороне монеты вокруг центрального отверстия и датируется 118—72 гг. до н. э.³ Монета интересна еще тем, что она обнаружена в самом северо-западном углу Маньчжурии, около оз. Далай-Нор. Эти, хотя и единичные, монетные находки подтверждают существование довольно тесного контакта между Китаем и Маньчжурией в первые века до нашей эры, о чем говорят и письменные источники.

Затем следует перерыв в 700 лет. Действительно, китайская активность в Маньчжурии в это время падает, однако не прекращается совсем, на что как будто указывает полное отсутствие монет, относящихся к этому периоду. Однако побережье Бохайского моря, п-ов Ляодун оставались в руках китайцев и считались китайскими владениями еще при Хань, в то время как другие области Маньчжурии являлись только данниками Китая, причем часто дань была лишь номинальной. Отсутствие монет этого периода на территории Маньчжурии и Приморья объясняется также и тем обстоятельством, что население этих районов еще находилось на стадии натурального обмена и в монете, как эквиваленте обмена, не нуждалось. Поэтому сфера обращения китайской монеты в Маньчжурии еще долго ограничена была рамками пришлого китайского элемента. В связи с этим интересно вспомнить, что в соседней Корее возникновение собственной денежной системы относится только к концу X в. Однако еще в 1651 г. специальный указ предписывал населению употреблять монету и запрещал использовать сукно как эквивалент обмена.⁴ Естественно, что в Маньчжурии и Приморье, где местная монета появилась довольно поздно, распространение монеты сталкивалось с рядом трудностей. Одной из таких трудностей, сильно сокращавшей количество обращающейся монеты, был широко распространенный обычай переплавлять медную монету в предметы обихода, оружие и т. п.

¹ T. de Lacouperie. Catalogue of Chinese Coins from the VII Cent. B. C. to A. D. 621, London, 1892.

² St. Lockhart. The Stewart Lockhart Collection of Chinese Copper Coins. Shanghai, 1915.

³ Оригинал изображен на рис. 3 в статье В. А. Кормазова „Кочевая Барга“ (Вестник Маньчжурии, Харбин, 1928, № 9). Полной аналогией ему является монета, изображенная на рис. 315 в каталоге Лакупери (см. № 11).

⁴ C. Osgood. The Koreans and their Culture. New York, 1952, p. 238.

Новая серия монетных находок в Маньчжурии и Приморье датируется VII—VIII вв. и по времени совпадает с установлением в Китае династии Тан, а в Приморье и Восточной Маньчжурии — независимого государства Бохай (713—926 гг.). Танский Китай впервые после многовекового промежутка времени резко активизировал свою „восточную“ политику. Первая половина VII в. проходит в ожесточенных войнах, которые вел Китай с корейскими государствами Когурё и Пякче, а после разгрома этих государств — с Силла. К участию в этой войне Китай привлек и независимые племена Маньчжурии и Приморья. После образования Бохая Китай поддерживал с ним постоянные торговые и дипломатические связи. Подавляющее число монет этой серии имеет легенду: КАЙЮАНЬ ТУНБАО (開元通寶). Эти монеты начали отливаться в Китае в 621 г. и неоднократно выпускались вплоть до IX в. Монеты поздних выпусков, помимо некоторых особенностей в начертании иероглифов, имеют дополнительные значки и иероглифы на оборотной стороне. Среди наших монет почти нет монет поздних выпусков; сомнения вызывают лишь монеты Железнякова. Их отсутствие указывает на начавшийся упадок денежного обращения. Монеты этой серии пока остаются древнейшими нумизматическими памятниками нашего Приморья.

К IX в. относятся всего две монеты, к первой половине X в. — одна. За это время в Китае и Маньчжурии произошло много важных событий. В 907 г. пала Танская династия, Китай распался на ряд самостоятельных государств. Наступил так называемый „период пяти династий“ (907—959 гг.). В 916 г. в Маньчжурии образовалось киданское государство Ляо, в 926 г. кидане разгромили Бохай, а в 928—947 гг. завоевали северный Китай. В 960 г. Китай был объединен под властью новой династии Сун. Во время своих походов в Китай кидане захватили большие трофеи, но монета либо не попала в эти трофеи, либо была вскоре переплавлена. Китаец Ху Цяо, проживший у киданей 7 лет и вернувшийся в Китай в 953 г., сообщает, что в киданском городе Шанцзине „производилась уже тогда живая меновая торговля (денег, однако, не было) и... было много китайцев“, ¹ кругом которых, возможно, и ограничивала свое обращение немногочисленная китайская медная монета.

Но уже в следующем столетии денежное обращение в Маньчжурии резко возросло, о чем свидетельствует увеличение числа найденных монет. Из 894 монет, фигурирующих в таблице, 573, т. е. почти $\frac{2}{3}$ всех монет, относятся к XI в., причем среди них нет ни одной монеты местного производства. В течение первой четверти XII в. уровень монетного обращения не снижается, но затем число монетных находок снова резко падает: на три последние четверти XII в. у нас приходится всего 13 монет, однако 8 из них отлиты местной династией Цзинь. Наличие такого большого числа монет, датируемых XI в. и первой четвертью XII в., т. е. временем господ-

¹ Циданьгочжи, ч. XXV; цит. по: В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII в., с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджнях и Монголо-Татарах. Тр. ВОРАО, ч. IV, СПб., 1859, стр. 37.

ства киданей, и резкое уменьшение числа монет с более поздними датами выпуска, соответствующими уже времени существования чжурчженского государства Цзинь, — все это факты, заслуживающие специального рассматривания, и здесь они могут быть объяснены лишь частично.

Из письменных источников мы знаем, что с 1004 г. Китай выплачивал киданям ежегодную дань в размере 100 тыс. лан серебра и 200 тыс. кусков материи, а впоследствии эта дань была увеличена еще на 100 тыс. лан серебра,¹ и что с этого периода и до падения династии Ляо отношения между Китаем и киданями были сравнительно мирными. Вероятно и выплата крупной дани и оживленная как никогда торговля между двумя странами осуществлялись не без участия медной монеты, которая, вероятно, ходила и внутри Маньчжурии. Но тогда непонятно резкое уменьшение числа монет выпуска XII и первой половины XIII в., когда Китай не только продолжал выплачивать чжурчженям ту же дань, которую он ранее платил киданям, но и платил огромные контрибуции. Если верить китайским летописям, то в 1125 г. чжурчжени обложили китайцев контрибуцией в 5 млн лан золота, 50 млн лан серебра и 1 млн кусков шелка,² а в 1142 г. наложили дополнительную контрибуцию в 10 млн слитков золота, 20 млн слитков серебра, 10 млн кусков материи.³ Любопытно, что всюду речь идет о слитках золота, серебра и о кусках материи, но нигде не упоминается монета как таковая. Однако при выплате дани или контрибуции медная монета, возможно, могла в какой-то пропорции заменять серебро, золото и ткани. А между тем история династии Цзинь рисует нам яркую картину кризиса довольно развитого денежного обращения государства Цзинь: "... сначала довольствовались киданьской и сунской старой монетой, и даже монета, отлитая Лю-юем, была еще в ходу.⁴ При Хайлин-ване в первый раз начали отливать монету и потому запретили в народе употребление меди... что же касается до отливаемой монеты, то сначала, опасаясь как бы монеты не накопилось много в казне, постановили за правило, чтобы она переходила в народ, потом, боясь, что народ припрятывает деньги, назначили срок, в который можно держать при себе монету... Между тем в народе стали лить частную монету, отчего вышло большое отягощение, так как казна стала менять 1000 монет на 500; потом она начала отливать большую монету ниже внутренней ценности... выпустили еще железную монету... стали выпускать ассигнации; от этого цены на предметы весьма поднялись; место ассигнаций заступило серебро; но и серебро произвело злоупотребление, а за недостатком других источников уничтожили совсем медную монету и ввели в употребление одни ассигнации и серебро".⁵

¹ Циданьгочжи, ч. XXV, стр. 22.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 69.

⁴ Лю Юй (У-ди) — основатель династии Сун, существовавшей в эпоху „северных и южных династий“ (V в. н. э.) на юге Китая. Правил с 420 по 423 г.

⁵ Циданьгочжи, ч. XXV, стр. 123—124.

Приведенная цитата показывает, что чжурчжени имели весьма развитое денежное хозяйство (медная, железная, серебряная монеты и ассигнации). Серебряная монета и ассигнации этого периода в Маньчжурии не найдены. Отмечается выпуск медной монеты при Хай-лин-ване. Из-за недостатка меди правительство вынуждено было то запрещать употребление меди, то изымать из обращения медную монету и заменять ее ассигнациями, когда первая мера оказалась безуспешной. Очень интересно указание на выпуск правительством неполноценной монеты и большого числа ассигнаций, вызвавший повышение цен. В связи с этим правительство вынуждено было принудительно вводить в обращение различные виды денежных знаков: медную монету, ассигнации. Денежное обращение, видимо, было очень неустойчивым. Монеты оседали то у населения, то в казне, часто монеты вообще выходили из обращения. Отливка частной монеты, видимо производившаяся крупной знатью, еще более ухудшала положение. Правительству приходилось осуществлять „девальвацию“, обмен монет, бывших в обращении, на новые государственные по определенному курсу. Особую важность для нас приобретают указания на изъятие из обращения медной монеты и на использование киданьской и раннесунской монеты. Помимо косвенного подтверждения существования киданьской монеты, это в какой-то мере объясняет наличие очень небольшого числа монет, выпущенных в XII в. До середины XII в. (начало правления Хай-лин-вана) в обращении, видимо, были в основном монеты старых выпусков. Затем стали отливать свою монету, но, как видно из приведенной цитаты, это были крайне недолговечные и, возможно, немногочисленные монеты. Конечно, некоторое количество китайской монеты выпусков XII—XIII вв. тоже должно было участвовать в обращении. Мы можем считать, что часть монет, выпущенных в XI в., использовалась еще в XII, а, возможно, и в XIII в. Это в какой-то мере заполняет разрыв, однако редкость китайской монеты XII—XIII вв. на археологических памятниках Маньчжурии и Приморья все еще нуждается в объяснении.

Все вышесказанное имеет немаловажное значение для датировки археологических памятников и для определения их принадлежности. Если обратить внимание на места обнаружения монет X—XII вв., то выяснится следующее интересное обстоятельство: подавляющее большинство этих монет найдено на памятниках, издавна считавшихся чжурчженскими (Бэйчэн, Ворошилов). Но, поскольку нумизматический материал в основном подъемный, то в нем встречаются и очень поздние монеты (таблица). Основная же масса монет по годам выпуска относится к XI в. Это обстоятельство, во-первых, как будто указывает на время существования памятников — XI в., а, во-вторых, позволяет связывать их с киданями или же с чжурчженями периода, предшествующего образованию государства Цзинь. Но наличие киданьских крепостей в южном Приморье не согласуется с данными китайских летописей, указывающих на то, что кидане жили значительно юго-западнее. К тому же кидане, судя по Циданьгочжи, были полукошевым народом: „...они жили летом в городах, а зимой перекочевывали с места на место (очевидно,

это наоборот — Васильев)¹, и только в начале X в. „Абаоцзи начал посредством китайцев распахивать землю, построил города“.² Чжурчжени же были более оседлым народом, и именно при них широко распространилось строительство крепостей (чэн) в Маньчжурии и в Приморье. Поэтому при датировке этих памятников и при определении их этнической принадлежности не только невозможно основываться на наличии наиболее поздних по времени и наиболее многочисленных (китайских) монет, но и нельзя автоматически датировать памятники этого рода временем выпуска ведущей группы монет.

В конце XIII в. монголы напали на государство Цзинь, разгромили его и нанесли такой огромный ущерб хозяйству и культуре Маньчжурии и Приморья, что целые области были надолго заброшены и не смогли до конца оправиться. Памятники периода монгольского владычества в Маньчжурии не изучены, но монеты династии Юань обнаружены, например, на развалинах города Тагэнхото.³

При изучении нумизматических памятников древних Маньчжурии и Приморья необходимо иметь в виду, что китайская монета в Маньчжурии и в Приморье, будучи наполовину товаром, удовлетворяющим потребность населения в металле, в процессе своего распространения имела ряд особенностей. Как мы уже видели, она вполне могла попасть сюда через какой-то, иногда весьма значительный период после ее выпуска. Китайцы иногда специально сбывали в Маньчжурию монету, которая в самом Китае уже вышла из употребления. В самой Маньчжурии и Приморье эта монета могла существовать очень долго после ее выпуска. Последнее положение очень хорошо иллюстрируется сборами Ивановского. Ивановский просматривал связки чохов, содержащих по 490 монет, в 1890 г., когда официально допускались к обращению монеты выпуска династии Сун (X—XIII вв.) и позднее. Сначала он выбирал все старые монеты, а потом только недублетные. Так, в Айгуне он из пяти связок извлек 45 старых монет, а в Эрлчжане из двух связок — 22 штуки. Всего он собрал 263 монеты, из которых древнейшие восходят к началу VIII в. Любопытно, что и у него раннесунские монеты являются наиболее многочисленными (144 штуки). В его коллекции есть 51 японская монета КАНЪЭЙ ЦУ:ХО: и 30 аннамских монет (последние в большинстве своем середины XVIII и первой четверти XIX в., но есть 2 монеты начала XV и начала XVI вв.).⁴ Возможность попадания более поздней иностранной монеты в недавнее время на относительно ранние памятники следует учитывать наравне с возможностью проникновения местной или китайской, но относительно поздней монеты.

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть следующее. Монетные находки на городищах Маньчжурии и Приморья, однообразные по

¹ Циданьгочжи, ч. XXV, стр. 29.

² Там же, стр. 138.

³ Б. А. П. Следы города Тагэнхото. Вестн. Азии, Харбин, № 3, 1910, стр. 204.

⁴ А. О. Ивановский, ук. соч., стр. 306. Аннамские монеты определены нами по работе Локруа: D. Lacroix. Numismatique Annamite. Saigon, 1900.

материалу (медь, изредка железо), разнообразны по национальной принадлежности (китайские, японские, корейские, чжурчженские, русские и, у нас не представленные, киданские монеты). Однако для древнего периода денежного обращения этих районов характерны китайские, чжурчженские и киданские монеты. Находки монет местных государств Ляо и Цзинь имеют значение, далеко выходящее за рамки нумизматики. Наиболее ранние китайские монеты на территории северной Маньчжурии датируются III—I вв. до н. э. и совпадают с первым продвижением ханского Китая на восток. Новая серия монет уже довольно велика и характерна как для Маньчжурии, так и для Приморья. Монетные находки этого времени (VII—VIII вв.) связаны с походами Китая династии Тан в Корею и в Маньчжурию и с усилением здесь китайского влияния, а также с образованием нового культурного и политического центра Восточной Азии — государства Бохай (713—926), с которым Китай находился в тесной связи. Новый перерыв в монетных находках (IX—первая половина X в.) падает на время усиления киданей, падения Бохая и распада Китая на 5 самостоятельных государств. С периодом усиления киданьского государства Ляо (916—1124 гг.) связано резкое увеличение монетных находок, несомненно отражающих развитие денежной системы киданей. С этого времени можно считать, что монеты становятся важнейшей составной частью экономики Маньчжурии. При следующей, чжурчженской династии Цзинь (1115—1264 гг.), несмотря на рост местного производства монеты, начинается кризис денежной системы, возможно повлекший за собой частичный возврат к меновой торговле и упадку монетного производства и, как следствие, к уменьшению обращающихся монет. Неустойчивость денежной системы Ляо и Цзинь, видимо, объясняется слабостью экономической базы этих государств и зависимостью ее от дани и контрибуций, взимаемых с Китая. Монгольское нашествие прервало местное изготовление монеты и нарушило весь ход жизни страны.

Китайская монета в Маньчжурии долгое время имела весьма узкий круг обращения, являясь товаром для значительной части населения. Позднее, при Ляо и Цзинь, она являлась частью денежных систем этих государств. Все это придает денежному обращению Маньчжурии и Приморья особые черты. Одной из таких черт является использование китайской и местной монеты в течение долгого времени после ее выпуска (чжурчжени используют киданскую и китайскую монету конца X—XI вв.).¹ Это обстоятельство имеет большое значение при датировке археологических памятников на основе нумизматических находок.

¹ Гребенщиков (ук. соч., стр. 25—26) полагал, что китайская монета в Приморье вряд ли могла ходить более 20—30 лет после ее изготовления в Китае.

РЕЦЕНЗИИ

G. Ryckmans. Sur la trace de Saba en Arabie saoudite. BO, № 5—6, 1952, стр. 224—225.

Аравия является наименее исследованной из всех стран древнего Ближнего Востока. Раскопки в ней стали производиться только в самые последние годы. До недавнего времени существовали громадные территории, на которые вообще не ступала нога исследователя.

В настоящее время сделан новый крупный шаг в археологическом исследовании Аравии. Известный бельгийский сабеист профессор Рикманс опубликовал краткое сообщение о путешествии по Саудовской Аравии, совершенном им в конце 1951—начале 1952 г. Экспедиция разведала громадную территорию, в значительной части не посещавшуюся исследователями (протяженность маршрута — 5400 км), и собрала богатейшие эпиграфические и исторические материалы. Найденные памятники охватывают период от каменного века до феодализма.

Обследовано большое количество наскальных изображений первобытного человека в различных местностях Аравии; обнаружено доисторическое поселение в пустыне Руб' ал-Хали, примерно в 200 км к югу от древнего Неджрана, в местности, где имеются также и следы сабейских поселений.

Вдоль хребта 'Алм ('Alm) в южном Хиджазе найдено до 9000 самудских граффити. Это число становится еще более грандиозным, если учесть, что до сих пор было известно лишь около 3000 самудских надписей, происходящих из северного Хиджаза.

Следует отметить, что надписи, найденные Рикмансом, расположены не только вдоль караванных путей или около источников, но и в таких местах, где люди могли появ-

ляться только перекочевывая вслед за своими стадами. Таким образом, вся самудская проблема предстает перед нами в совершенно ином свете. Следует, очевидно, пересмотреть даже вопрос о месте обитания этого народа и о широте распространения самудской культуры. Рикманс отмечает, что по мере продвижения на юг самудские надписи становятся палеографически все ближе и ближе к южноарабским.

Не менее интересны и находки южноарабских эпиграфических памятников. Собрано большое количество граффити в различных местах полуострова, в основном у хребта Қарā (Qarā), неподалеку от г. Хима. Обнаружено также значительное число крупных сабейских надписей, дающих интересные данные по истории доисламской Аравии. Наиболее интересны две надписи. Одна из них найдена у хребта Қаһра (Qahra), неподалеку от источника ал-Мурайган (al-Mureighān). Это — крупная надпись химьяритского царя 'Абрахи, известного по знаменитой надписи на марибской плотине,¹ организатора похода на Мекку („поход слона“ в североарабской традиции). Надпись датирована 547 г. н. э. и является наиболее поздней из известных нам южноарабских надписей; она посвящена описанию похода, предпринятого 'Абрахой против племен центральной Аравии. Весьма возможно, что речь идет именно о походе на Мекку, тем более, что современные ученые датируют его 40-ми годами VI в.²

¹ См.: А. Г. Лундин. Южноарабская историческая надпись VI в. н. э. из Мариба. ЭВ, 1954, IX, стр. 3—23.

² См. Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 329—330.

Издание надписи, несомненно, даст нам ценные сведения о жизни арабских племен Хиджаза в VI в. и об их отношениях с южной Аравией.

Вторая надпись была найдена на скале Каукаб (Kaukab) на склонах массива Қарā, недалеко от развалин Неджрана. Она датирована 518 г. н. э. и принадлежит сабейскому царю-иудаисту, осаждавшему Неджран; Рикманс идентифицирует этого царя с Зў-Нувāсом. Эта надпись интересна тем, что ее можно будет использовать для критики арабской и сирийской исторических традиций, дающих много различных сведений о Зў-Нувāсе и о гонениях христиан Неджрана. Следует отметить также, что до сих пор не известны южноарабские надписи, упоминающие Зў-Нувāса (за одним возможным исключением).¹ Общее число сабейских надписей, собранных во время экспедиции, достигает 3000, в то время как до сих пор было известно всего лишь около 4000.

О найденных мусульманских надписях Рикманс упоминает мельком, не называя даже общего числа их. Он говорит только, что количество их довольно значительно, причем большинство надписей — куфические. Это позволяет надеяться, что и арабская эпиграфика получит интересный и ценный материал.

Путешествие Рикманса дало много археологических находок. Привезено большое количество подъемного материала (в основном керамики). Снят подробный план развалин древнего Неджрана и план сабейского города Қарийā (Qariya), расположенного на границе Руб' ал-Хали. Сделано свыше 3000 фотоснимков, из них около 800 цветных.

Экспедиция Рикманса является несомненно, крупным шагом вперед в деле развития сабейстики, в изучении доисламской, а отчасти и мусульманской Аравии. Впервые исследованный южный Хиджаз имеет, как кажется, особенно важное значение благодаря тому, что он заполняет существовавший разрыв между южной и северной Аравией. Об этом говорит сходство между самўдскими и южноарабскими надписями, все возрастающее по мере движения на юг

и сразу же бросившееся в глаза исследователям. Сабейские надписи, найденные на границе южноарабских оседлых областей и центральной Аравии или даже вне этой границы, могут дать интересные материалы о связях земледельцев Йемена и бедуинов Хиджаза. Позднесабейские и, возможно, раннемусульманские надписи помогут заполнить провал между до- и послееисламской Аравией.

Нам остается только с нетерпением ждать опубликования материалов экспедиции.

А. Г. Лундин

Report on the Excavations at Jerabulus on behalf of the British Museum. Part III. The Excavations in the inner Town by Sir Leonard Woolley and the Hittite Inscriptions by R. D. Barnett. London, 1952.

В 1952 г. вышел из печати третий том отчета о раскопках в Джерабулусе — Кархемише. Раскопки были начаты в 1911—1914 гг., возобновились после перерыва на короткий срок в 1919 г., прекратились в 1920 г. В 1914 г. было обнаружено более 2000 лапидарных текстов, но вместе с прочими материалами они погибли во время империалистической войны; то же случилось и в 1921 г. В настоящем томе собрано все, что было добыто относительно хеттского Кархемиша (предисловие, страницы без нумерации).

Максимальный интерес для нас представляет глава XVI, посвященная иероглифическим и клинописным надписям (стр. 259—268). Автор подчеркивает важность хеттских текстов из Кархемиша, которые не только по содержанию, но и по количеству превосходят находки из других пунктов (стр. 259).

Иероглифические надписи разделены на древнейшие, датируемые около 1000 г. до н. э. (стр. 259—265), надписи царских домов Лухас, Асадарувас, Арарас. Хронология доведена до 716 г., с учетом в особенности данных ассирийских анналов и стилистических признаков. Составлен хронологический список царей Кархемиша с предполагаемой датировкой (стр. 265—266). Глава заканчивается общими соображениями, руководившими при составлении каталога

¹ Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 303—304.

надписей (стр. 266—268); в каталоге указаны места хранения. Таблицы, посвященные издаваемым надписям, имеют особую нумерацию от АА до АС, затем А. 19—А. 33; часть надписей воспроизведена по пропискам.

Число клинописных текстов не велико: представлены части 5 клинописных текстов (стр. 265). Найден один кирпич, вторично употребленный, с надписью: „Дворец Саргона, царя государства, царя Ассирии“; подобные кирпичи найдены также в подвешном материале. В перечне таблиц стр. 272—279 посвящены иероглифическим текстам, стр. 279—280 — описанию клинописи, стр. 280 — финикийскому и сирийскому письму. Особенно любопытна очень четкая финикийская надпись с родословной женщины коричневым на бледно-голубом изразце, датированном V в. до н. э. В мусорной яме найдена ваза, на горле которой врезана арабская надпись сирийским письмом (строки идут вертикально), с пожеланием мира и указанием емкости. К XVI в. отнесен крошечный обломок с остатком врезанной арабской надписи.

Общий указатель к томам I—III (тома I—II нам недоступны) дает возможность найти в тексте находки, содержащие арамейские надписи, которые в гл. XVI опущены, в том числе цилиндр рис. 76, стр. 183.

В. Крачковская

Tārīkh-i Shaykh Uwais. (History of Shaykh Uwais an important Source for the history of Adharbayjan in the fourteenth century). By J. B. Van Loon, Ph. D., Mouton et Co, 1954. Printed in Holland, by „Drukkerij Excelsior“, the Hague — تاریخ شیخ اویس تالیف ابو بکر القطبی الاهری بامقدمه وترجمه وحواشی بانگلیسی بسعی و اهتمام ین فن لون لاهه ۱۳۷۳ هجری.

Историческое сочинение на персидском языке под заглавием „Тарих-и шейх Увейс“ („История Шейх Увейса“) дошло до нас в единственной рукописи, хранящейся в библиотеке Лейденского университета,¹ кото-

рому она была завешана в составе коллекции восточных рукописей Левинуса Варнера („Legatum Warnerianum“) в 1665 г. Рукопись была описана де Гук.¹ „История Шейх Увейса“ лишь в незначительной мере использовалась исследователями. Несколько мелких отрывков из этого источника было включено В. Г. Тизенгаузеном в его публикацию материалов по истории Золотой Орды.² Для советских востоковедов „История Шейх Увейса“ до последнего времени была практически недоступна.

В 1954 г. в Гааге вышла в свет публикация основной части „Истории Шейх Увейса“, подготовленная голландским востоковедом Я. Б. ван Лоон (J. B. van Loon). Публикация содержит: предисловие издателя (стр. 1—5), исторический экскурс о династии Джелаиридов (стр. 5—18), описание рукописи (стр. 18—21), краткое изложение начальной части рукописи — лл. 1—132 (стр. 22—35), английский перевод основной части рукописи — лл. 134—184 (стр. 36—83), указатели (стр. 84—98, в их числе указатель тюркских и монгольских слов и терминов),³ наконец факсимиле персидского текста — лл. 134—184 (основной части) рукописи (стр. 101 и сл.). К публикации приложены генеалогическая таблица династии Джелаиридов и карта Азербайджана, северо-западного Ирана и сопредельных стран.⁴ Таким образом, „История Шейх Увейса“ — в той части, которая сохранилась — стала доступна советским исследователям.

Автор „Истории Шейх Увейса“ называет свое имя:⁵ Абу Бекр ал-Кутуби ал-

¹ Catalogus codicum Orientalium Bibliothecae Academiae Lugduno-Batavae, auctore M. J. de Goeje, v. V, p. 228, L. B., 1873.

² Сборник материалов по истории Золотой Орды, т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. А. Воиным, М.—Л., 1941, стр. 99—103 (русс. перевод), 228—231 (перс. текст).

³ Все на английском яз.

⁴ Издатель специально отмечает консультацию и помощь в подготовке публикации проф. В. Ф. Минорского (Кембридж).

⁵ Л. 6 рукописи.

¹ № 2634, Warn., 341.

Ахри;¹ возможно, правильнее было бы чтение ал-Ахарй, — в таком случае эта нисба указывает на происхождение автора из города Ахара² в южном (иранском) Азербайджане. Это кажется правдоподобным, поскольку данной области, вместе с Ираком Персидским, автор уделяет главное место в своем труде. О личности и жизни автора не сохранилось никаких известий ни в его собственном труде, ни в других источниках. Сочинение ал-Кутби ал-Ахарй, как сказано, посвящено известному политическому деятелю XIV в. Шейх Увейсу, главе монгольского кочевого племени джелаир и второму султану (1356—1374 гг.) джелаирского государства (1340—1410 гг.), присоединившему сперва Ирак Арабский, а затем также северо-западный Иран, Азербайджан и Армению.

Сочинение построено по плану трудов типа „всеобщей истории“: первая часть, согласно принятому в арабской и персидской средневековой историографии трафарету, начинается с Адама и включает историю династий доисламского Ирана — от Пишдадианов до Сасанидов включительно; во второй части изложена история исламских династий: „правоверных“ халифов, 'Омейядов (Суфийанидов и Мерванидов), 'Аббасидов, а также Газневидов и Сельджукидов. Третья часть, которая и является основной, содержит историю монгольских государей Ирана (ильханов Хулагуидов), распада их государства и основания государства Джелаиридов.

Первые две части отличаются крайней сжатостью и схематизмом изложения. Обе эти части представляют целиком компиляцию, основанную на многих источниках, среди которых автор называет труд ат-Табари (скорее всего, он пользовался персидской версией ат-Табари, обработанной Бал'ами), Шах-нам,³ „Таварих-и Санджари“, „Джа-

майс-нам“. „Хафт лайкар“ Низами Ганджави. Если автор и использовал не дошедшие до нас первоисточники и привел кое-какие не известные доселе исторические детали, то все же, при предельной краткости изложения, ценность обеих первых частей труда незначительна, почему издатель и счел возможным ограничиться сжатым пересказом содержания этих двух частей (лл. 1—132 рукописи). Значение оригинального источника имеет лишь третья часть рукописи (лл. 134—184 рукописи), которая и опубликована издателем (персидский текст и английский перевод).

Лейденская рукопись дефектна. В тексте есть пропуски.¹ Отсутствует история образования государства Хулагуидов (правление Хулагу-хана, 1256—1265 гг.) и наибольшая часть истории правления султана Шейх Увейса Джелаирида, что не отмечено в описании де Гусе. От наиболее важной третьей части труда, таким образом, сохранилось только изложение событий в северо-западном Иране, Азербайджане и сопредельных областях между 663 / 1264—1265 и 760 / 1358—1359 гг. Рукопись обрывается на рассказе о начале правления Шейх Увейса.² По предположению издателя, из третьей части, в начале и в конце ее, утрачено по 40—50 листов, так что всего оригинал „Истории Шейх Увейса“ должен был содержать 290—300 листов. При этом описание правления султана Шейх Увейса, т. е. та часть сочинения, которая обещала быть наиболее интересной для исследователей, как раз оказалась утраченной.

Время составления сочинения не может быть установлено, ибо конца сочинения, где могла бы находиться дата написания, не сохранилось. Лейденская рукопись, по заключению издателя, не является автографом. Об этом можно судить по тому, что географические названия, относящиеся к странам Закавказья, искажены,³ что следует отнести

¹ Такое чтение принимает издатель.

² Описание вилайета Пишкян с г. Ахаром в XIV в. см. у Хамдаллаха Мустауф-и Қазвини, Нузахат ал-кулуб, изд. Gibb memorial, New series, т. XIV/1, перс. текст, стр. 82—83.

³ Но автор, повидимому, цитировал не прямо текст Фирдауси, а брал цитаты из третьих рук, так как цитаты не отличаются точностью.

¹ Лл. 61—62, 85—86, 95—96, 99—100. Издатель предполагает, что здесь пропуски незначительны.

² Лл. 182—184 рукописи.

³ См., например, л. 150: کویچه دکتر — вместо правильного دکنجیز کویچه — Гёкчаденгиз (азерб.) — озеро Гокча (Севан).

на счет переписчика, а не автора, по всей видимости, происходившего из Азербайджана.

В третьей части труда, при изложении событий 1265—1304 гг. и. в., автор несомненно пользовался трудами Джувейни (непосредственно или при посредстве труда Рашид ад-дина) и — весьма обильно — Рашид ад-дина. Можно допустить также, что ему известен был труд Ваассафа. В своем изложении наш автор в сильной степени зависит от своих первоисточников. Однако он приводит и ряд интересных деталей событий и подробностей, которых нет в названных источниках. Интересна краткая, но выразительная характеристика правления Газан-хана, указывающая на то, что он несколько обуздал произвол монгольской кочевой знати: „Когда весь Иран украсился справедливостью падишаха ислама, он отвел руку притеснителя от притесняемого“.¹ Сообщается, что Рашид ад-дин происходил „из знатных людей Хамадана“,² что его сотоварищ по везирату, известный Талж ад-дин 'Алишāх Табризи первоначально был торговым агентом двора, закупавшим для ханских жен и эмиров ткани.³ Любопытно сообщение, что во время несовершенности ильхана Абū Са'йда Бахадур-хана временщик Димишк-ходжа, сын всеильного эмира эмиров Чубана, главы племени сулдуз, превратил Азербайджан (южный) и оба Ирака в свое личное владение (хāсс) и до такой степени не считался с Абū Са'йдом, что у последнего оставался только титул государя; когда однажды няибы Димишк-ходжа доложили ему, что Абū Са'иду не хватает столовых сумм, он ответил: „Хватит с него (Абū Са'йда) на каждый день по две курицы“.⁴ Такого рода деталей из придворной

жизни и быта эмиров в „Истории Шейх Увейса“ приведено немало, так же как и подробностей событий военной и политической истории.

Весьма подробно освещается борьба между чобанидской и джелаирдской группировками эмиров (монголо-тюркских кочевых феодалов) за власть в северо-западном Иране и Азербайджане. Конечно, наш автор всецело держит сторону Джелаирдов и деятельность Чобанидов (эмиров Хасана Малого и его брата Малик Ашрафа) рисует в самом черном свете. Изображение Ашрафа, как одного из самых отвратительных тиранов средневековья, ведет начало, повидимому, от нашего автора. Он, разумеется, пристрастен, однако в его изображении есть значительная доля исторической правды. Действительно, во внутренней политике Чобанидов и Джелаирдов заметно резкое расхождение: первые опирались исключительно на монголо-тюркскую кочевую знать, захватывали земли оседлых иранских феодалов, а для крестьян установили режим неограниченного произвола. Джелаирды же пытались возродить политическую линию Газан-хана, сблизившись с оседлой знатью и установив, с целью возрождения прошедшего в упадок сельского хозяйства, строго фиксированные размеры ренты-налога. Эта политическая линия Джелаирдов подтверждается и сборником официальных документов „Дастур ал-катиб“, составленным при султানে Шейх Увейсе.¹

Это различие в политической линии обеих группировок феодалной знати передано в следующем рассказе нашего автора: у ворот Багдада эмиры джелаирдского войска упрекали эмиров чобанидского ополчения, говоря: „Вы, тираны (залиман), мы оставили вам Азербайджан подобным раю, мы сделали разоренный Багдад процветаю-

¹ Л. 146: چون تمامت ایران بعدل پادشاه اسلام زینتی کوفت دست ظالم از مظلوم کوتاه کرد.

² Там же: از بزرگان همدان بود.

³ Там же: در اول کار دلایل بود که بجهت امراء و خواتین

⁴ Л. 152: دمشق خواجی از دایجان وعراقین خاص خود کرده بود و ابو سعید را نامی بود از پادشاهی تابجری که نواب امیر دمشق خواجه عوض کردند که ایه

سعید رواجه شیلان نیست گفت هرروز اورادو مرغ کافیست.

¹ Рукопись Института востоковедения АН СССР, без номера, копия венской рукописи F=185, составленная В. Г. Тизенгаузеном: см. лл. 366—37а, 476—486, 51а—516, 57а—576, 616 и др. (пагинация венской рукописи).

щим";¹ чобанидские эмиры отвечали: „Мы были в Руме и творили там разорение,² вы сделали Азербайджан процветающим, мы вас выгнали, а ту страну разорили, теперь мы пришли сюда, вас выгоним, и эту округу (Багдад) также разорим“.³

¹ Лейденск. цит. рук., л. 173:
آذربایجان چون بیست آباد بشماکز
اشته واینجا آمدیم این بغداد خرابرا
آبادان کرده ایم.

² Там же: در روم بودیم وخرابی می
کردیم...

³ Там же.

„История Шейх Увейса“ несомненно послужила первоисточником для Хәфиз-и Абрӯ, который использовал ее в своем продолжении „Джами ат-таварих“ Рашид ад-дина, а через Хәфиз-и Абрӯ — источником и для позднейших историков XV в. — Абд ар-раззәка Самарқанди и Мирхонда. Таким образом, значение третьей части „Истории Шейх Увейса“ как первоисточника достаточно велико.

Язык и стиль нашего автора прост, сух и лаконичен. Публикация подготовлена тщательно.

И. Петрушевский

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Условность термина „сасанидский“, широко применявшегося в искусствоведении, подчеркивается и обсуждается К. В. Тревер в статье „К вопросу о так называемых сасанидских памятниках“ (СА, т. XVI, М.—Л., 1952, стр. 283 и сл.). Критерием служат не только стилистические особенности, но и письмена, как то: отмеченные С. П. Толстовым (Древний Хорезм. М., 1948, стр. 187—195) надписи хорезмийским письмом на предметах из Хорезма, согдийская надпись на серебряном блюде, хранящемся в Государственном Эрмитаже (стр. 284). Упоминаются и не прочитанные еще надписи на серебряном кувшинчике, надписи арамейским письмом на блюдах из Красной поляны и из Армази (стр. 285).

В. Кр.

Два согдийских рукописных документа на коже с горы Муг в „Таджикистане“ (ВДИ, М., 1952, № 1, стр. 182—186, рис. 1—2) издал чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман. Автор дополняет палеографическое описание документов 24 А 2 и 25 А 3, описанных предварительно в „Согдийском сборнике“ в 1934 г., дает транслитерацию, перевод и историко-филологический комментарий, предназначенный для специалистов в области иранского языкознания и диалектологии.

В. Кр.

В журнале „Archeologia“, издаваемом в Варшаве—Вроцлаве [т. III (1949), 1952; стр. 224—229], появилась статья Т. Левницкого „Из истории арабской монеты в Восточ-

ной Европе“. Автор доказывает, что русское наименование „деньга“ происходит от арабского слова „даник“ (دانق); даник равен $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{4}$ дирхема. Следует добавить, что известны экземпляры, равные $\frac{1}{2}$ дирхема, и что на происхождение этого слова обратил внимание еще в бытность в Казани Х. Д. Френ (см.: Christian Martin F r a e h n. De origine vocabuli Rossici деньги. Casani, F. Brockelmann, 1815).

В. Кр.

При раскопках городища Шахсенем в 1952 г. найдены развалины большой мечети с остатком арабской надписи на михрабе (С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. ВДИ, М., 1953, № 2, стр. 162—163, рис. 6—7). В других местах среди предметов оказался бронзовый котелок с арабскими надписями почерками куфи и насхи в двух поясах, отнесенными к XII—XIII вв. (рис. 8). На каменной стене караван-сарая Тадайхан ата обнаружены врезанные надписи с арабскими и тюркскими именами и датами; на рис. 11 отчетливо читается: سعيد بن يوسف 'Са'йд ибн Йусуф'. Письмо строго куфическое, без пунктуации; есть остатки других букв и знаков.

На рис. 22, 4 неправильно воспроизведена (перевернута) резная терракотовая плитка с типичной надписью плетеным куфи в одно слово الملك 'царство'.

В. Кр.

За последние годы литература по среднеазиатской нумизматике пополнилась

рядом работ, кроме тех, которые были напечатаны или упомянуты на страницах „Эпиграфики Востока“.

В. М. Массон в краткой статье „Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа“ (ВДИ, № 3. М., 1953, стр. 167—169, с таблицей) опубликовал два редких среднеазиатских подражания тетрадрахмам Евкратиды, отнесенные им к периоду после падения Греко-Бактрии, но до основания империи Кушанов.

Статья Е. А. Давидович „Нумизматическая коллекция Ленинабадского областного историко-краеведческого музея“ (Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, вып. II. Сталинабад, 1952, стр. 65—82, с 2 рисунками) посвящена двум группам медных монет, найденным в 1949 г. Одна группа представляет небольшой клад, содержащий 48 илековских монет, вторая состоит из отдельных находок — двух илековских монет и восьми, относимых автором к джагатаидскому чекану. Путем сопоставления экземпляров автор реконструирует типы плохо сохранившихся монет клада, среди которых оказалось несколько ранее неизвестных. По монетным данным устанавливаются также некоторые новые факты из истории Илеков конца XII и начала XIII в. и уточняется их генеалогия и хронология.

В статье „Из истории Хисара в XVI в.“ (Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, вып. II, Сталинабад, 1952, стр. 27—36) Е. А. Давидович на основании нумизматических и письменных материалов вскрывает наличие экономических и политических связей Хисара с Бухарой и Ташкентом в XVI в. Попутно освещаются взаимоотношения шейбанидских удельных провинций того времени и ряд исторических фактов.

А. Б.

Книга акад. И. Ю. Крачковского „Над арабскими рукописями“, изданная при жизни автора полностью трижды в СССР (см. ЭВ, V, 1951, стр. 3) и в переводе на немецкий язык (I. J. Kratchkovski. Über arabische Handschriften gebeugt. Erinnerungen an Bücher und Menschen. Aus dem Russischen von Dr. Oskar P. Trautmann. Leipzig, 1949), а также частично на русском (изд.

„Огонек“), французском и арабском языках, стала более доступна читателям в стране народной демократии. В 1952 г. в Варшаве издан перевод на польский язык Анианаша Зайончковского. Издание хорошо оформлено и иллюстрировано; частью использованы иллюстрации ко 2-му и 3-му советским изданиям, но подобраны и новые, подходящие к содержанию (Ignacy Krackowski. Nad arabskimi rękopisami. Kartki ze wspomnień o księgach i ludziach. Przelozony oraz wstepem i przypisami opatrzył Anianisz Zajaczkowski. Warszawa, 1952). В 1953 г. в Лейдене напечатан перевод Т. Минорской на английский язык с послесловием и примечаниями Вл. Ф. Минорского (Among arabic Manuscripts. Memories of Libraries and Men by I. J. Kratchkovsky, Fellow of the Academy of the USSR. Translated from the russian by Tatiana Minorsky. Leiden, 1953).

Профессор Филологического факультета Университета в Алжире М. Канар опубликовал в 1954 г. перевод на французский язык, с дополнением, библиографическими замечаниями, списком переводов, рецензий и пояснениями географических и собственных имен [Avec les manuscrits arabes (Souvenirs sur les livres et les hommes) par I. Kratchkovsky. Traduit du russe par M. Canard. (Publications de l'Institut d'Études orientales de la Faculté des lettres d'Alger, XIV), Alger, 1954]. Кроме того, готов к изданию полный перевод на арабский язык проф. Сами ад-Даххан в Дамаске, готовится перевод на чешский язык д-ром Хербек в Праге.

В. Кр.

Издательство Ленинградского университета выпустило монографию: Акад. И. Ю. Крачковский. Введение в эфиопскую филологию. Редакция и примечания проф. Д. А. Ольдерогге. Л., 1955, 215 стр., с 2 портретами и 2 рис. в тексте.

Для эпиграфистов, историков ближневосточной письменности, палеографов в монографии особенно важны в гл. V разделы: 1 — Рукописи (стр. 113—119), 2 — Издание памятников (стр. 119—124), 6 — Эфиопское письмо (стр. 145—155); в гл. III,

стр. 47 и сл. — об изучении эфиопского алфавита в Европе и ранних изданиях, не говоря о библиографических списках (766 номеров на стр. 177—209).

В. Кр.

Слишком популярно изложен обзор древних еврейских печатей А. Рейфенберга, без достаточного учета хронологических пределов (A. Reifenberg. *Ancient Hebrew Seals*. London, 1950).

В. Кр.

Монография проф. С. Смиса посвящена изданию клинописной надписи на статуе одного из царей северо-западной Сирии, Идри-ми, открытой в 1939 г. Первый вариант перевода был зачитан в Обществе антикваров в 1947 г. (St. Smith. *The Statue of Idri-mi*. London, 1949). Транскрипцию и перевод текста, против которых частично возражал проф. Олбрайт, нельзя считать окончательными. (Ср.: S. H. Hoole, *The Antiquaries Journal*, v. 31, Oxford, 1951, Fasc. 1—2, стр. 77—78).

В. Кр.

Источниками для статьи Г. Х. Саркисяна „Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии“ (ВДИ, М., 1952, № 1, стр. 68—83, особенно стр. 70, 77 и сл.) служат клинописные контракты и глиняные буллы, документы на папирусе или пергаменте. Выяснено сосуществование двух систем составления документов по печатям, которым соответствовало и различие языков: в клинописных контрактах применялся аккадский язык, официальные печати отсутствовали; эти документы составлялись для свободного населения „города“ Урука, тяготевшего к храмам; население непривилегированное, лишенное самоуправления, говорило по-арамейски, и документы этой группы писались по-гречески или по-арамейски.

В. Кр.

Памяти известного археолога и эпиграфиста-востоковеда Эрнста Херцфельда, скончавшегося в 1948 г., посвящен специальный том, очень разнообразный по содержанию (*Archaeologica Orientalia in memoriam Ernst Herzfeld*. George C. Miles, Editor. New York, 1952), с краткой биографией, составленной К. Р. Морей [C. R. Moore. *Ernst Herzfeld (1879—1948)*, стр. 1—4]. В статьях исследуются предметы восточного происхождения, надписи и тексты различных языковых групп, удачно соответствуя широте кругозора и языковедческих знаний Э. Херцфельда. Том несомненно заинтересует эпиграфистов и палеографов, искусствоведов и лингвистов, арабистов, иранистов, семитологов, грузиноведов. Ближайшее касательство к материалам в СССР имеют: статья Р. Н. Фрай (R. N. Frye) об Армазской билингве, Гиршмана — о тохарских надписях-инталях, А. Громана (A. Grohmann) — об арабской сфрагистике, мало разработанной, и ряд других.

В. Кр.

Не лишены интереса новые данные о продолжительности применения папируса в Западной Европе. По исследованию Лео Сантифаллера (Leo Santifaller. *Neue Forschungen zur Geschichte der Papyrusverwendung im Mittelalter*. Forschungen und Fortschritte, 27 Jahrgang, Heft 2, Berlin, August, 1953, стр. 58—59), в Италии и Испании папирус употребляли до второй половины X в., а в папской канцелярии — до конца XI в. От папируса перешли к пергаменту, а с начала XIII в. служебные книги писали на бумаге; в папской дипломатике бумага была введена с середины XIV в. Папирусный кодекс с описанием жития св. Нифона был написан в XI—XII вв.

В. Кр.

В „Атлас истории ислама“, составленный Х. В. Хазардом (*Atlas of Islamic History*, compiled by H. W. Hazard. Princeton Oriental Studies, v. 12, London, 1951; см.: *Antiquity*, № 103, September, 1952, стр. 143), не включены надгробия с надпи-

сями XII в. в южной Эфиопии (Султанат Шоа в долине Рифт).

В серии монографий, выпускаемых бельгийским журналом „Le Muséon“, уделяющим большое внимание изучению доисламской Аравии, появилась работа А. ван ден Брандена, посвященная самудской эпиграфике (Alb. van den Branden. Les inscriptions thamoudéennes. Bibliothèque du Muséon, v. 25, Louvain, 1951, 599 стр. + XXII таблицы). В ней собраны почти все известные ко времени ее появления надписи и приводятся чтения, данные их издателями. Книга делится на пять частей: 1. Введение, 2. Часть эпиграфическая, 3. Словарь, 4. Список имен собственных, 5. Указатель. Во „Введении“ автор рассказывает об истории открытия и расшифровки текстов, дает краткую сводку данных о народе, памятниками которого являются надписи, и грамматические заметки. Часть вторая содержит описание и перевод текстов, часто оригинальный.

Хотя многие положения автора, как и предлагаемые им чтения ряда надписей, являются спорными, работа имеет большую ценность, как наиболее полный свод всех материалов по самудской эпиграфике и как справочник. Тем более досадно большое количество опечаток и неудобный для пользования указатель.

В этой же серии вышла вторым изданием монография Рикманса „Религии доисламских арабов“ (G. Ruykmans. Les religions arabes préislamiques. Bibliothèque du Muséon, v. 26, Louvain, 1951, 64 стр.), дающая сжатое описание религиозных взглядов и обычаев арабов и перечисление жестов по трем областям Аравии: 1) центральной, 2) северной и 3) южной.

В. Кр.

Вышел из печати второй том работы иракского ученого Джавāда 'Али „История арабов до ислама“ (جوہاد علی تأریخ العرب قبل الاسلام, v. II. Багдад, 1371/1952, 431 стр.). О первом томе этой работы см.: ЭВ, VIII, М.—Л., 1953, стр. 94. Во втором томе содержится изложение истории южной Аравии до начала IV в. н. э. (кроме истории Ма'ина, помещенной в первом томе)

и истории северной Аравии примерно за тот же период времени. Работа делится на шесть частей: ч. I — Катабан, ч. II — Хадрамаут, ч. III — Мукаррибы и цари Саба', ч. IV — Цари Саба' и зу-Райдана, ч. V — Северные арабы и их связи с Ассирией и Персией, ч. VI — Связи северных арабов со странами Средиземноморья.

В работе широко использованы эпиграфические источники, в том числе и неарабские. Особенный интерес представляет часть V, в которой дается разбор академических надписей, относящихся к Аравии. Часть VI содержит подробную сводку данных греческих и римских источников об Аравии.

А. Л.

За последние годы на средства американского фонда по изучению человека (American Foundation for the Study of Man) проведены раскопки в нескольких местах южной Аравии. Один из отчетов опубликован в уже упоминавшейся серии монографий бельгийского журнала „Le Muséon“ [A. Jammes. Pièces épigraphiques de Heid bin Aqil, la nécropole de Timna' (Hagr Kohlan). Bibliothèque du Muséon, v. 30, Louvain, 1952, XIX + 252 стр. + XXVI таблиц]. Раскопки производились в 1951—1952 гг. в районе ваді Байхан, на развалинах древней столицы Катабана, Тимна'. Было вскрыто древнее кладбище и находившийся на нем храм. К сожалению, Жамм не дает описания самих раскопок, а только публикует найденный эпиграфический материал.

Экспедицией обнаружена 261 надпись, подавляющую часть которых (217) составляют могильные плиты, не дающие ничего, кроме имен собственных. Большинство имен имеет приставку каузативной породы h, характерную для сабейского языка, вместо ожидаемой катабанской приставки s, причем формы с h отмечены даже в самых ранних текстах. Остальные надписи связаны с раскопанным храмом и имеют преимущественно посятительный характер. Следует отметить большое внимание автора к палеографии надписей и сопровождающий издание палеографический указатель.

А. Л.

Исторической географии южной Аравии посвящена монография проф. Марии Хёфнер, выдающегося знатока южноарабских надписей, и проф. Виссмана, известного рядом путешествий по Йемену и Хадрамауту (M. v. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie des vorislamischen Südarabiens. Akad. d. Wissensch. u. d. Literatur in Mainz. Abh. d. Geistes- und Sozialwissensch. Kl., Jahrg. 1952, № 4, Wiesbaden, 1952, 168 стр. + 14 илл. + 2 карты). В работе дается описание археологических памятников, их локализация и идентификация географических названий, известных из древних надписей.

Работа делится на три части, соответствующие трем группам южноарабских государств: ч. I — Ма'ин и Саба' (северная группа), стр. 9—35; ч. II — Катабан и 'Авсан (центральная), стр. 35—77, и ч. III — Хадрамаут (южная), стр. 77—141. Книга снабжена хорошим указателем; большой интерес представляют иллюстрации: фотографии и планы городов, чертежи объектов, планы отдельных местностей и т. д. К работе приложены две карты: 1 — Южная Аравия в эпоху сабейского царя Кариба'иля Ватара; 2 — общая карта, содержащая итоги проделанной работы.

Очень интересны также имеющиеся в монографии исторические экскурсии; подробно разобраны: экспедиция Элия Галла (стр. 31—35), история небольшого государства 'Авсан (стр. 69—75), походы Кариба'иля Ватара (стр. 75—77) и история Хадрамаута и его древней столицы Шабва (стр. 109—122).

А. Л.

G. Ruyckmans. Inscriptions sud-ara-bes. Huithième série. Le Muséon, v. 62, Fasc. 1—2, Louvain, 1949, стр. 55—124.

Известный сабейст Ж. Рикманс (Бельгия) издал в 1949 г. восьмую серию южноарабских надписей. Серии 1—7, опубликованные последовательно на страницах журнала „Le Muséon“ в 1927, 1932, 1935, 1937, 1939 и 1941 гг., охватывают 358 надписей. В восьмой серии всего 85 надписей, №№ 359—443, причем часть их уже включена в „Репертуар семитической эпиграфики“ (о нем см. заметку акад. И. Ю. Крач-

ковского: ЭВ, IV, М.—Л., 1951, стр. 117—118) и в „Корпус химьярских надписей“, но большая часть надписей опубликована впервые. Информация о них, фотографии и эстампажи получены издателем через разных лиц, но собраны в основном английскими дипломатами, военными и политическими агентами, а также инженерами-разведчиками Американской нефтяной компании (American Oil Company).

По материалу и назначению надписи разнообразны; большинство их врезано на скалах, на плитах и архитектурных деталях; в меньшинстве амулеты и бронзовые таблички. Собственниками предметных надписей и воспроизведений являются музеи в Адене и Бомбее, а также частные лица, в том числе один из жителей Макаллам (стр. 68). Много надписей однословных или содержащих немного слов, но есть и многострочные. Особо интересны посвячительные надписи, заключающие сведения о земледелии, ирригации, строительстве. Встречаются новые имена южноарабского пантеона, новые данные о культе божества Зу-Сам'ауи (ср. № 367, стр. 62—65); в числе приношений упоминается золото (№№ 371, 367); названа долина, откуда происходит часть надписей.

По географическим признакам надписи распадается на две неравные группы: одни найдены в южной Аравии, другие — на Африканском материке. Надписи южноарабской группы собраны в 10 пунктах: в Аденском протекторате (хранятся в Аденском музее и в частной коллекции); из ваді Хаббан в 120 милях (около 184 км) от Адена; из ваді Соба в районе Хаббана; из ваді Дахр к северу от Сан'а; из Джебел 'Убайд в ваді ал-Фау; из Қарийат ал-Фау у входа в долину, пересекающую с запада на восток горную цепь Тувайк (из экспедиции Х. Фильби на юг от Рийада в начале 1948 г.); из района Бейх'ан, Хаджр Хену аз-Зурри, с руинами, стены которых возвышаются до 3 м (стр. 74—75); из горного прохода Маблага к ваді Бейх'ан; из Хаджр Кох'лан. К западу от побережья Красного моря отмечены письмена в Адди Шерамат'ен (Эритрея) и две надписи в Верхнем Египте (№№ 360—361) между Кене и морем.

Тексты в печатном виде издавы набром химьярского алфавита (ср. стр. 50).

прим. 1) параллельно с переводом на французский язык. В описаниях отмечены различные пошибы, например сходство с сафайтско-самудским письмом (стр. 112), и особенности диалекта (катабанский, №№ 366, 367, 391 и др.).

Комментарий обстоятельно продуман, при полном учете существующей литературы; выводы осторожны. В немногих случаях установлены подделки и сомнительные тексты. Издание сопровождается воспроизведениями на табл. I, II, IV—VIII по фотографиям и в графических рисунках; на табл. III изображена золотая статуя (№ 374),

плоды (№ 394), верблюд, изображение которого вырезано между строками (№ 367). Появились ранее не известные племенные и личные имена; обогатился также словарный запас и за счет терминологии.

Изданная весьма тщательно восьмая серия южноарабских надписей вводит в обращение богатый материал, особенно необходимый для сабеистов, но им будут пользоваться все семитологи и все, кто интересуется историей и материальной культурой древнего Востока.

В. Кр.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БФК	— Большой Ферганский канал.
БЧ	— Библиотека для чтения.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГИ	— Географические известия.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАО	— Записки Археологического общества.
ЗВО	— Записки Восточного отделения Русского Археологического общества.
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР.
ЗКОРАО	— Записки Классического отделения Русского Археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
Изв. РГО	— Известия Русского Географического общества.
Изв. Средазкомстариса	— Известия Среднеазиатского комитета по изучению старин и искусства.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР.
ИРКИСВА	— Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии.
ИЯЛИ КФАН	— Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.
Матер. ЮТАКЭ	— Материалы Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции.
МИА	— Московский институт археологии.
МК	— Махмуд Кашгарский. Изд. К. Брокельмана, Лейпциг, 1928.
ОГН	— Отделение гуманитарных наук.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
ПФАЭКЭ	— Памиро-Ферганская археолого-этнографическая комплексная экспедиция.
СА	— Советская археология.
САГУ	— Среднеазиатский Государственный университет.
САЗ	— Среднеассирийские законы.
Сб. МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии.
СТН	— В. В. Радлов. Словарь тюркских наречий.
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения Русского Археологического общества.
ТКЛА	— Туркестанский кружок любителей археологии.
ЭВ	— Эпиграфика Востока.

- BO — Bibliotheca Orientalis.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain.
KAJ — E. Ebeling. Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts. Leipzig, 1927.
KAV — Schröder. Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts.
NC — Numismatic Chronicle.
OLZ — Orientalistische Literatur Zeitung.
RChrér — Répertoire Chronologique d'épigraphie arabe.
RN — Revue Numismatique.
SPA — A Survey of Persian Art.
-
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Кайрак с именем имама Нәсира проповедника 658/1259—1260 г.	6
Кайрак с именем Абӯ Закарыйя' ал-Варагсерй и с датой 230/844 г.	8
Профиль сосуда с арабской надписью из Пянджикента	27
Фрагменты сосуда с арабской надписью из Пянджикента	28
Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г. Самарканд	31
Люстровый изразец 624/1227 г. из Киевского музея западного и восточного искусства	40—41
Булгаро-татарские памятники I и II стиля	48—49
Памятник 1382 г.	48—49
Памятник XVII—XVIII вв.	48—49
Памятник второй половины XVII в.	48—49
Прорисовка надписи руническими и арабскими буквами на сосуде с Фархадстроля	55
Фрагмент венчика хума с рунической надписью из Ош-хона	56—57
Фрагмент венчика хума VII—VIII в. с рунической надписью из Кизил Пиляу	56—57
Фрагмент Варухской надписи арабским алфавитом	56—57
Фрагмент Варухской надписи уйгурским письмом	56—57
Прорисовка рунической надписи из Исфары	57
Подкунинская руническая надпись	60—61
Монеты Гелиокла, Аза и чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла	64—65
Среднеассирийский юридический документ (по Эбелингу)	78
Клинописные обозначения на карасах. Кармир-блур, 1954 г.	81

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
М. Е. Массон. Среднеазиатские надгробные кайраки	3
Е. А. Давидович. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным	14
А. М. Беленицкий. Арабская надпись из Пянджикента	27
В. Д. Жуков. Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г.	30
Л. Т. Гюзальян. Надпись на люстровом изразце 624/1227 г. из Киевского музея .	33
Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфики	44
А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы	54
Э. Р. Рыгдылов. Подкуининская руническая надпись	59
В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла	63
Л. А. Липин. Новая филологическая интерпретация одного среднеассирийского юридического документа	76
Б. Б. Пиотровский. Клинообразные урартские надписи из раскопок на Кармир-блуре 1954 г.	80
М. В. Воробьев. К вопросу о денежном обращении в Маньчжурии и в Приморье с древности до монгольского нашествия	83
Рецензии	95
А. Г. Луидин. G. Ryckmans. Sur la trace de Saba en Arabie saudite	95
В. А. Крачковская. Report on the Excavations at Jerabulus. . . Part III. The Excavations in the inner Town by Sir Leonard Wolley and the Hittite Inscriptions by R. D. Barnett	96
И. П. Петрушевский. Ta'rikh-i Shaykh Uwais	97
Хроника и библиография	101
Список сокращений	107
Список иллюстраций	109

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор Издательства Г. М. Ибрагимова
Технический редактор А. А. Кирнарская
Корректоры Н. Г. Гилянская, А. В. Сорокина и Н. М. Шилова

РИСО АН СССР № 118—82В. Подписано
к печати 4/VIII 1956 г. М-07894. Бумага
84 × 108¹/₁₆. Бум. л. 3.5. Печ. л. 11.48.
Уч.-изд. л. 8.09+6 вкл. (0,56 уч.-изд. л.).
Тираж 1300. Заказ № 611.
Цена 5 р. 15 к.

1-я тип. Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
7	12 снизу	Бахти	Тахти
22	15 "	Иеҫақ	Исҫақ
25	табл. 1, графа 1	хаджры	хиджры
32	7 сверху	غريب	غريب
35	15 снизу	آنك	زانك
39	20 "	گي	گي
48	13 сверху	لله	له
62	Между строками 16—17 сверху		[8] я Туграк...
104	7 снизу	جوواد	جواد